

Оглавление

Предисловие

3

Роман как предмет (и предлог для) философствования
(введение к статье 1978 г., написанное в 2002 г.)

9

Становление жанра романа
в современных индийских литературах
(1978 г.)

63

Дополнения 2002

160

Приложение 1

Россия и Индия:

Заметки по сравнительной истории двух стран

190

Приложение 2

Индийская литература

198

Приложение 3

Литература хинди

201

Предисловие

Здесь под одной обложкой собраны тексты, написанные в разные годы: от 1978 до 2002-го. Можно сказать, что все эти тексты – части одного обширного «проекта» под общим названием «Проблемы понимания индийской культуры», но у каждого из них – своя особая история.

С 1970-го по 1992 г. автор этой книги работал в Институте мировой литературы (ИМЛИ) им. А.М. Горького (АН СССР, потом – РАН), где получал зарплату за изучение литератур Индии (Южной Азии). Основной формой (или, как сказали бы теперь, основным форматом) научной продукции ИМЛИ были так называемые коллективные труды. Предполагалось, что некий коллектив научных работников берется за некую научную проблему и общими усилиями глубоко и разносторонне разрабатывает ее (как сказали бы теперь, «производит мозговую атаку на проблему»). В действительности же эти «коллективные труды» нередко (если не большей частью) получались своего рода сборниками статей, более или менее связанных между собой той или иной темой.

Во второй половине 1970-х годов в ИМЛИ шла работа над одним из подобных коллективных трудов, который был опубликован в 1980 г. под названием «Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра»¹. Над своей статьей для этого сборника я работал в начале 1978 г. Работа меня увлекла – и в результате текст получился слишком длинным для коллективного труда, а некоторые мысли, которые я в этом тексте высказывал (прежде всего – об условности понятия «литература» и о воздействии европейской культуры на индийскую), не вписывались в общую концепцию данного труда и вообще в то, что можно было бы назвать «идеологией ИМЛИ» или даже «идеологией советского литературоведения». Поэтому по просьбе П.А. Гринцера летом 1978 г. я изготовил сильно сокращенную версию своей статьи, изъяв из нее (или сильно сгладив) также и «неудобные» мысли². Но машинопись первоначального варианта я все же сохранил.

Летом 2000 г., работая над статьей для сборника памяти А.С. Сухочёва³, я извлек из архива ту машинопись и, прочитав ее,

подумал, что стоило бы опубликовать ее *теперь и целиком*, потому что слишком много любопытного материала не вошло в опубликованную в 1980 г. краткую версию и, смею думать, не потеряло интереса и по сей день⁴. Правда, некоторые факты, наблюдения и мысли, изложенные в первоначальной версии, я позже использовал (и/или развивал) в других своих работах (опубликованных в основном с 1980 по 1990 г.)⁵. Но я не стал теперь изымать их из текста, потому что он был написан на одном дыхании и представляет собой некое органическое (почти живое) целое. Для данной публикации я сделал необходимую стилистическую правку (ведь той машинописи никогда не касался карандаш редактора) и в некоторых случаях – небольшую правку смысловую (убрав явные ошибки или несуразности)⁶.

Читатель может спросить: а есть ли смысл издавать работу, написанную более двадцати лет назад? Не лучше ли было бы написать новую работу на данную тему – с учетом новейших достижений науки и накопившегося опыта у самого автора? В ответ на подобные вопросы могу сказать вот что. Во-первых, насколько мне известно, ничего принципиально нового в области изучения ранней истории романа в Индии за прошедшие двадцать с лишним лет сделано не было (хотя не исключено, что дело скорее в моей недостаточной информированности). Во-вторых (и это более важно), сейчас я просто не мог бы написать подобное «сочинение на заданную тему» (по причинам, о которых речь пойдет ниже). В-третьих, я думаю, что данный текст представляет интерес именно в том виде, в каком он был написан в 1978 г. Я тогда пытался (не вполне успешно) выйти за пределы советского литературоведческого языка (теперь можно сказать – дискурса), и попытка эта (пусть даже не вполне удачная) поучительна – имеет некоторую педагогическую ценность.

Конечно, многое в том тексте теперь (возьмись я вновь за подобную тему) я написал бы иначе. Во многих местах имело смысл привести дополнительную информацию и/или изложить дополнительные соображения. Но вставлять в сам текст теперешние слова и мысли было бы и некорректно, и, пожалуй, невозможно по многим причинам⁷. Поэтому я избрал иной способ, уже опробованный

мною в другой недавней публикации⁸: вслед за текстом 1978 г. идут дополнения 2002 г.⁹

Одно из таких дополнений разрослось в целую статью. Уточняя ссылки на доклад М.М.Бахтина «Эпос и роман» (1941), я вновь перечитал этот несколько загадочный текст и увидел его совсем другими глазами. В результате возник своего рода развернутый комментарий на работу Бахтина. Этот комментарий (с некоторыми добавлениями) служит здесь введением к моей статье об индийском романе.

Соположение текстов одного автора на одни и те же темы, но разделенных временным промежутком в двадцать с лишним лет, создает своеобразный стереоскопический эффект – то есть (надеюсь) более объемное видение предметов исследования.

В качестве приложений здесь публикуются еще три небольших текста.

Эссе «Россия и Индия» было написано в конце 1996 г. для сборника материалов российско-индийской конференции, прошедшей в Институте востоковедения РАН в сентябре того же года¹⁰. Предполагалось, что материалы конференции будут опубликованы одновременно на двух языках: русском и английском. Поэтому составители сборника попросили всех авторов представить по два идентичных текста на обоих языках. По своему предыдущему опыту я знал, что мне легче сначала написать текст на английском, а потом перевести его на русский, чем работать в обратном порядке¹¹. Поэтому я сначала сочинил версию на английском (так пока и не увидевшую свет), а затем постарался точно перевести ее на русский. Внимательный читатель не сможет не заметить, что русская версия читается именно как перевод с иностранного. Это эссе развивает и дополняет некоторые мысли, высказанные в моем сочинении 1978 г. об индийском романе.

Две энциклопедические статьи: «Индийская литература» и «Литература хинди» — были написаны, кажется, в августе 1991 г. (перед самым путчем ГКЧП) для создававшейся тогда (но так и не созданной) «Энциклопедии Азии». Эти статьи из несостоявшейся энциклопедии также могут служить своего рода дополнением к тексту об индийском романе¹².

Примечания

¹ Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра / Отв. ред. П.А. Гринцер и Н.И. Никулин. М., 1980. Книга вышла мизерным по тому времени тиражом в 1650 экземпляров.

² См.: *Серебряный С.Д.* «Свое» и «чужое» в новом индийском романе / Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра. С. 231–250.

³ См.: *Серебряный С.Д.* Индийское перевоплощение Анны Карениной (роман «Сожжение дома» Ш. Чоттопадхья) / На семи языках Индостана. Памяти А.С. Сухочёва. М., 2002. С. 124–163 (книга вышла тиражом 250 экземпляров).

⁴ В 2001 г. имлийское издательство «Наследие» выпустило интересную книгу под характерным названием: «Литературоведение как проблема» (М., 2001). Книга посвящена памяти выдающегося ученого-гуманитария Александра Викторовича Михайлова (1938–1995). В книге, среди прочего, опубликованы два текста, имеющее одно и то же название: «Несколько тезисов о теории литературы». Первый текст (С. 201–223) – это стенограмма доклада, сделанного А.В. Михайловым на заседании в Отделении литературы и языка РАН 20 января 1993 г. Второй текст (С. 224–279) – это, очевидно, письменное воплощение того же комплекса мыслей (несколько более развернутое, но менее выразительное), опубликованное по машинописи из архива А.В. Михайлова. В этих двух текстах есть ряд мыслей, созвучных тому, что было написано мною в 1978 г. (в тексте об индийском романе) – см. далее соответствующие отсылки и цитаты.

⁵ См.: *Серебряный С.Д.* Видьяпати. М., 1980; *Серебряный С.Д.* К анализу понятия «индийская литература» / Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987. С. 228–266; *Серебряный С.Д.* Понятие «особая литературная общность» с точки зрения индолога / Народы Азии и Африки. 1987, №2. С. 35–44; *Серебряный С.Д.* Предисловие / Небо любви. Из средневековой индийской поэзии. М., 1980. С. 3–34; *Серебряный С.Д.*, *Коровин В.Л.* Послесловие / Ночная птица. Современная проза Бенгалии. М., 1984. С. 323–334; *Серебряный С.Д.* Предисловие / Люди земли. Современная проза Ориссы. М., 1987. С. 73–17; *Серебряный С.Д.* Индия без прикрас (предисловие) / От океана до Гималаев. Современная индийская повесть. М., 1990. С. 3–17; *Серебряный С.Д.* Послесловие [к роману ассамского писателя Б.К. Бхаттачарьи «Идущие на смерть»] / *Нейхал Ч. К свободе... Роман. Бхаттачарья Б.К.* Идущие на смерть. Роман (Библиография индийской литературы). М., 1990. С. 561–586; *Серебряный С.Д.* Послесловие / Сказки и легенды

Бенгалии. М., 1990. С. 250–288. См. также: *Сараскина Л.И., Серебряный С.Д.* Ф.М. Достоевский и Р. Тагор (Историческая типология, литературные влияния) / Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985. С. 129–169. Ср. также публикации постсоветского времени: *Серебряный С.Д.* Видьяпати и его книга... / Видьяпати. Испытание человека (Пуруша-парикша). М., 1999 (Литературные памятники). С. 117–214 [Статья была первоначально написана в 1990 г.]; *Серебряный С.Д.* [Предисловие] / Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Сутра о деяниях и дхарме бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. с кит. и коммент. А.Н. Игнатовича. М., 1998. С. 5–59. Переиздано в: *Серебряный С.Д.* «Лотосовая сутра». Предисловие к первому русскому переводу. М., 1998 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 24); *Серебряный С.Д.* Введение / История мировой культуры. Наследие Запада. Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций. М., 1998. С. 9–36.

⁶ При этом в некоторых случаях я правил текст по опубликованному варианту, который в свое время был отредактирован в издательстве моим давним другом Л.Ш. Рожанским.

⁷ Творчество филолога (и вообще гуманитаря) сродни творчеству художественному. Поэтому рискну привести отрывок из беседы композитора Алексея Рыбникова (род. в 1945 г.) с корреспондентом газеты «Труд» Анатолием Ткачевым:
«[А.Т.:] Вы часто возвращаетесь к своим уже написанным работам, чтобы что-то... в них изменить?
[А.Р.:] Иногда такое желание возникает, но я его стараюсь гасить. Потому что всякое сочинение – слепок с души автора в том ее состоянии, в каком она была в момент создания произведения. Изменять давно написанное – все равно что вмешиваться в дела другого человека» («Труд». 2000. 23 авг. С. 5).

⁸ См.: *Серебряный С.Д.* Рабиндранат Тагор – поэт и философ / Живая традиция. К 75-летию Индийского философского конгресса. М., 2000. С. 26–64.

⁹ Однако некоторые мелкие дополнения внесены все же и в сам текст, и в примечания.

¹⁰ См.: *Серебряный С.Д.* Россия и Индия. Заметки по сравнительной истории двух стран / Россия и Индия на пороге третьего тысячелетия. Материалы науч. конф. М., 1998 (книга вышла тиражом 200 экз.).

¹¹ То, что сможешь написать на английском, сможешь выразить и по-русски (пусть даже и ценой некоторого насилия над родным языком); но то, что напишешь свободно на родном языке, не всегда сможешь адекватно передать на чужом.

¹² Больше повезло двум другим моим энциклопедическим статьям о литературе (литературах) Южной Азии. См.: *Серебряный С.Д.* Бенгальская литература / Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 50–51; *Серебряный С.Д.* Бангладешская литература / Там же. С. 45.

Роман как предмет (и предлог для) философствования
(введение к статье 1978 г., написанное в 2002 г.)

В любом тексте (включая и те, что относятся к категории «научных»), кроме явных (умышленно высказанных автором) смыслов, есть еще и смыслы неявные, подспудные, которые могли быть осознаваемы автором в процессе написания (или еще до начала одного процесса, или только по его завершении), а то и не осознаваемы им самим. Подобные смыслы иначе можно назвать невыявленными мотивами (мотивациями) автора.

В моей статье об индийском романе есть по крайней мере два не вполне выявленных смысла-мотива, противопоставленных тому, что выше было названо «идеологией ИМЛИ» или «идеологией советского литературоведения». В этой идеологии два пункта (среди прочего) вызывали во мне как востоковеде (индологе) чувство протеста, иногда вырывавшееся наружу.

Сначала скажу о пункте более частном.

В течение долгого времени я должен был доказывать начальству, что «индийская литература» – понятие примерно такого же масштаба и сложности, как понятие «европейская литература», что исследовать индийскую литературу в целом под силу лишь коллективу ученых, а я один, зная в лучшем случае лишь два-три из полутора десятка важнейших индийских языков, могу с должной ответственностью заниматься исследованием лишь некоторых индийских литератур. Начальство считало, что я хитрю и отлыниваю от правильной работы.

Характерен в этом плане такой эпизод. В начале 1970-х годов группа индологов ИМЛИ работала над «коллективным трудом» по

литературе хинди. Но официально утвержденным названием этого к/т было: «Художественные направления в индийской литературе XX века». Лишь в качестве подзаголовка (и то, по-видимому, уже в издательстве) мы добавили честное уточнение: «Поэзия хинди»¹. Востоковеды ИМЛИ тогда образовывали «сектор», входивший в «Отдел зарубежных литератур»², которым заведовал незабвенный Роман Михайлович Самарин (1911–1974)³. Среди прочего, он занимался творчеством Р. Кипплинга и, вероятно, поэтому считал себя достаточно компетентным и в области индийской культуры. Индийские языки он считал всего лишь диалектами и требовал изучать индийскую литературу в целом. Тогдашний начальник имлийских востоковедов, В.И. Семанов, сформулировал принцип: «Начальство легче обмануть, чем переубедить», – и предложил нам, авторам, буквально следующее: «Сейчас Вы везде пишете “индийская литература”, а когда к/т будет утвержден на ученом совете, то Вы переправите это на “литература хинди”». Не думаю, чтобы подобная операция была технически осуществима. Так или иначе, смерть Р.М. Самарина в начале 1974 г. дала нам бульшую свободу маневра. Вот такая была «наука» в ИМЛИ.

Для к/т «Генезис романа в литературах Азии и Африки» меня опять-таки попросили написать статью об индийском романе вообще. Тут я сам уже вошел в азарт и счел это удобным случаем показать и коллегам, и начальству, сколь условны и сложны такие общие понятия, как «индийская литература», «индийский роман» и т. д. Отсюда определенный пафос моего текста, который теперь может выглядеть так, будто автор ломится в открытые двери.

Другой пункт «идеологии ИМЛИ», который я пытался оспорить в своем тексте, имел более общий характер и, в некотором смысле, составлял самую основу этой идеологии – того, что можно назвать «советской литературоведческой парадигмой». Речь идет о понятии «литература», о его объеме и о границах его применимости.

«Советская литературоведческая парадигма» это частный случай «советской парадигмы» в целом, и слово «литература» воплощало в себе едва ли не все основные черты этой «архи- (или

обер-)парадигмы». Так, по отношению к слову «литература» ярко проявлялось то свойство советской парадигмы, которое можно назвать вербализмом-реализмом⁴. То есть советский литературовед, как правило, исходил из (невыведенного) предположения, что за словом «литература» стоит некая определенная (и одна!) реальность, так что само слово (и стоящее за ним понятие) не нуждается ни в каком анализе⁵. Между тем слово «литература» весьма проблематично, и без обсуждения этой проблематичности не обходится ни одна более или менее серьезная западная работа по «теории литературы» или «сравнительному литературоведению»⁶.

Столь же ярко в случае слова «литература» проявлялся и характерный для «советской парадигмы» однолинейный псевдоисторизм⁷. Понятие «литература» легко распространялось на все века и культуры – и конструировались некая единая «история мировой литературы»⁸, некий единый «мировой литературный процесс»⁹.

Правда, в ходу была и «формульная» оговорка: «литература – понятие исторически изменчивое»¹⁰. Оговорка эта, уклончивая и обманчивая, отражает еще одну характерную черту «советской парадигмы» – любовь к (псевдо)онтологическим формулировкам и пренебрежение эпистемологией, эпистемологической рефлексией. В самом деле, сформулировано вышеприведенное утверждение как бы в онтологическом ключе («о том, что есть»): постулируется существование понятия «литература» (где? в чьем сознании? – это остается недоговоренным), которому приписывается свойство изменчивости (каким образом эта изменчивость осуществляется, опять же не говорится). Можно, конечно, представить себе примерно такую «реалистическую» интерпретацию: есть вневременная «идея литературы» (в сознании Бога или в «сознании» «мирового исторического процесса»), а конкретные люди в конкретных исторических обстоятельствах имеют в своем сознании то или иное отражение этой «идеи». Но с такой определенностью «реалистические» постулаты «советской парадигмы» никогда не выговаривались. Впрочем, оговорке об «исторической изменчивости понятия “литература”» можно дать и вполне осмысленное толкование в эпистемологическом ключе: исследователь (литературовед) имеет в своем сознании некоторое представление (понятие)

о том, что такое «литература», (т. е. что в его культуре или – уже – в его «научном сообществе» понимается под «литературой») и, обращая это понятие на разные культуры и эпохи, модифицирует его в зависимости от особенностей изучаемого материала и от своих конкретных научных задач и интересов. Но подобный эпистемологический подход «советской парадигме» был не свойствен. Вышеприведенное толкование, пожалуй, было бы расценено (заклеймено) как «субъективизм»¹¹.

Советский «литературоведческий дискурс» (который, разумеется, также был «исторически изменчив») заслуживает специального и подробного исследования. Здесь ограничимся лишь некоторыми замечаниями, нужными для нашей темы.

Прежде всего, само слово «литературоведение» (несомненная калька¹² с немецкого *Literaturwissenschaft*¹³) вошло в обиход, по-видимому, лишь с конца 1920-х годов¹⁴ – и прижилось, наверное, не сразу¹⁵. Но на памяти моего поколения «литературоведение» было уже вполне принятым словом – с привкусом официальности и даже бюрократичности¹⁶. В постсоветское же время есть явная тенденция от этого слова откеститься – даже среди самих литературоведов¹⁷.

В советское время «литературоведческий дискурс» был одним из немногих разрешенных способов говорения о культуре и ее истории. Разумеется, этот дискурс должен был так или иначе «вписываться» в общие рамки «советской парадигмы» или по крайней мере не очень явно ей противоречить. Авторы достаточно образованные и изощренные могли и в рамках этого дискурса (этой парадигмы) писать интересные тексты о литературе, которые, хоть и несут на себе неизгладимую печать своего времени, сохраняют ценность и за его пределами. Более того, под видом литературоведения часто создавалось («протаскивалось») нечто иное, что в более нормальных обстоятельствах было бы отнесено к философии, религиоведению или иным гуманитарным дисциплинам. Таковы, на мой взгляд, многие произведения М.М. Бахтина, начиная с его знаменитой книги 1929 г. «Проблемы творчества Достоевского» и кончая не менее знаменитой книгой о Рабле. Ближе к нашим дням хитроумный византинист С.С. Аверинцев написал якобы литерату-

роведческий труд под названием «Поэтика ранневизантийской литературы»¹⁸, который уже в советское время использовался на философских факультетах в курсах по истории греческой патристики. В наши дни Бахтина чаще (и справедливо) называют не литературоведом¹⁹, а философом (или просто мыслителем)²⁰, а Аверинцева – филологом, философом или даже теологом²¹.

Литературоведческий дискурс советского времени напоминает мне две игры времен моего пионерского детства. Одна игра была словесная – меж двумя игроками. Первый произносил зачин: «Барыня прислала сто рублей. Что хотите, то купите; да и нет не говорите; черного и белого не называйте» – и затем задавал второму игроку разные каверзные вопросы, чтобы заставить его все же произнести слова «да», или «нет», или «черное», или «белое». Задача же второго игрока состояла в том, чтобы отвечать на поставленные вопросы, не употребляя запрещенных слов. Так и советский литературовед должен был сочинять тексты на вполне определенные темы, избегая запрещенных «слов».

Вторая игра была «физкультурная» и называлась «бег в мешке». Соревнующиеся, подобно настоящим бегунам, выходили на старт, но обе ноги засовывали в мешки (в пионерских лагерях таковыми обычно служили чехлы от матрасов). По команде «марш» надо было продвигаться вперед от старта к финишу, держа края мешка двумя руками так, чтобы обе ноги все время были внутри мешка. Движения «бегунов», конечно, мало напоминали настоящий, свободный бег. Это были прыжки, более или менее ловкие, более или менее изящные. Задача состояла в том, чтобы, не упав по дороге и не выпростав ни одной ноги из мешка, добраться до финиша. Многим это вполне удавалось, некоторые же по той или иной причине сходили с дистанции.

Среди литературоведов (и вообще гуманитариев) советского времени можно различить два «идеальных типа» (по терминологии М. Вебера). Один «тип» это те, кто искренне полагали (или заставляли себя думать), что «бег в мешке» – это нормальный, «правильный» и «единственно верный» («единственно научный») вид «бега», и «бежали» таким образом каждый в меру своего умения. Другой «тип» – это те, кто понимали, что возможны и иные виды

«бега», но поскольку единственно дозволенным был «бег в мешке», то так или иначе приспособлялись к нему – а иногда (если позволяли обстоятельства) все же выпрастывали хотя бы одну ногу (а то и обе ноги) и позволяли себе более свободные движения²². Вероятно, были и те, кто предпочитали вообще не участвовать в подобных «забегах». Но о таких не сохранялась и информация в «истории спорта».

Теперь у нас другие проблемы. Старые «мешки» истлели и отброшены, новых пока никто надевать не велит. Но сама свобода оказалась испытанием. Привыкнув многие годы «бегать в мешках», трудно «в сжатые исторические сроки» научиться «бегать» свободно²³.

Мне кажется, у нас до сих пор не вполне осознан тот перелом, который произошел (или во всяком случае должен был произойти) в наших гуманитарных науках в начале 1990-х годов. С этим связаны и проблемы прочтения – понимания, восприятия и оценки – многих гуманитарнонаучных текстов советского времени²⁴. Странное впечатление производят иные нынешние списки рекомендуемой литературы для студентов и аспирантов, где легко соседствуют издания «глухих» советских лет, издания времен «перестройки» и публикации постсоветского времени. Как будто всю эту разновременную и разнородную продукцию можно запросто объединить под общим именем «наука» – и читать как один, единый дискурс. Так нетрудно заработать тяжелую форму шизофрении.

Гуманитарнонаучные тексты в гораздо большей степени, чем тексты естественнонаучные (или, скажем, математические), обусловлены временем и местом («хронотопом») и разнообразными обстоятельствами своего создания. Поэтому интерпретация гуманитарнонаучного текста всегда должна так или иначе учитывать различные «внеаучные» компоненты. Это общее (и достаточно тривиальное) утверждение можно проиллюстрировать на примере известной работы М.М. Бахтина «Эпос и роман»²⁵. Это эссе стоит здесь рассмотреть подробнее, потому что без ссылок на него в течение многих лет не обходилась у нас ни одна литературоведческая работа по истории (и/или теории) романа. Разумеется, и в моем тексте 1978 г. об индийском романе есть ссылки на эту работу Бахтина.

Но теперь, по прошествии многих лет, в свете нового знания, этот действительно выдающийся текст я могу прочитать по-иному. Обращение к нему позволит мне также высказать то, что я теперь думаю о «проблеме романа».

«Эпос и роман» – это доклад, прочитанный М.М. Бахтиным в ИМЛИ 24 марта 1941 г. Доклад, собственно, назывался «Роман как литературный жанр»²⁶. Опубликован он был впервые лишь в 1970 г. (в журнале «Вопросы литературы», 1970, № 1), когда Бахтина уже признали классиком отечественного (тогда – советского) литературоведения. В журнальной публикации тексту было дано заглавие «Эпос и роман», под каковым именем он и стал известен. С тех пор, как уже сказано, едва ли какое-нибудь отечественное исследование о тех или иных романах обходится без упоминания об этой работе Бахтина. Причем специалисты-литературоведы большей частью подчеркивают свое несогласие с теми или иными суждениями знаменитого автора²⁷.

Один из главных пунктов полемики – вопрос о том, откуда именно следует начинать историю романа и какой круг текстов (произведений) следует называть данным именем. В подходе к этому вопросу можно различить две основные позиции (или две «линии»). Первую традиционно связывают с именем Г.В.Ф. Гегеля, который в своих «Лекциях по эстетике» мимоходом охарактеризовал роман как «die moderne bürgerliche Epopöe»²⁸, что можно перевести как «гражданскую эпопею (гражданский эпос?) Нового времени»²⁹. При чтении некоторых литературоведческих работ может создаться впечатление, что Гегель разработал некую основательную «теорию романа»³⁰. На самом деле Гегель отнюдь не был литературоведом и в своих «Лекциях по эстетике» высказался о романе именно мимоходом³¹, посвятив ему всего лишь два абзаца. Так что в этом случае, как и во многих других, суждения Гегеля допускают и получают различные интерпретации.

Обычная интерпретация такова: роман «в собственном (полном) смысле слова» появляется лишь в Новое время, в новоевропейской культуре, а если какие-то произведения иных времен и культур называют «романами» («античный роман», «средневековый [евро-

пейский] роман» и т. п.), то это в лучшем случае «эмбриональные формы жанра»³². Едва ли не наиболее жестко эту «линию» провел Дьёрдь (Георг) Лукач в своей книге «Теория романа»³³. Поэтому (с некоторой долей условности) ее можно назвать «линией Гегеля–Лукача».

Другая позиция, другая линия рассуждений о романе имеет более давнюю историю и может быть прослежена по крайней мере до XVII в. – до «Трактата (или Письма) о происхождении романов» Пьера-Даниеля Гюэ³⁴ (1670). Впервые это сочинение было издано в качестве своего рода предисловия к роману Мари Мадлен де Лафайет (1634–1693), название которого по-русски теперь обычно передается как «Заида»³⁵. На титульном листе в качестве автора романа фигурировал [Ж.Р.] де Сегре (de Segrais)³⁶, поэтому «трактат» П.-Д. Гюэ иногда упоминается как «Письмо к господину де Сегре о происхождении романов»³⁷. В этом «Трактате-письме» ученый автор, говоря современным языком, «реконструировал», или скорее «сконструировал», историю романа, возведя ее истоки к эпохе (культуре) эллинизма (как опять-таки мы сказали бы теперь, употребив слово, придуманное в XIX в.)³⁸, а также к культурам народов Азии (арабов, персов и индийцев)³⁹. Как справедливо заметил А.В. Михайлов, «теоретический уровень трактата Юэ... следует считать безусловно высоким: в нем – конспект будущего литературоведческого осмысления романа вплоть до конца XIX в.; различные мотивы литературоведения, характерные оценки представлены у Юэ в кратком виде, в зародыше»⁴⁰. В нашей науке подход к роману как к единому по сути своей явлению (жанру), существовавшему в самые разные времена и в самых разных культурах (разумеется, в различных модификациях), полнее и ярче всего разработан в книгах Е.М. Мелетинского⁴¹. Поэтому вышеназванной «линии Гегеля–Лукача» («роман – продукт новоевропейской культуры») можно противопоставить «линию Гюэ–Мелетинского» («роман – явление универсальное, лишь по-разному проявляющееся в разных культурах»).

Но слишком жестко противопоставлять эти две «линии» значит становиться на точку зрения вербализма-реализма (*alias* «эссенциализма»), т. е. полагать, что за каждым словом (в данном

случае – за словом «роман») должны стоять лишь одно понятие и одна «вещь» (res) или «сущность» (ens). Если же встать на точку зрения трезвого номинализма, т. е. считать, что слова – лишь знаки, с каждым из которых могут ассоциироваться и разные понятия (идеи, представления), и разные «вещи-сущности»⁴², то тогда две вышеназванные «линии» в рассуждениях об истории романа будут смотреться скорее как два способа описания реальности, по-разному расставляющих акценты. В самом деле, такая ли уж большая разница: говорить ли о разных типах (или «стадиях развития») одного *жанра* («романе античном», «романе средневековом», «романе эпохи Возрождения», «романе Нового времени» и т. д.) или говорить, скажем, об «античном» и «средневековом» романе как об «эмбриональных формах» «настоящего романа» (т. е. «романа Нового времени»)? В обоих случаях речь всего лишь идет о теоретических «конструктах» (способы верификации которых, к тому же, четко не определены)⁴³.

В современной англоязычной философии употребляется выражение (термин, понятие) «natural kind(s)», что на русский обычно переводят как «естественный вид» («естественные виды»)⁴⁴, хотя, вероятно, можно перевести и как «естественный род» («естественные роды»). Под этим имеются в виду те множества единичных (отдельных) «вещей» («сущностей», «существ» и т. д.), которые объединены естественным родством (в том или ином смысле), например: лошади, дубы и т. д.⁴⁵ Кобыла рождает жеребенка; из желудя, выросшего на одном дубе, вырастает другой дуб. Поэтому объединение лошадей или дубов в один класс «сущностей», в один «вид» – не «конструкт», не игра нашего ума, а факт природы (можно сказать, «естественный факт»). По-иному обстоит дело с большинством тех «вещей-сущностей», которые исследует ученый-гуманитарий.

Например, между двумя романами можно, конечно, установить некое «родство» («генетическую связь»): то есть можно установить, что автор А написал свой роман после прочтения романа автора Б и знакомство автора А с романом автора Б так или иначе отразилось в первом из названных романов. Подобным образом можно даже устанавливать (с большей или меньшей убедительностью) «генети-

ческую связь» между группами (классами) текстов, например, «античными романами» и (по крайней мере некоторыми) «средневековыми (европейскими) романами» – и далее вплоть до европейских романов Нового времени. Но очевидно, что в данном случае речь идет о «родстве» и «генетической связи» иного рода, чем в случае лошадей или дубов.

Более того, литературоведы часто говорят о «типологическом родстве» между текстами, не подразумевающим «родства генетического». Так, например, отнесение «Кадамбари» Баны (Индия, VII в.), «Гэндзи-моноготари» Мурасаки Сикибу (Япония, XI в.) и, скажем, «Дон Кихота» Сервантеса (Испания, XVII в.) к одному классу («жанру») текстов под названием «роман» вовсе не подразумевает, что японская придворная дама XI в. читала роман на санскрите (вероятность этого события близка к нулю) или что Сервантес владел японским (мы знаем, что не владел). Литературовед в данном случае отвлекается от соображений «генетических» и относит названные тексты к одному классу («жанру»), потому что усматривает в них некое *существенное* (т. е. относящееся к самой их *сущности, природе*) сходство (или даже родство?). Иными словами, здесь мы имеем дело с конструкциями научного разума – с тем, что в математике и философии называется «абстракцией отождествления»⁴⁶.

Отождествление тех или иных объектов и/или отнесение их к одному классу, очевидно, всегда связано с той или иной конкретной ситуацией, с той или иной конкретной задачей описания (если речь не идет о «естественных видах»).

Например, если мы изобразим две совершенно одинаковые буквы «А»:

А А,

то мы, в зависимости от задач описания, будем вправе сказать, что здесь – две буквы (т. е. два отдельных печатных знака) или одна буква (если важно будет отметить, сколько здесь разных знаков алфавита).

Если же мы изобразим две такие буквы:

А а,

то, в зависимости от задач описания, можно будет сказать, что здесь две буквы, или два варианта одной буквы, или одна и та же буква.

Наконец, если мы изобразим, например, два ряда букв:

А, Б, В, Г, Д, Е и А, В, С, D, E, F,

то мы сможем сказать, или что это два совсем разных ряда (вида), или что это две разновидности одного вида, или что это в известном смысле представители одного и того же вида (алфавитные знаки, в отличие, скажем, от знаков иероглифических или от наскальных рисунков); опять-таки выбор описания будет зависеть от конкретной задачи и масштаба рассмотрения объектов.

Иными словами, та или иная группировка отдельных объектов (в «классы», «виды» и т. д.) – это всегда операция нашего сознания (ума, разума и т. д.), опять-таки с оговоркой: «если речь не идет о “естественных видах”» (хотя, вероятно, могут быть и спорные случаи – считать ли данный «вид» «естественным» или нет).

Подобным же образом, если мы рассматриваем (и описываем) какое-то число отдельных словесных текстов или групп текстов (объединенных по тем или иным признакам), то в зависимости от ситуации (задачи) нашего рассмотрения (и описания) мы можем по-разному их группировать. И важно различать «эпистемологический статус» единичных объектов (в данном случае – словесных текстов) и общих понятий, объединяющих те или иные объекты в те или иные группы. Конкретные тексты – это, так сказать, первичная реальность (хотя и тут могут быть свои проблемы: текст может существовать в разных версиях или вообще оказаться недоступным для непосредственного восприятия – и т. д.). Общие же понятия – это конструкты научного разума, которые всегда условны⁴⁷ и открыты для изменений⁴⁸.

Ситуация со словесно-художественными текстами осложнена еще и тем обстоятельством, что эти тексты не существуют как некая «объективная реальность», подобно, скажем, небесным телам или деревьям в лесу. В наши дни вряд ли надо доказывать, что «существование» («бытие») художественного текста во многом определяется его восприятием – т. е. восприятием разными человеческими существами, принадлежащими к разным культурам, к разным «хро-

нотопам». Любое описание художественного текста (на какую бы степень «научности» оно не претендовало) – это всего лишь описание, отражающее восприятие данного текста из определенной историко-культурной ситуации. Характерная абберация литературоведения заключается в том, что тексты разных времен и культур описываются с достаточно субъективной точки зрения (субъективной не в том смысле, что она принадлежит конкретной личности, а в том, что она обусловлена конкретной историко-культурной ситуацией), а затем эти описания выстраиваются в «исторический» (на самом деле, конечно, псевдоисторический) ряд – и на этом основании формулируются некие «исторические закономерности»⁴⁹.

Этот псевдоисторизм литературоведения особенно, может быть, бросается в глаза востоковеду, имеющему дело с *иными, другими, далекими от нас* (не только во времени, но и в «цивилизационном» отношении) культурами. Скажем, русский литературовед, изучающий русскую же литературу, т. е. находящийся *как бы* в одном культурной пространстве, если не прямо в одном «хронотопе», с изучаемым материалом, может еще тешить себя мыслью, что его (исследователя) восприятие материала достаточно «объективно» и достаточно верно отражает «сущность», «природу» этого материала и поэтому он (исследователь) может не «отвлекаться» на рассмотрение каких-либо эпистемологических (герменевтических) проблем. Разумеется, и в описанном «идеальном» случае герменевтическая «прозрачность» материала для исследователя может оказаться лишь самообольщением последнего (так, для современных русских «прозрачность» Пушкина уже зачастую обманчива; в постсоветское время адекватное понимание многих явлений советской жизни уже иногда требует немалых герменевтических усилий – и т. д.). Но когда подобную герменевтическую наивность переносят на изучение совсем *иных, чужих* культур (и «литератур»), то тут риск абберации становится еще большим⁵⁰.

Конечно, для педагогических или популяризаторских целей можно и нужно создавать («конструировать») различные «истории литературы», обзорающие с той или иной «точки зрения» и в том или ином ракурсе прошлое, запечатленное в словесных текстах

(отобранных для данной «истории» по тем или иным критериям). Не следует лишь подменять понятия и выдавать «реконструированную» таким образом – и неизбежно неполную, выборочную! – картину за «объективную (научную) историю литературы».

Но вернемся к М.М. Бахтину и его докладу 1941 г. «Эпос и роман». Странное дело: Бахтин (1895–1975) был современником ныне живущих поколений исследователей, его тексты были написаны и изданы как будто в близкие к нам времена (на самом деле – уже очень далекие и совсем другие⁵¹), но в понимании и толковании его текстов (как и в истолковании его личности в целом) наблюдаются немалые расхождения.

В частности, остается спорным, к какой «линии» в рассуждениях о романе он должен быть отнесен: к «линии Гегеля–Лукача» или к «линии Гюэ–Мелетинского». Бахтина обычно причисляют, хоть и с оговорками, к первой из названных «линий»⁵². И некоторые его формулировки как будто дают для этого основание⁵³. Но более тщательное прочтение и самого доклада «Эпос и роман», и других работ Бахтина по истории романа может дать основание и для отнесения его к «линии Гюэ–Мелетинского»⁵⁴. Главное же, как мне кажется, в том, что Бахтин вообще не был в душе литературоведом и лишь исполнял эту роль в силу обстоятельств, потому что другие роли для него были запрещены и ему нельзя было, скажем по-нынешнему, «позиционировать» себя в качестве философа. В частности, в докладе «Эпос и роман» тема романа была для Бахтина, по-моему, лишь предлогом для изложения своих идей по философии истории (и поэтому, может быть, он не очень обращал внимание на некоторые противоречия и «нестыковки» в плане истории литературы).

Жизнь и личность М.М. Бахтина, насколько я понимаю, еще ждут всеобъемлющего и цельного описания «на фоне эпохи». Но уже и сейчас, на основе имеющихся материалов, можно сделать некоторые предварительные обобщения, важные для интерпретации его работ. С.Г. Бочаров (лично знавший Бахтина в последний период его жизни и активно участвовавший в его «возвращении к читателям» в 1960–1970-х годах) пишет, что Бахтин вполне мог бы сказать о себе словами Анны Ахматовой:

Меня как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она...⁵⁵.

М.М. Бахтин по складу своей личности и своего интеллектуального дарования, а также по своему (само)образованию был прежде всего философ (или мыслитель, как он, по-видимому, предпочитал себя называть). Но уже в 1920-е годы стало ясно, что как философ он не сможет себя реализовать ни *в печатных изданиях*, ни даже *в устном слове* на родине⁵⁶. Мне кажется, что именно поэтому Бахтин в конце концов надел маску литературоведа: литературоведение было тем дискурсом, из числа дозволенных властью, в рамках которого он мог более или менее выразить себя, не вступая в открытый конфликт с правящей идеологией. Впрочем, даже в «карнавальном» облике литературоведа – Бахтина официально признали и разрешили только в либеральную (и тоже во многом «карнавальную») хрущевскую эпоху⁵⁷.

Чтобы вернее воспринять «Эпос и роман», стоит представить себе положение М.М. Бахтина на момент зачитания этого доклада в ИМЛИ 24 марта 1941 г.⁵⁸ В 1934 г. истек пятилетний срок его ссылки в Кустанае, но он прожил там еще около двух лет (будучи «в минусе», т. е. не имея права жить в столичных и больших городах). В 1936–1937 гг. он жил и работал в Саранске, преподавал в Мордовском гос. пед. институте⁵⁹. Летом 1937 г., когда и в Саранске начались повальные аресты⁶⁰, он «ушел в самоволку» – нелегально уехал в «столицы»⁶¹. Правда, уже в 1938 г. ему, по-видимому, удалось прописаться в Савёлове⁶², сравнительно недалеко от Москвы (но за стокилометровой чертой)⁶³, где он и прожил все годы войны⁶⁴. Итак, свой доклад об эпосе и романе в марте 1941 г. Бахтин читал в центре Москвы, будучи если уже и не беглым ссыльным, то во всяком случае человеком, не имевшим права *жить* в Москве (и «живавшим» в ней нелегально). Вероятно, тогдашнему начальству ИМЛИ делает честь то, что они готовы были предоставить трибуну такому человеку.

Когда теперь перечитываешь «Эпос и роман», то не может не броситься в глаза обусловленность этого текста своим (тогдашним,

советским) временем – и «советской парадигмой». Текст обнаруживает явные и характерные черты «советской стилистики», прежде всего – «образ автора-всезнайки», и отсутствие герменевтической рефлексии. В первом же предложении⁶⁵ Бахтин вводит ключевые для данного текста слова «роман» и «жанр», никак их не определяя, т. е. как будто – в духе вербализма-реализма – признавая («по умолчанию»), что за этими словами стоят и вполне определенные понятия, и вполне определенные «вещи» (правда вскоре, на с. 452, выясняется, что «жанр романа» определить практически невозможно; а со словом «жанр» потом происходят и вовсе странные превращения, но об этом – чуть ниже). Рассуждение ведется вполне в духе однолинейного и европоцентристского (псевдо)историзма: речь идет как будто о «мировой истории», но по ходу дела становится ясно, что на самом деле имеется в виду «история европейского человечества» (с. 455, ср. с. 466) – то, что происходило и происходит «в европейском мире» (с. 481). Очевидно, что Россия считается («по умолчанию») относящейся к этому «европейскому миру». «Восток» лишь упоминается в связи с «Киропедией» Ксенофонта (с. 471). В языке доклада есть ряд слов и оборотов, очень характерных для «советского языка» (*lingua sovetica*) или, по крайней мере, сейчас воспринимаемых как таковые. Например: «Они (вышеприведенные высказывания. – С.С.) часто *глубоко и верно отражают* борьбу романа с другими жанрами и с самим собою ... *на определенном этапе его развития*» (с. 453, здесь и далее в цитатах курсив мой. – С.С.). «Здесь дается, в сущности, *принципиальная критика...*» (с. 454). К этому же ряду, наверное, можно отнести и не раз повторяющееся в докладе слово «(коренная) перестройка»⁶⁶: «На проблеме романа теория жанров оказывается перед необходимостью *коренной перестройки*» (с. 452)⁶⁷; «...в перестройке образа человека в литературе» (с. 476); «Разрушение эпической дистанции... приводит к *коренной перестройке образа человека в романе...*» (с. 478).

Но при более внимательном вчитывании в «Эпос и роман» возникает ощущение, что и некоторую «советскость» его языка, и вообще весь этот текст в целом не следует понимать буквально; его «текстовую поверхность» не следует принимать за чистую монету. Это текст с двойным, а то и с тройным дном. Ведь недаром он

был впервые опубликован лишь в 1970 г. – только через семь лет после второго издания книги М.М. Бахтина о Достоевском (1963). Очевидно, советский литературоведческий истеблишмент «чуял» в этом тексте какую-то «идейную чуждость».

Вообще *публичные* тексты М.М. Бахтина, т. е. *предназначавшиеся им* для печати и/или публичного произнесения (по крайней мере, те, что были созданы с конца 1920-х годов), имеет смысл прочитывать как *иносказания*: эти тексты *на самом деле* говорят не (не совсем, не только) о том, о чем заявляют их названия и о чем они *как бы* говорят на первый взгляд⁶⁸. Так, исследователи творчества Ф.М. Достоевского, насколько мне известно, давно уже согласились между собой в том, что знаменитую книгу Бахтина о Достоевском⁶⁹ не стоит считать вполне объективным и достоверным анализом-описанием именно текстов Достоевского. Романы классика были для Бахтина скорее поводом и предлогом изложить некоторые свои идеи о литературе, о философии и культуре и о жизни вообще⁷⁰. Это, разумеется, не исключает и того, что в книгах Бахтина есть ценные суждения (и то, что по-английски называется *insights* – «прозрения») о текстах Достоевского, о его «творческом методе», о «поэтике» его романов и т. д.

Подобным же образом знаменитая книга Бахтина о Рабле⁷¹ – это не только и даже не столько исследование именно Рабле, сколько изложение определенной авторской концепции истории европейской (и русской?) культуры⁷². Иными словами, публичные тексты Бахтина – это своего рода *карнавал (маскарад)*, хотя, может быть, и не совсем в том смысле слова, который обычно придавал ему сам Бахтин⁷³. Помимо прочего, это *вынужденный* (чтоб не сказать *вымученный*) *карнавал-маскарад*.

Для описания и анализа доклада «Эпос и роман» можно использовать и некоторые другие любимые слова М.М. Бахтина. Так, можно сказать, что это текст – полифоничный, многоголосый, многоязыкий. «Советский язык», элементы которого были показаны выше, – лишь один из его языков, призванный, может быть, выполнять функцию мимикрии (карнавализации?)⁷⁴. Ведь Бахтин явно хотел «легитими(зи)роваться» в советском литературоведении, защитить в ИМЛИ свою работу о Рабле в качестве кандидатской дис-

сертации (что ему и удалось сделать в 1946 г.). Но «советский язык» для Бахтина – это все-таки «чужой язык», хотя и ставший почти «родным» («вторым родным»?). Использование «советского языка» – это «не-прямое говорение», «не на языке, а через язык, через чужую языковую среду»⁷⁵.

Вряд ли можно изобрести такое «рентгеновское просвечивание» текстов Бахтина, которое «объективно» и однозначно выявило и различило бы в них разные «языки» и «голоса». Скорее следует предположить, что эти «языки» и «голоса» сосуществуют в текстах Бахтина «нераздельно», хоть и «неслиянно». В частности, трудно сказать, всегда ли можно выявить и выделить в докладе «Эпос и роман» беспримесное «свое (собственное) слово» Бахтина, не контаминированное никакими «чужими словами»⁷⁶.

Но достаточно очевидно, что к этому докладу вполне приложимо то, что выше было сказано о других произведениях Бахтина: «Эпос и роман» не стоит прочитывать лишь как сугубо «научное» («историческое» или «литературоведческое») исследование об эпосе и романе. С.С. Аверинцев⁷⁷ кратко и жестко (хотя, разумеется, вполне академически и с должным почтением к памяти М.М. Бахтина⁷⁸) констатировал: то, что в докладе говорится об «эпосе» вообще, справедливо лишь по отношению к достаточно ранним представителям этого рода текстов, в терминах Аверинцева, – к «первичному», но не ко «вторичному» эпосу (конкретно: к «Илиаде» Гомера, но не к «Энеиде» Вергилия). Что же касается рассуждений Бахтина об истории романа, то, как уже сказано, большинство отечественных исследователей, специалистов в данной области, относятся к этим рассуждениям довольно критически⁷⁹. Нетрудно найти в докладе Бахтина и внутренние противоречия, и случаи некорректного употребления терминов⁸⁰, и прочие огрехи. Тем не менее в целом этот текст обладает некой мощной «харизмой», заразной энергией, которая особенно поразительна, если вспомнить те жизненные обстоятельства, в которых текст создавался.

Несмотря на все высказанные выше критические оговорки, в докладе Бахтина есть и несомненная «харизма» подлинной исторической мысли. Так, на мой взгляд, более серьезного внимания (чем это обычно бывает в литературоведческих работах) заслуживает мысль

Бахтина о новоевропейском романе как о своего рода «прорыве» словесности к «становящейся современности», к «незавершенному настоящему». Эта мысль явно была особенно дорога Бахтину: на страницах «Эпоса и романа» она повторена в разных вариантах и с разными акцентами более десятка раз!

Так, уже в «зачине» доклада мы читаем: «Роман вносит в них (в другие жанры литературы. – С.С.) проблемность, специфическую смысловую незавершенность и живой *контакт* (здесь и далее курсив мой. – С.С.) с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)... Роман – единственный становящийся жанр, поэтому он более глубоко, существенно, чутко и быстро отражает становление самой действительности. Только становящийся сам может понять становление» (с. 451).

Через три страницы, выделяя «три основные особенности» романа как «становящегося жанра», в качестве третьей из них Бахтин называет «новую *зону построения* литературного образа в романе, именно *зону* максимального *контакта* с настоящим (современностью) в его незавершенности» (с. 454–455).

Когда речь заходит конкретно об этой «третьей особенности» романа, то Бахтин сначала противопоставляет ему «эпос» как «жанр», не имеющий этой особенности:

«Эпический мир строится в *зоне* абсолютного далевого образа, вне сферы возможного *контакта* со становящимся, незавершенным и потому переосмысливающим и переоценивающим настоящим... [События и образы «эпического мира»,] так сказать, изъеются из современности с ее незавершенностью, нерешенностью, открытостью, возможностью переосмыслений и переоценок» (с. 461).

И вот еще несколько цитат из дальнейшего текста доклада:

«Роман соприкасается со стихией незавершенного настоящего, что и не дает этому жанру застыть. Романист тяготеет ко всему, что еще не готово» (с. 470).

«*Строясь* в *зоне контакта* с незавершенным событием современности, роман часто переступает границы художественно-литературной специфики, превращаясь то в моральную проповедь, то в философский трактат, то в прямое политическое выступление, то вырождается в сы-

рую, не просветленную формой душевность исповеди, в “крик души” и т. д. Все эти явления чрезвычайно характерны для романа как становящегося жанра. Ведь границы между художественным и нехудожественным, между литературой и не-литературой и т. п. не богами установлены раз и навсегда. Всякий спецификум историчен» (с. 476).

«Одной из основных внутренних тем романа является именно тема неадекватности герою его судьбы и его положения. Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности... Самая *зона контакта* с незавершенным настоящим и, следовательно, с будущим создает необходимость такого несовпадения человека с самим собою» (с. 479–480).

В заключение своего доклада (с. 481–483) М.М. Бахтин в первую очередь и затем еще и еще говорит именно об этой «особенности» романа.

«Подведем некоторые итоги.

Настоящее в его незавершенности, как исходный пункт и центр художественно-идеологической ориентации, – грандиозный переворот в творческом сознании человека... Роман с самого начала *строился* ... в *зоне* непосредственного *контакта* с этой неготовой современностью» (с. 481).

«Началась длительная борьба за романизацию других жанров, за их *вовлечение* в *зону контакта* с незавершенной действительностью» (с. 482).

Роман «по природе не каноничен. Это – сама пластичность. Это – вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр. Таким только и может быть жанр, *строящийся в зоне*⁸¹ непосредственного *контакта* со становящейся действительностью» (с. 482).

По-видимому, определение романа как «жанра», который «строится в зоне непосредственного контакта со становящейся действительностью (незавершенным настоящим)», справедливо в первую очередь (если не исключительно) для европейского романа Нового времени⁸². Со стороны тех, кто предпочитает трактовать роман как некий всевременный «жанр», подобное определение не может не вызвать критики. В текстах самого М.М. Бахтина остается неясным, в какой мере данное определение приложимо, среди прочего, к «античному роману»⁸³. В докладе «Эпос и роман» об иных разновидностях романа (скажем, о романе «средневековом», или «пре-

циозном», или тем более «восточном») речь вообще не заходит. Так или иначе, рассмотренная «формула» очень интересна по крайней мере с эвристической точки зрения. Мне кажется, что она приложена, в частности, к некоторым ранним образцам нового индийского романа XIX–XX вв.⁸⁴

Но, повторю, «Эпос и роман» – это, на мой взгляд, не только и не просто текст «научный», в качестве какового его обычно читают и истолковывают. Перечитывая этот доклад в недавнее постсоветское время (в 2000–2002 гг.), я почувствовал, что в нем есть и некие другие измерения – иносказательные и, может быть, даже пародийные. Конечно, описание названных измерений таит в себе несомненные опасности. Тут возникают сложные герменевтические проблемы. Действительно ли иносказание и/или пародирование входило в осознанный замысел автора? Если да, то в какой мере? Или можно лишь говорить о срабатывании каких-то подсознательных механизмов протеста – у автора, вынужденного проговаривать свои мысли в условиях жесткого идеологического (и не только идеологического) прессинга? Или названные измерения вообще могут возникнуть лишь в восприятии читателя, прошедшего советскую школу чтения между строк? Оставим эти вопросы без ответов и вернемся к тексту М.М. Бахтина.

Выше были отмечены некоторые элементы «советскости» в языке этого текста. Но в целом он, очевидно, не вписывался в каноны и пришелся не ко двору советскому литературоведческому истеблишменту. Среди прочего, можно заметить, что в докладе совсем нет таких ключевых для «советского дискурса» слов, как «коммунизм», «социализм», «капитализм», «материализм», «идеализм», «социалистический реализм», «классы»⁸⁵, «буржуазия» и т. д.⁸⁶ Нет и имен из «священной истории»: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин... Бахтин предложил текст, который *как бы* соответствовал требованиям тогдашней советской «политкорректности», но на самом деле скорее противостоял ей. Бахтин говорил *как бы* в рамках «советской парадигмы», но на самом деле – если не вполне и не только *своими* словами, то (в основном) вкладывая в слова (даже *чужие*) *свои* смыслы.

Иногда даже кажется, что Бахтин пародирует (еще одно его любимое слово!) некоторые «советско-марксистские» выражения.

Так, например, когда он говорит об «исторической борьбе жанров» (с. 449), или о «борьбе романа с другими жанрами» (с. 453), или о «длительной борьбе за романизацию других жанров» (с. 482), то трудно отделаться от впечатления, что здесь пародируются расхожие «советско-марксистские» формулы: «борьба классов», «борьба с классовыми врагами», «борьба за коллективизацию сельского хозяйства» и т. д.

Слово «жанр» в этих бахтинских формулировках выглядит как пародия на самого себя. Мне кажется, что для Бахтина это – «чужое» слово, которое он использовал за неимением лучшего, порой весьма «перенапрягая» его семантику. По крайней мере в одном месте доклада Бахтин «проговорился»: «Трагедия Гоголя есть в известном смысле трагедия жанра (понимая жанр не в формалистическом смысле, а как зону и поле ценностного восприятия и изображения мира)» (с. 471). Не возьмусь здесь и сейчас толковать эту несколько «темную» формулировку, но очевидно, что использование Бахтиным слова «жанр» выходит за рамки литературоведения и требует отдельного разговора.

Иначе говоря, похоже, что слово «жанр» у Бахтина, по крайней мере в некоторых случаях, выступает как *иносказание*. То же можно сказать и о некоторых других словах. Так, когда читаешь панегирик смеху:

«Смех обладает замечательной силой приближать предмет...
Смех уничтожает страх и пиетет перед предметом, перед миром...
Смех – существеннейший фактор
в создании той предпосылки бесстрашия,
без которой невозможно реалистическое постижение мира...
Смех... – исключительно важный и необходимый этап
на пути становления
свободно-познавательного и художественно-реалистического творчества европейского человечества» (с. 466), –

то трудно отделаться от впечатления, что речь тут идет вовсе не о смехе, а о чем-то другом, для чего в нашем языке, может быть, и слова еще нет⁸⁷.

Более того, осмелюсь предположить, что даже «главные» для доклада слова «эпос» и «роман» иногда оказываются иносказаниями. По крайней мере в двух или трех местах рассуждения об эпосе мо-

гут быть прочитаны как описания «советской идеологии» – с завуалированной (но не очень) критикой оной.

Вот, например, дается описание «черт», «конститутивных для жанра эпопеи»:

«Опора на безличное непререкаемое предание,
общезначимость оценки и точки зрения,
исключающая всякую возможность иного подхода,
глубокая пиететность в отношении предмета изображения
и самого слова о нем как слова предания...
...Предание отгораживает мир эпопеи от личного опыта,
от всякой личной инициативы в его понимании и истолковании,
от новых точек зрения и оценок...» (с. 460).
«Эпический мир знает одно-единое и единственное сплошь готовое мировоззрение,
одинаково обязательное и несомненное
и для героев, и для автора, и для слушателей.
Лишен эпический человек и языковой инициативы;
Эпический мир знает один-единый и единственный готовый язык»
(с. 477).

Не уверен, что это описание справедливо для «эпоса» всех времен и народов, но зато оно вполне прочитывается как критическое иносказание о «советской идеологии», «архаичной» и косной по меркам новоевропейской культуры.

В таком случае «роман» – это иносказание именно для новоевропейской культуры и ее ценностей⁸⁸, противопоставляемых ложным (или по крайней мере устаревшим) ценностям «эпоса» (читай: «советской системы»). Новоевропейская культура устремлена в будущее (future-oriented), причем в будущее неведомое – это «становящийся и еще неготовый жанр» (с. 447)⁸⁹, ее «жанровый костяк ... еще далеко не затвердел, и мы не можем предугадать всех его пластических возможностей» (с. 447). Не скрытая ли это полемика с советским «марксизмом», который претендовал на то, что может «научно» «предугадать» все «пластические возможности» человечества?

И еще:

«Самокритичность романа – замечательная черта его как становящегося жанра» (с. 450).

«Когда роман становится ведущим жанром, ведущей философской дисциплиной становится теория познания» (с. 459)⁹⁰.

Очевидно, что речь идет именно о Западной Европе Нового времени. В частности, расцвет русского романа отнюдь не сопровождался подъемом «теории познания» в России.

«Роман... связан с вечно живущей стихией неофициального слова и неофициальной мысли» (с. 464).

Это предложение могло быть воспринято как почти «антисоветская крамола». «Советская система» мыслилась «монолитной» – в ней не должно было быть противостояния «официального» и «неофициального» (иначе как подлежащего критике и осуждению).

«Необузданно-фантастические сюжеты и положения менипповой сатиры подчинены одной цели – испытанию и разоблачению идей и идеологов. Это – экспериментально-провоцирующие сюжеты» (с. 469).

Не рискованное ли высказывание для 1941 г.?

«У романа новая, специфическая проблемность: для него характерно вечное переосмысление-переоценка» (с. 473).

То же можно сказать и о новоевропейской культуре в целом. В советской системе, конечно, тоже время от времени происходили «переосмысления-переоценки», но они каждый раз провозглашались «истинами в последней инстанции».

«Сама романная действительность – одна из возможных действительностей, она не необходима, случайна, несет в себе иные возможности» (с. 480).

Здесь слышен отзвук идей Лейбница о «возможных мирах» (идей, развиваемых ныне в некоторых специальных направлениях философии и модальной логики). Здесь можно расслышать также и приглушенный ропот против «советско-марксистских» представлений об «исторической необходимости» и «исторических закономерностях».

Иногда же М.М. Бахтин оставляет литературоведческое иносказание и говорит без обиняков как историк и философ культуры (недаром его теперь записали в «культурологи»), например:

«Настоящее в его, так сказать, “целом” (хотя оно именно и не есть целое) принципиально и существенно не завершено: оно всем своим существом требует продолжения, оно идет в будущее, и чем активнее и сознательнее идет оно вперед, в это будущее, тем ощутимее и существеннее незавершенность его. Поэтому когда настоящее становится центром человеческой ориентации во времени и в мире, – время и мир утрачивают свою завершенность как в целом, так и в каждой их части. В корне меняется временная модель мира: он становится миром, где первого слова (идеального начала) нет, а последнее еще не сказано» (с. 473).

Здесь, среди прочего, подчеркнута интеллектуальная открытость новоевропейской культуры. Стражам «советской идеологии» трудно было бы «чисто конкретно» придраться к этому отрывку: он написан достаточно хитро и осторожно, не вступает в открытую конфронтацию со «священными коровами». «И всё же, всё же, всё же...» (А.Т. Твардовский).

«Человек до конца невоплотим в существующую социально-историческую плоть. Нет форм, которые могли бы до конца воплотить все его человеческие возможности и требования... Всегда остается нереализованный избыток человечности, всегда остается нужда в будущем и необходимое место для этого будущего. Все существующие одежды тесны (и, следовательно, комичны) на человеке» (с. 480).

Это могло быть не совсем понятно, но явно не вписывалось в «советскую идеологию», которая представляла себе человека гораздо проще.

В заключительном абзаце доклада общемировоззренческое утверждение «обрамлено» (согласно «законам жанра») литературоведческими виньетками:

«Процесс становления романа (читай: новоевропейской культуры. – С.С.) не закончился. Он вступает ныне в новую фазу. Для эпохи характерно необычайное усложнение и углубление мира, необычайный рост человеческой требовательности, трезвости и критицизма. Эти черты определяют и развитие романа» (с. 483).

Мало того, что автор не подчеркнул значение «социалистического реализма» и «руководящих указаний партии» для дальнейшего развития романа, он еще и о каких-то сомнительных «добродетелях» (на-

верное, «буржуазных») рассуждает: на самом деле «эпоха» (в лице своих «руководящих товарищей» и «компетентных органов») требовала веры в «мудрость партии и ее вождя» и «энтузиазма» в выполнении их «начертаний», а «критицизм» лучше было спрятать подальше.

В общем, понятно, почему «Эпос и роман» со скрипом опубликовали в журнале «Вопросы литературы» лишь в 1970 г., а в книге – лишь в 1975 г. К тому времени М.М. Бахтин был уже канонизирован как «советский литературовед» и приспособлен для «идеологически безопасного» использования.

Вышеприведенный анализ-комментарий текста Бахтина не претендует на статус «единственно верного» и «безусловно научного». Допускаю, что он достаточно субъективен. Но, в конце концов, автор этого комментария – младший современник и соотечественник Бахтина, проживший многие годы в той же «идеологической системе» и в той же «языковой среде» (правда, застав лишь более поздние стадии их существования). Поэтому данный комментарий – «свидетельство (почти) современника».

Надеюсь, что мне удалось во всяком случае показать, какие сложные герменевтические проблемы могут возникать при чтении и толковании гуманитарнонаучных текстов советского времени – и что всегда необходимо учитывать «человеческий фактор», необходимо представлять себе, какая именно человеческая личность написала данный текст и в каких жизненных обстоятельствах.

Продолжая эту мысль, рискну предложить теперь набросок «идеальной типологии» ученых-гуманитариев советского времени (основываясь на своем личном опыте 1960–1980-х годов). Можно выделить три «идеальных типа» (в смысле Макса Вебера) ученых-гуманитариев, работавших в последние (послесталинские и послехрущевские) десятилетия советской эпохи, или, иначе говоря, три «позиции», которые ученые могли занимать более или менее осознанно.

Первая позиция – позиция «идеологической службы»: ученый «позиционировал себя» (как сказали бы сейчас) в качества «бойца идеологического фронта» (как говорили тогда) – более или менее откровенно, более или менее искренне. Работы подобных «ученых» в наибольшей степени устарели, обесценились временем.

Вторую позицию можно назвать позицией «активного (или даже творческого) приспособления» («приспособления» в двух смыслах: себя к «советской парадигме» и «парадигмы» – к себе). Ученые, занимавшие эту позицию, стремились, используя (в большей или меньшей степени) язык официальной идеологии, «через» этот язык, выразить нечто иное, нечто новое; пытались превращать официальный догматизм в нечто более приемлемое, более похожее на «науку»⁹¹. Одним из наиболее ярких представителей этого «типа» был академик Н.И. Конрад (1891–1970)⁹². Работы ученых данного «типа» для своего адекватного понимания могут требовать теперь порой довольно изощренной герменевтики.

Третью позицию можно назвать позицией академического самоотстранения от официоза: ученый пытался уйти в такие области науки, в которых, как он надеялся, его не могла бы «достать» правящая идеология⁹³, и пользоваться таким языком, который был бы максимально дистанцирован от официального «советского языка», хотя и не противопоставлен ему агрессивно. Одной из наиболее известных попыток подобного рода (во многом успешной) была так называемая «семиотика», культивировавшаяся в 1960–1980-е годы сообществом ученых Тарту, Москвы и (в меньшей степени) Ленинграда. Символом (и душой) этого направления научной деятельности был, как известно, Ю.М. Лотман (1922–1993)⁹⁴.

Официальная идеология («советская парадигма») справедливо воспринималась как враждебная и вредоносная сила. Естественной реакцией многих честных ученых было само-отстраниться, отгородиться от этой силы и не участвовать в ее вредоносной деятельности. Выработывалась своего рода «этика неучастия», «этика неврежения»⁹⁵ (которая одновременно была и «этикой самосохранения») – противопоставленная и «этике сервильности (прислужничества)» у «бойцов идеологического фронта», и «этике приспособления».

Но обретенная таким образом «свобода» оказывалась во многом иллюзорной (что особенно видно теперь, из другого исторического времени). В 1970-е годы официальная идеология так или иначе подмяла под себя большую часть гуманитарного знания. Совсем не вписавшиеся или эмигрировали, или были полностью маргинализированы (оттеснены на обочину).

Позиция маргинала (добровольного или вынужденного) для ученого-гуманитария опасна тем, что она может превратить научные занятия в бесплодную игру ума ⁹⁶: отгороженный (хоть и не по своей воле) от потребностей общества (разумеется, в своих научных занятиях, а не в своей практической жизни), ученый рискует потерять весь *raison d'être* своей научной деятельности (не говорю, что это происходит неизбежно – но может произойти, и риск велик). «Этика неучастия и неврежения» может превратиться в «этику принципиальной бесполезности».

В постсоветское время, конечно, многое изменилось – и перед отечественными учеными-гуманитариями стоят теперь во многом (хотя и не во всем) иные проблемы. Предложенная выше «идеальная типология» теперь не актуальна – и не будет актуальна, если у нас снова не воцарится какая-нибудь форма авторитарной идеократии. Поэтому для нынешнего времени можно предложить другую типологию, которая, впрочем, может быть спроецирована и в прошлое.

Снова различим три «позиции», три «типа» и условно обозначим их как «ученый», «идеолог» и «художник».

«Ученый» – это тот, кто прежде всего и главным образом хочет установить, как обстоит дело на самом деле, т. е. (перефразируя известную формулу Леопольда фон Ранке ⁹⁷): *wie es eigentlich ist*. Намеренно не говорю: «стремится установить истину». «Истина» – слишком проблематичное слово. По-моему, заблуждаются те, кто думает, что сказав заветное слово «истина» (или другое заветное слово – «наука»), они всё проясняют и «снимают» все проблемы. С произнесения таких заветных слов все проблемы только начинаются. Конечно, и выражение «как обстоит дело на самом деле» не снимает никаких проблем, и «ученый», если он действительно ученый, должен осознавать проблематичность и этого парафраза. Но здесь и сейчас – не об этом речь.

Второй «тип», «идеолог», – это тот, кто прежде всего и главным образом озабочен утверждением и распространением своих (или чужих) идей (мыслей), которые он по той или иной причине («научной» или не вполне «научной») считает правильными, полезными и т. д.

Наконец, «художник» – это тот, кто тоже по-своему «познает действительность», но, как свойственно художникам, больше оза-

бочен самовыражением и созданием таких текстов, которые обладали бы именно «художественной», «эстетической» ценностью (уклоняюсь от обсуждения и этих достаточно проблематичных слов). Соображения «истинности» и «полезности» в данном случае могут отходить на второй план. В советское время ученые-гуманитарии (в частности, литературоведы) порой более или менее осознанно становились «художниками» (в вышеописанном смысле), потому что это позволяло им по-своему преодолевать рамки «советской парадигмы»⁹⁸. Впрочем, можно сказать, что гуманитарнонаучное творчество по самой своей природе сродни искусству, творчеству художественному. Вопрос лишь в том, *как* ученому-гуманитарию гармонично и разумно сочетать «научность» и «художественность».

Спешу еще раз подчеркнуть, что обе предложенные выше типологии имеют дело именно с «идеальными типами» в том смысле, который придавал этому выражению Макс Вебер. В реальных людях, в живых ученых-гуманитариях (и их трудах) «идеальные типы» могли «воплощаться» с той или иной степенью «чистоты»⁹⁹. В одном и том же человеке могли сочетаться – в той или иной пропорции, в то или иное время – разные «типы» (из обеих типологий). Стоит еще заметить, что если в первой типологии ценностные акценты различны (первый «тип» – явно «плохой», второй – «лучше», третий – в общем, пожалуй, еще «лучше», хотя в конкретных случаях ситуация может оказаться сложнее), то три «типа» второй типологии можно счесть «в идеале» равноценными. Важно лишь, на мой взгляд, понимать, что под достаточно широким термином «гуманитарные науки» (или «гуманитарное знание») реально кроются довольно различные «вещи» (и, может быть, не только те три или шесть, которые отражены в моих типологиях).

В заключение не могу не вернуться к теме «наука и власть». В 2001 или 2002 г. у меня был запомнившийся мне разговор с В.К. Финном, известным специалистом по математической логике и искусственному интеллекту. Речь шла о книге У. Эко «Роль читателя. Исследования по семиотике текста», русский перевод которой выходит в издательстве РГГУ. В.К. Финн написал довольно критическое послесловие к этому изданию. «Эко ничего не понимает в семиотике», – сказал В.К. с характерной для математиков безапел-

ляционностью. «Но ведь это интересная игра ума», – робко возразил я, вспомнив, наверное, свою имлийскую выучку («науку»). «Ну да, – вскипел В.К., – а потом самолеты будут падать!»

В этих словах выразилось огромное чувство ответственности, которое, очевидно, в самом деле *должен* ощущать математик или физик, всерьез занимающийся своей наукой (не говоря уже конкретно об авиаконструкторах). Ученые-гуманитарии, наверное, реже испытывают подобное чувство. Между гуманитарнонаучными занятиями и безопасностью авиаполетов (или других подобных процессов) нет непосредственной связи – но связи опосредованные нетрудно было бы и найти. Более того, продолжая мысль В.К. Финна, можно сказать, что вследствие неудовлетворительного состояния гуманитарных (и шире – общественных) наук падают не только самолеты, «падают» и распадаются государства. СССР потерпел позорный крах не в последнюю очередь потому, что его «официальная идеология», его знание о самом себе было неадекватно реальности. Гуманитарные и общественные науки, «зажатые» властью и ее «идеологией», никак не могли дать этой сбмой власти адекватного знания даже о ней самой – и о подвластной ей стране. Сомнительные результаты «реформ» 1990-х годов также, на мой взгляд, во многом обусловлены дефицитом знания «реформаторов» о собственной стране и ее «населении»¹⁰⁰.

Очевидно, что в разумно устроенном (благоустроенном) обществе (государстве) взаимоотношения науки и власти должны быть иными. Власть должна понимать ценность науки и знания – не только естественных наук, но в не меньшей степени наук общественных и гуманитарных. Власть должна понимать, что ей самой нужно не идеологическое прислужничество, а именно знание. Власть должна ценить и уважать ученых, должна понимать, что настоящее знание может быть получено ими только в условиях свободы (и, нельзя не добавить, в условиях достаточной материальной обеспеченности). Только предоставив ученым *достойную свободу*, власть вправе ожидать от них общественно значимых научных результатов. Только в условиях *достойной свободы* ученые (и здесь я имею в виду в первую очередь отечественных ученых-гуманитариев) смогут в полной мере перейти от «этики самосохранения» к некой иной, более

полноценной (и, хочу думать, научно более продуктивной) этике, которую я бы назвал (в первом приближении) «этикой социальной ответственности» (и одновременно – «этикой социальной востребованности»).

Конечно, проблемы общественнонаучного и гуманитарнонаучного знания в целом не сводятся только к советской или постсоветской специфике. С помощью естественных наук человечество (некоторые его части) научилось «покорять природу» – иными словами, управлять многими природными процессами или, по крайней мере, предсказывать их. Правда, это создало новые проблемы, так что теперь надо не столько дальше «покорять» природу, сколько беречь ее и приспосабливаться к ней. Так или иначе, хотя бы столь же эффективно «управлять» общественными процессами или хотя бы столь же эффективно их предсказывать – никто еще не умеет.

Вот несколько наиболее показательных примеров из недавней истории.

Мало кто предвидел и (может быть, отчасти поэтому) никто не смог предотвратить приход коммунистов к власти в Китае в 1949 г., хотя европейцы и американцы «присутствовали» в Китае и во многом даже контролировали его в течение десятилетий.

Подобной же неожиданностью оказалась для западных (как, впрочем, и для советских) политологов (у нас они тогда назывались иначе) «исламская революция» в Иране в конце 1970-х годов.

Западные «советологи» (которые, надо думать, работали в условиях достойной свободы) чуть ли не до самого 1991-го не предсказывали столь скорого развала СССР.

Наконец, у всех у нас перед глазами в целом довольно грустные итоги нашего постсоветского десятилетия.

Но очевидное несовершенство общественных и гуманитарных наук мы должны воспринимать как вызов (challenge) и как стимул для деятельности.

Примечания к гл. I

- ¹ См.: Художественные направления в индийской литературе XX века. Поэзия хинди. М., 1977.
- ² Выражение «зарубежные литературы» (иногда встречающееся и до сих пор) – яркий пример «культуроцентризма». Разумеется, подобный этноцентризм свойствен не только нам. Так, в нынешних индийских университетах предмет истории делится на «Indian history» и «History of countries other than India». В библиотеке Гейдельбергского университета меня поразил (в 1989 г.) каталог литературы по истории, разделенный на две равные части: одна называлась «Deutsche Geschichte» («Немецкая история»), другая – «Weltgeschichte» («Мировая история»).
- ³ См. о нем и вообще об ИМЛИ интересные воспоминания М.Л. Гаспарова: *Гаспаров М.Л. Записки и выписки*. М., 2000. С. 250–256.
- ⁴ Отсылаю читателя к моему эссе «О “советской парадигме” и о нашей (постсоветской) герменевтической ситуации», которое должно быть опубликовано в серии «Чтения по истории и теории культуры».
- ⁵ См. свидетельство Ю.М. Лотмана (1973 г.): «Объектом изучения литературоведа является художественная литература. Положение это настолько очевидно, а самое понятие художественная литература представляется в такой мере первичным и непосредственно данным, что определение его мало занимает литературоведов» (*Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» / Проблемы поэтики и истории литературы* (Сб. статей к 75-летию со дня рождения М.М. Бахтина). Саранск, 1973. С. 20).
- ⁶ Так, и первая (по времени) англоязычная книга по «сравнительному литературоведению» (*Posnett H.M. Comparative Literature*. New York, 1886), и одна из самых популярных (в смысле – модных) на Западе в конце XX г. книг по теории литературы (*Eagleton T. Literary Theory. An Introduction*. Oxford, 1983) открывались длинными (и до сих пор для нас весьма поучительными) рассуждениями на тему «Что такое литература?». Несколько подробнее об этом см. в статье: *Серебряный С.Д. К анализу понятия «индийская литература» / Литература и культура древней и средневековой Индии*. М., 1987. С. 239–244. Ср. в «Тезисах» А.В. Михайлова: «“Литература” – это ... одно из слов, которые в настоящий исторический час должны быть, наряду с остальными основными словами науки о литературе и наук о культуре, подвергнуты историческому анализу... То, что стоит за литературой в сочетаниях “история литературы”, “наука о литературе” и т. п., далеко не очевидно...» (*Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы [1992–1993 г.] / Литературоведение как проблема*. М., 2001. С. 251, 260). Показательно

(для истории и нынешнего состояния нашей науки), что А.В. Михайлов с эмфазой и даже пафосом провозглашает то, что давно должно было бы стать общепринятым и само собой разумеющимся.

- ⁷ См. выше примеч. 4. Ср. своего рода ритуальную формулу или даже ритуальное заклинание, которое (в разных вариантах) повторял из работы в работу один из классиков советского литературоведения – В.М. Жирмунский:

«Основной предпосылкой сравнительной истории литературы является единство процесса социально-исторического развития человечества, которым в свою очередь обусловлено единство развития литературы как идеологической надстройки» (Гёте в русской литературе [1937] / *Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе. Л., 1982. С. 8).

«Основной предпосылкой сравнительной истории литературы является единство процесса социально-исторического развития человечества, которым в свою очередь обусловлено единство развития литературы как одной из идеологических надстроек» (Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения [1946] / *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 18).

«Основной предпосылкой сравнительно-исторического изучения литератур разных народов является идея единства и закономерности общего процесса социально-исторического развития человечества, которым обусловлено и закономерное развитие литературы или искусства как идеологической надстройки» (Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур [1960] / Там же. С. 68).

«Основной предпосылкой сравнительного изучения литературы разных народов является единство и закономерность общего процесса социально-исторического развития человечества, которым обусловлено и закономерное развитие литературы и искусства как образного познания действительности...» (Литературные течения как явление международное [1967] / Там же. С. 138).

«Основной предпосылкой сравнительного изучения литературы разных народов является единство и закономерность общего процесса социально-исторического развития человечества, которыми обусловлены (так! – С.С.) повторяемость общественных явлений разных стран» (*Жирмунский В.М.* Сравнительно-исторический метод в литературоведении / Краткая литературная энциклопедия (далее – КЛЭ). Т. 7. М., 1972. С. 126).

- ⁸ О словосочетании «мировая литература» и стоящих за ним разных понятиях (идеях, представлениях и т. д.) – см. далее в настоящем издании с. 73, 171.

- ⁹ Слово «процесс» вообще было одним из любимых слов «советского языка» (*lingua sovetica*). Широко употреблялись такие, например, выражения, как «(мировой) исторический процесс», «мировой революционный процесс» (как позднесоветская замена «мировой революции») и т. д. В начале 1990-х мне случилось присутствовать на каком-то собрании «культурологов» (которые были в основном бывшими преподавателями бывших «общественных» дисциплин). Выступавший перед ними представитель министерства культуры (явно еще чиновник советского времени) с большим пафосом употреблял словосочетание «мировой культурологический процесс» (не берусь судить, какой смысл он в эти слова вкладывал).
- ¹⁰ Ср., например, у того же А.В. Михайлова (но в одном из текстов еще советского времени, впервые изданном в 1983 г.): «Само понятие “литература”, далекое от того, чтобы быть всегда понятием одного объема, исторически изменчиво...» (*Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи / Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 20*). «Формульной» эту оговорку можно назвать потому, что *îà* прилагалась и к другим словам (понятиям). См., например: «Содержание понятия атеизм изменялось в ходе истории и было тесно связано как с характером религиозных учений, так и с развитием самого атеизма» (*Пиццик Ю.Б. Атеизм / Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 40*).
- ¹¹ Ср. более развернутые («амплифицированные») варианты «формулы» «“литература” – понятие исторически изменчивое»:
 «...само представление о том, что именно является “литературой” как таковой и входит в ее состав, – величина переменная, претерпевающая существенные изменения в ходе веков» (*Bunner Ю.Б. Вступительные замечания / История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 7*).
 «Факт разного состава литературы в различное историческое время совершенно очевиден... [Так, например,] “Исповедь” Аврелия Августина, безусловно, памятник литературы поздней античности... (это произведение даже называют первым по времени автобиографическим романом), но “Исповедь” Льва Толстого *обычно в историях русской литературы не рассматривается* (курсив мой. – С.С.); о ней говорят только в плане общего изучения творчества ее автора. Таким образом, очень сходные по теме, характеру, несомненно, значительные по литературным качествам произведения в более раннее историческое время входят в состав литературы, в более позднее – нет» (*Конрад Н.И. Введение / История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 14*).
 Наивный (если не наигранный, с хитрецей) аисторизм приведенных высказываний, надеюсь, достаточно очевиден. В частности, в постсоветских «историях русской литературы» «Исповедь» Льва Толстого, наверное, уже «рассматривается».

- ¹² Странно, что это слово не учтено в недавно вышедшем и очень интересном словаре: *Арапова Н.С.* Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000 (тираж 300 экз.).
- ¹³ В самой Германии это слово стало употребляться, очевидно, с конца XIX г. См. довольно едкую критику немецкой *Literaturwissenschaft* в знаменитой книге Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (сошлюсь на английский перевод: *Curtius E.R.* *European Literature and the Latin Middle Ages* / Tr. from the German by W.R. Trask. Princeton. 1983. P. 11–12). Критика Э.Р. Курциуса, по крайней мере отчасти, может быть переадресована и нашему литературоведению.
- ¹⁴ Так, в известных статьях Ю.Н. Тынянова «Литературный факт» (1924 г.) и «О литературной эволюции» (1927 г.) слова «литературоведение» еще нет. Но уже в 1928 г. появились книги: *Литературоведение* / Сб. под ред. В.Ф. Переверзева. М., 1928 и *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. Л., 1928. В словари же это слово вошло еще позже. Академический «Словарь современного русского литературного языка» (Т. 6. М.; Л., 1957) отсылает лишь к четырехтомному «Толковому словарю русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова), соответствующий (второй) том которого вышел в 1938 г.! Характерно, что и «Словарь Ушакова», и «ССРЛЯ», несколько по-разному определяя «литературоведение» («СУ»: «Совокупность наук, объединяющих историю и теорию литературы»; «ССРЛЯ»: «Наука о художественной литературе, ее теории и истории»), дают один и тот же единственный пример словоупотребления: «марксистско-ленинское литературоведение». Иного, как говорится, было не дано.
- Ср. недавнее высказывание (может быть, и с перехлестом) автора постсоветской формации: «Литературоведение придумала советская бюрократия. Брокгауз и Ефрон такого понятия не знают. Литературную критику – знают, а литературоведение – нет. До революции в России была филология. Даже и не наука, а просто – любовь к слову... [После революции] можно ли было терпеть филологию? Упразднили в литературоведение... Придумали литературоведение. Или... скорее всего, украли у педантичных немцев, с давних времен оттачивающих искусство разбирать по косточкам да раскладывать по полочкам. И живое тело русской литературы стало загнивать, *проанализированное* и прокрученное через мясорубку *смежных дисциплин*» (*Фокин П.* Литературоведение / Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 429).
- ¹⁵ Интересно, что даже в первом издании Большой Советской энциклопедии нет отдельной статьи «Литературоведение», а есть лишь статья «Литературная критика» (Т. 37. М., 1938. С. 154–210; авторы – В. Гриб и В. Щербина), хотя по своему содержанию она вполне могла бы быть названа литературоведческой. Само слово «литературоведение» в этой

статье встречается, но лишь в критическом контексте: «Большое значение в развитии советской критики имело последовательное разоблачение вульгарного социологизма в литературоведении и критике. Начало борьбы с вульгарным социологизмом в литературоведении было положено известным выступлением ЦК ВКП(б) против вульгаризации марксистско-ленинской теории в преподавании истории» (с. 207). Вероятно, ко времени выхода в свет этого тома БСЭ в 1938 г. слово «литературоведение» ассоциировалось в основном с какими-то «разгромленными уклонами». Но позже оно было принято в *lingua sovetica*.

¹⁶ Можно вспомнить в этой связи горько-ироническое стихотворение (1960-х годов) Бэллы Ахмадулиной «В гостях у литературоведа», в котором чета самодовольных литературоведов символизирует пошлость и лицемерие советского истеблишмента.

¹⁷ Показателен в этом плане уже не раз цитированный сборник «Литературоведение как проблема» (М., 2001). Вот еще две красноречивые из него цитаты:

«Само слово – литературоведение – чрезвычайно искусственно. Даже подозреваю, хотя не успела выяснить, что появилось оно у нас в 30-х годах, в соответствующую советскую эпоху. И чуть ли не всякий, кто занимается тем, что это слово должно покрывать, боится его, как чумной заразы, и в разных справках о себе старается писать что угодно: филолог, историк литературы, культуролог (хотя “культуролог” – тоже слово неважное). Но только не литературовед. За этим, видимо, стоит некое не до конца вербализованное ощущение, что это искусственное слово или безмерно широко или вообще ничего не означает» (*Роднянская И.Б.* «У этого рода занятий есть свое сердце...» / *Литературоведение как проблема*. М., 2001. С. 500). «Большая часть отечественных “литературоведов” имела судьбу, сходную с судьбой большей части отечественных (советских, понятно) “философов”, выполняя функцию охранительную, то есть, наблюдая за тем, чтобы никто ни литературы, ни философии не ведал, а если и увидел, то не понял» (*Касаткина Т.А.* О литературоведении, научности и религиозном мышлении / Там же. С. 461).

¹⁸ Первое издание – М., 1977, второе – М., 1997.

¹⁹ По свидетельству С.Г. Бочарова, сам М.М. Бахтин слово «литературоведение» не любил (см.: *Бочаров С.Г.* Событие бытия. М.М. Бахтин и мы в дни его столетия / *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 508).

²⁰ Ср.: «Д[увакин]: Вы были больше философ, чем филолог? Б[ахтин]: ...Философ. И таким и остался по сегодняшний день. Я философ. Я мыслитель» (Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 42).

Интересно проследить отношение к М.М. Бахтину энциклопедических изданий разных времен. В первом томе «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1962), вышедшем как раз накануне «нового открытия» Бахтина в 1963 г. (см. далее примеч. 57), ему посвящена коротенькая статья (в 13 строк!), в которой он определен как «рус. сов. литературовед». В советской «Философской энциклопедии» (первый том вышел в 1960 г.) статьи о М.М. Бахтине нет. В пятом томе (М., 1970. С. 574) ему уделено четыре строки в статье «Эстетика». Даже в двух изданиях «Философского энциклопедического словаря» (М., 1983 и 1989) нет статьи о Бахтине; имя его упоминается четыре раза: в статьях «Комическое», «Мифология», «Семиотика» и «Юмор». В «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987), в котором нет статей-персоналий (и нет полного указателя имен), М.М. Бахтин присутствует по крайней мере в двух статьях: «Карнавализация» и «Мениппея» — как автор данных терминов. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) Бахтин упоминается шесть (!) раз: в статьях «Дискурс», «ОПОЯЗ», «Речевой акт», «Семиотика» и «Языкознание» (дважды!). В «Новой философской энциклопедии» (Т. 1. М., 2000. С. 224–225) есть обстоятельная (почти на две страницы!) статья о М.М. Бахтине (автор — Л.А. Гоготишвили), в которой он определен как «русский филолог, философ, историк культуры».

- ²¹ Разумеется, и того и другого относят к всеобъемлющей «культурологии». М.М. Бахтин такого слова скорей всего вообще не знал (и во всяком случае к себе не прилагал). А С.С. Аверинцев, хотя именно он, вероятно, одним из первых употребил это слово по-русски в конце 1960-х (см.: *Аверинцев С.С. Культурология Йохана Хейзинги / Вопросы философии. 1969. № 3*), вряд ли рад такому себя определению.
- ²² Мой текст 1978 г. об индийском романе — это, пожалуй, «бег» с одной выпрошенной ногой. Я не смел (и не умел) совсем отбросить «мешок».
- ²³ Показательны в этом плане уже не раз упомянутые тексты А.В. Михайлова 1992–1993 годов («Несколько тезисов о теории литературы»). Выдающийся филолог и своеобразный философ-интуитивист, бульшую часть своей жизни вынужденный «бегать в мешке», упоён вдруг наступившей свободой и пытается продемонстрировать коллегам-литературоведам, как можно «бежать без мешка». Но свободные движения с непривычки даются ему с трудом: он то по-прежнему совершает прыжки, то спотыкается на ровном месте, то просто падает — но все же это «бег» свободного человека, а не вынужденный аттракцион под наблюдением «массовика-затейника».
- ²⁴ Есть соблазн встать на точку зрения, сформулированную М.М. Бахтиным в разговоре с С.Г. Бочаровым в 1970 г.: «Все, что было создано

за эти полвека на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно». Причем, по свидетельству Бочарова, Бахтин не делал исключения и для своих работ (см.: *Бочаров С.Г.* Событие бытия... С. 515). Но невозможно просто выбросить из истории своей культуры несколько десятилетий. С наследием советского времени нам еще долго предстоит разбираться.

²⁵ См.: *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) / *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 447–483.

²⁶ Там же. С. 4.

²⁷ Едва ли не первым интерпретатором высказываний М.М. Бахтина о романе (еще задолго до опубликования эссе «Эпос и роман») у нас выступил В.В. Кожин (см. его книгу: *Происхождение романа*. М., 1963). Поэтому полемике с Бахтиным обычно сопутствует полемика с Кожинным (а иногда и с их общими идейными предшественниками – Гегелем и Лукачем). См., например: *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976. С. 3–5; *Гринцер П.А.* Две эпохи романа / Генезис романа в литературах Азии и Африки. М., 1980. С. 5–8; *Аверинцев С.С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература / Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 10–11; (то же / *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 153–154); *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983. С. 4–5; *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 125–130; *Андреев М.Л.* Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. С. 6–7.

²⁸ См.: *Михайлов А.В.* Роман и стиль / *Михайлов А.В.* Языки культуры. М., 1997. С. 423. А.В. Михайлов ссылается на издание: *Hegel. Werke*. Berlin, 1838. Bd. 10. T. 3. S. 395.

²⁹ Перевод этой гегелевской фразы (как и переводы многих других его высказываний) сопряжен с рядом трудностей. Едва ли не каждое слово здесь (кроме определенного артикля *die*) – проблематично. Обычный перевод – «современная буржуазная эпопея» (см.: *Гегель*. Лекции по эстетике. Книга третья / Сочинения. Т. 14. М., 1958. С. 273; *Гегель*. Эстетика в 4-х томах. Т. 3. М., 1971. С. 474; *Гегель*. Лекции по эстетике. Т. 2. СПб., 1999. С. 411). Но такой перевод не вполне верен. Дело в том, что подобные фразы Гегеля вообще невозможно *просто* переводить – их следует толковать (интерпретировать), вскрывая их многозначность (или изначально задуманную самим Гегелем, или возникшую со временем – в немецком тексте и/или в русском переводе). Наибольшую сложность представляет понимание слова *bürgerliche*. По-видимому, прав был В.В. Кожин, указавший на неуместность в данном случае

перевода этого прилагательного как «буржуазный» (см.: *Кожин В.В.* Происхождение романа. М., 1963. С. 62), но предложенный им перевод «мещанская эпопея» (Там же. С. 62, 302), хотя и имеет свои резоны, создает по-русски нежелательные ассоциации. По-моему, тут лучше всего подходит для перевода (который все равно потом нуждается в толковании) русское прилагательное «гражданский» (ср. *bürgerliche Gesellschaft* = гражданское общество). Такой знаток немецкого языка, как А.В. Михайлов, предложил перевод: «современная эпопея гражданской жизни» (см.: *Михайлов А.В.* Роман и стиль / *Михайлов А.В.* Языки культуры. М., 1997. С. 423), – который учитывает и Е.М. Мелетинский (см.: *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 125). Перевод *moderne* как «современный» тоже, по-видимому, не вполне точен, потому что *moderne* здесь относится скорее всего к Новому времени (*die Moderne*) в целом. Но в русском языке у нас нет прилагательного от словосочетания «Новое время». Наконец, для полноты картины стоило бы еще проследить, каким образом и в каких смыслах Гегель употреблял слово *Eporöe*. Иначе говоря, о гегелевском определении романа и о проблемах его перевода на русский язык можно было бы написать отдельную статью-комментарий.

³⁰ В частности, и М.М. Бахтин в своем докладе «Эпос и роман», называя ряд известных рассуждений о романе в Западной Европе XVIII г. (Г. Филдинга, К.М. Виланда, Х.-Ф. Бланкенбурга), далее замечает: «Завершением же этого ряда является, в сущности, теория романа, данная позже Гегелем» (*Бахтин М.М.* Эпос и роман. С. 453). Однако это высказывание Бахтина (как и многие другие в данном эссе и в иных его работах) следует понимать не буквально, а *cum grano salis* (см. далее).

³¹ Или, как выразился В.В. Кожин, «под занавес, скороговоркой» (см. *Кожин В.В.* Происхождение романа... С. 414).

³² Ср.: «Со времен “Эстетики” Гегеля стало популярным представление о романе как о “буржуазной эпопее” нового времени, по отношению к которой ранние формы романа, и прежде всего роман средневековый, можно считать романом только условно или рассматривать его как эмбриональную форму этого жанра» (*Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983. С. 4).

Как и во многих других случаях, взгляды самого Гегеля могли быть и сложнее, и изменчивее. Ср. замечание Г.К. Косикова: «Гегель... отнюдь не предлагал концепцию романа “на все времена”, но, напротив, подчеркивал, что речь идет лишь о “новейших романах”, о “романическом начале в современном смысле этого слова”, о романе как о “современной буржуазной эпопее”, которую он специально отличал от предшествующих ей по времени “рыцарских” и “пастушеских” романов» (*Коси-*

ков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман нового времени) / Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 27).

³³ Lukacs G. Die Theorie des Romans. Berlin, 1920 (> Berlin, 1963). См. также французский перевод: Lukacs G. La théorie du roman. Paris, 1963.

³⁴ Пьер-Даниель Гюэ (Pierre-Daniel Huet, латинизированная форма имени – Huetius, 1630–1721) был заметной личностью во французской (и вообще европейской) культуре «века Людовика XIV» (годы жизни Людовика XIV – 1638–1715, королем Франции он стал в 1643 г.). По разным причинам (которые заслуживают отдельного рассмотрения) имя П.-Д. Гюэ сейчас не столь известно, как имена его знаменитых современников, из которых назовем прежде всего двух: Жана де Лафонтена (1621–1695) и Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). Сам Гюэ был человеком многих интересов. Если бы он жил на век-два раньше, мы бы теперь называли его «гуманистом» (но к людям XVII в. это название как будто не применяется). Французские энциклопедии XIX–XX вв. определяют его как «*érudit*», что соответствует английскому «*scholar*», а на нынешний русский можно перевести как «ученый-гуманитарий». Немецкие энциклопедии определяют Гюэ как «французского филолога, теолога и философа». И еще он был поэт (причем стихи сочинял на греческом и латыни), а в молодости написал роман под названием «Диана де Кастро», который был издан лишь после смерти автора (в 1728 г.). Он интересовался также математикой, астрономией, химией (написал на латыни поэму о соли) и другими естественными науками.

В 1670–1680 П.-Д. Гюэ был наставником дофина и подготовил для него «адаптированные» издания (около 60 томов!) античных классиков (откуда и пошло выражение «*ad usum Delphini*»). В области философии Гюэ известен как критик эпистемологического оптимизма Декарта. И здесь он, возможно, опередил свое время (интересно было бы сравнить его критику с текстами, например, Серена Кьеркегора или Чарльза Пирса). Впрочем, с антикартезианскими мыслями Гюэ солидаризовался в личном письме не кто иной, как Г.В. Лейбниц (см.: Лейбниц Г.В. Сочинения: 4-х томах. Т. 3. М., 1984. С. 151–158). П.-Д. Гюэ был также активным участником «спора о древних и новых» (на стороне «древних»), и именно ему Лафонтен адресовал свое знаменитое «Послание епископу Суассонскому...» (1687), посвященное этому спору. Гюэ, помимо всего прочего, был теологом и церковным деятелем, в разные годы занимал разные церковные должности; иногда по последней из них его называют «епископом Авранша».

В XIX в. ему было посвящено не менее пяти научных монографий на французском языке. В XX в. интерес к этой личности, очевидно, поубавился. Но не исключено, что он опять возрастет. См., например, недав-

ную монографию итальянской исследовательницы: *Rapetti E. Pierre-Daniel Huet: Erudizione, filosofia, apologetica. Milano, 1999.*

У нас сейчас П.-Д. Гюэ мало кому известен. Курьезный факт: в первом издании Большой Советской энциклопедии ему по ошибке посвятили две статьи. В томе 19 (М., 1930. С. 771) он фигурирует как «**Гуэций** (латинизир. Huet), Пьер Даниель (1630–1721), епископ Авранша, французский ученый (математик, теолог, философ и филолог), ловкий версификатор на латинском и греческом языках» (далее еще упоминаются его издания «ad usum Delphini»). А в томе 20 (М., 1930, с.79) есть более длинная статья (с библиографией!): «**Гюэ** (Huet), Пьер Даниель (1630–1721), французский представитель т. н. теологического скептицизма – философского течения, пытавшегося привести человека к вере посредством скептического сомнения и критики разумного знания. При помощи аргументов, заимствованных у античных скептиков, Гюэ подверг резкой критике философию Декарта...». Ни в той, ни в другой статье не упоминается «Трактат о происхождении романов». В двух последующих изданиях Большой Советской энциклопедии вообще нет статей о П.-Д. Гюэ. Нет о нем статей ни в «Краткой литературной энциклопедии», ни в «Философской энциклопедии».

В указателях этих изданий есть слово «Юэ», но это – термин китайской философии (эстетики). «Юэ» может быть также частью китайских имен, например: Юэ Фей (поэт XII в.). Поэтому, в частности, имя (фамилию) Huet по-русски лучше, на мой взгляд, передавать как «Гюэ» (ср. Hugo = Гюго, Heine = Гейне и т. д.). В разных изданиях это имя воспроизводится по-разному. В «Истории французской литературы» (Т. 1. М., 1946. С. 462) – как «Гюэ» (а в скобках добавлено для ясности – Huet; единственное упоминание – именно в связи с «Трактатом о происхождении романов»). В «Истории всемирной литературы» (Т. 4. М., 1987. С. 155) – как «Юэ» (единственное упоминание – в названии «Послания епископу Суассонскому Юэ» Лафонтена). В сборнике «Спор о древних и новых» (М., 1985) – как Юэ (см. по указателю). А в «Сочинениях» Г.В. Лейбница – как Гюэ и Гуэций (см., например, Т. 3. М., 1984, по указателю). Интересно, что и А.Н. Веселовский (см. его Избранные статьи. Л., 1939. С. 17), и М.М. Бахтин (см.: Эпос и роман / *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 465) вообще отказывались транскрибировать имя Huet русскими буквами и писали его латиницей.

³⁵ В XVII в. оно писалось как «Zayde», по нынешней французской орфографии – как «Zaïde». Это имя собственное главной героини романа, имя, очевидно, арабское. Поэтому по-русски его вернее было бы передавать как «Саида» (буквально: «госпожа»; ср. мужское имя «Саид»). На русский язык этот роман мадам де Лафайет, насколько мне известно,

не переводился. См., например: *Гриб В.Р.* Мадам де Лафайет / *Гриб В.Р.* Избранные работы. М., 1956. С. 337; *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. М., 1983. С. 264–265.

³⁶ Жан Реньо де Сегре (1624–1701) – французский поэт.

³⁷ Первое издание названного романа вышло в Париже в 1670 г. В Музее книги Российской государственной библиотеки есть амстердамское переиздание 1671 г. На титульном листе значится: «Zayde, histoire espagnole, par Monsieur de Segrais. Avec un traitté de l'Origine des Romans par Monsieur Huet». Но далее в самой книге (с. 5 первой пагинации) «предисловие» П.-Д. Гюз названо так: «Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais: De L'Origine des Romans». Отсюда, очевидно, разноречивые отсылки на это сочинение Гюз. Его называют то «трактатом», то «письмом» (ср. одно из переизданий в XX г.: *Lettre-traité de Pierre-Daniel Huet*. Paris, 1971), то просто «книгой». Переиздания в виде отдельной книги, действительно, были – и не одно, в XVII в. и позже. Но показания доступных мне источников расходятся. Тут нужны дополнительные библиографические изыскания. В XVII–XX вв. «Трактат» П.-Д. Гюз не раз переводился на другие европейские языки. В 1780-х годах появился и (по сей день единственный полный) русский перевод – в «Университетской типографии» Н. Новикова: *Г. Гуэция* Историческое рассуждение о начале романов... Переведено с фр. яз. Иваном Крюковым. М., 1783. В антологию «Литературные манифесты западноевропейских классицистов» (М., 1980) вошли фрагменты из «Трактата» П.-Д. Гюз в новом переводе Е.П. Гречаной (Пьер-Даниэль Юэ. «Трактат о возникновении романов»). А.В. Михайлов в своей статье «Роман и стиль» (см.: *Михайлов А.В.* Языки культуры. М., 1997. С. 408) ссылается на сравнительно недавнее научное (немецкое!) переиздание «Трактата»: *Huet P.D.* Traité de l'origine des romans / Hrsg. von H. Hinterhäuser. Stuttgart, 1966.

³⁸ По-видимому, П.-Д. Гюз одним из первых «перекинул теоретический мост» от романов своего (уже Нового) времени к тем произведениям эпохи эллинизма, которые позже (с XIX г.?) тоже стали называть романами («греческими», «античными» или «эллинистическими»). Как пишет И.А. Протопопова, «в стремлении отыскать предшественников, чтобы с помощью этого лучше осознать собственную специфику и закрепить ее в качестве нормы, новый европейский роман не столько находит, сколько создает свою родословную» (курсив мой. – С.С.). Так, в обратной исторической перспективе создается канон жанра, возникает представление о греческом любовном романе, во многом определяющее восприятие этих книг вплоть до нашего времени» (*Протопопова И.А.* Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001. С. 14). Ср. у М.М. Бахтина в эссе «Эпос и роман»: «Греческий роман оказывал сильное влияние на

европейский роман именно в эпоху барокко, то есть как раз в то время, когда началась разработка теории романа (аббат Huet) и когда уточнялся и закреплялся самый термин “роман”. Поэтому из всех романских произведений античности он закрепился только за греческим романом» (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 465).

- ³⁹ «Ce n'est ny en Provence, ny en Espagne, comme plusieurs le croient, qu'il faut esperer de trouver les premiers commencemens de cét agreeable amusement des honnestes paresseux: il faut les aller chercher dans les païs plus éloignez, et dans l'antiquité la plus reculée» (Zayde..., Amsterdam, 1671. P. 5). В переводе Ивана Крюкова (1783): «Не в Провансе, ниже в Испании, как многие думают, надлежит надеяться сыскать первые начатия сего приятного увеселения честных ленивцев: надобно искать оных в отдаленнейших землях и в самой глубокой древности» (Г. Гуэция Историческое рассуждение о начале романов... С. 3). В новом переводе Е.П. Гречаной: «Не в Провансе и не в Испании, как полагают многие, можно надеяться отыскать первоначало этого приятного развлечения благородных любителей праздности, нужно отправиться на поиски в более отдаленные страны и в самую глубокую древность» (Юэ П.-Д. Трактат о возникновении романов / Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 412).

- ⁴⁰ Михайлов А.В. Роман и стиль / Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 414, примеч. 20. М.М. Бахтин в своей работе «Слово в романе» (1934–1935) говорит о «книге Юэ (1670)» как «первом и авторитетнейшем специальном исследовании о романе» (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 184, примеч. 1). Правда, представление П.-Д. Гюэ о том, что такое роман (что следует понимать под словом «роман»), несколько отличалось от представлений современных исследователей (и это естественно, поскольку автор «Трактата» не читал романов XVIII–XX вв.; даже «Принцесса Клевская» мадам де Лафайет появилась лишь восемь лет спустя, в 1768 г.). Гюэ сформулировал свое представление так: «...ce que l'on appelle proprement Romans sont des fictions d'avantage amoureuses, écrites en Prose avec art, pour le plaisir et l'instruction des Lecteurs» (Zayde... P. 6). В переводе Ивана Крюкова (1783): «...то, что собственно называют романами, не что иное есть, как вымыслы любовных приключений, написанные прозою с искусством для забавы и наставления читателей» (Г. Гуэция. Историческое рассуждение о начале романов... С. 4). В переводе Е.П. Гречаной (1980): «...то, что мы называем собственно романами, – это вымышленные любовные истории, искусно написанные прозой для удовольствия и назидания читателей» (Юэ П.-Д. Трактат о возникновении романов / Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 412).

Ср. *Веселовский А.Н.* История или теория романа / *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л., 1939. С. 17; *Кожин В.В.* Происхождение романа... С. 93–94. «Трактат» П.-Д. Гюэ заслуживал бы нового полного перевода на современный русский язык – и подробного исследования.

⁴¹ См. прежде всего: *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986; *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. М., 1983.

⁴² Ср. замечание Ю.Н. Тынянова в его статье «О литературной эволюции» (1927 г.): «Роман, кажущийся (кому? – С.С.) целым, внутри себя на протяжении веков развивающимся жанром, оказывается не единым, а переменным, с меняющимся от системы к системе материалом, с меняющимся методом введения в литературу внелитературных речевых материалов, и самые признаки жанра эволюционируют» (*Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 274–275).

⁴³ Впрочем, спор о том, считать ли роман специфическим «продуктом» (ново)европейской (западной) культуры или явлением «всевременным», «всемирно-историческим», т. е. свойственным (почти) всем достаточно сложным («развитым») культурам, можно истолковать как своеобразное отражение более общего «спора» из области всеобщей истории или даже философии истории. Это «спор» о том, что вернее: 1) считать (ново)европейскую (западную) культуру (цивилизацию) «всего лишь» одной из общего ряда культур (цивилизаций), пусть и «достигшей наивысшей стадии (закономерного) развития человеческого общества», или 2) относиться к оной цивилизации как к чему-то совершенно уникальному, небывалому в истории – или очень хорошему («чуду»), или очень плохому («проклятью остального человечества»). По-видимому, ни то, ни другое утверждение не поддается эмпирической проверке (ни «верификации», ни «фальсификации»), и наиболее разумно занимать некую срединную позицию: признавать ярко выраженную индивидуальность (ново)европейской (западной) культуры, ее огромные отличия от прочих культур человечества (во благо это или во зло – особый вопрос), но в то же время учитывать, что и эта культура «не с неба свалилась», а возникла на той же планете и на той же «биологической основе», что и прочие культуры (хотя, может быть, и в результате некой необычной «мутации»). Применительно к «проблеме романа» это может означать признание «особого статуса» (ново)европейского романа без отрицания его возможного «родства» («генетического» или «типологического») с теми или иными группами текстов в иных культурах. Ср. проблему соотношения «разрывов» и «преемственности» в истории, обсуждаемую далее на стр. 84, 92 и др.

⁴⁴ См., например: *Грязнов А.Ф.* Крипке С.А. / Современная западная философия. Словарь. М., 1998. С. 197; *Макеева Л.Б.* Крипке С.А. / Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 323.

- ⁴⁵ Не найдя подробного объяснения понятия «natural kind» в доступной мне литературе, я рискнул обратиться с вопросом (по электронной почте) к американскому философу Ричарду Рорти – и получил от него следующий ответ (с любезным разрешением его процитировать): «Я думаю, что это довольно старое выражение, но оно получило новую жизнь в работах Крипке в 1970-е годы. Основная идея здесь – аристотелевское различие между теми вещами (things), которые объединены в группы природой (особи одного биологического вида и т. д.), и теми, которые объединяем в группы мы ради практического удобства: например, когда мы говорим, что молоток и зубочистка – это инструменты или что изнасилование и растрата – это преступления. Для Крипке и его последователей химические элементы – образцовый пример естественных видов (the paradigm case of natural kinds): два материальных предмета относятся к одному и тому же естественному виду, если у них один и тот же атомный вес – в отличие от какого-нибудь несущественного свойства, как, например, полезности для одной и той же цели».
- ⁴⁶ См., например: *Нагорный Н.М.* Абстракция отождествления / Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 20: «**Абстракция отождествления** – способ формирования общих абстрактных понятий, состоящий в том, что при рассмотрении каких-либо реальных, осязаемых исходных объектов принимаются во внимание лишь те их различия, которые по тем или иным причинам оказываются для нас существенными, и игнорируются другие – несущественные. Объекты, различающиеся лишь несущественным образом, начинают считать одинаковыми».
- ⁴⁷ Что касается, в частности, такого конструкта (понятия), как «роман», то очевидно, что в «науке» нет единомыслия по вопросу о том, каковы (выражаясь словами М.М. Бахтина) «конститутивные черты» этого «жанра». Особенно наглядно это проявляется при «проецировании» понятия «роман» на античную словесность. Здесь стоит процитировать выразительный абзац из университетского учебника И.М. Тронского: «Античность не оставила специального наименования для этого жанра. Пользуясь позднейшей терминологией, его принято называть *романом*. Наименование это основано на том, что интересующий нас античный жанр, имея своим содержанием борьбу обособленных индивидов за их личные, частные цели, представляет очень значительное тематическое и композиционное сходство с некоторыми видами позднейшего европейского романа, в формировании которого античный роман сыграл немалую роль. Однако подобное применение позднейших жанровых обозначений к явлениям древней литературы часто бывает связано с известным моментом условности. Это тем более имеет место в данном случае, что самый термин “роман”, возникший в XII г., успел претерпеть

за восемь столетий своего существования целый ряд смысловых изменений и покрывает чрезвычайно разнообразные литературные явления. Многозначность термина в новой литературе породила разноречивость и в его использовании по отношению к античности. При широком истолковании романа в эту категорию можно было бы отнести и псевдобиографические произведения типа сказания об Александре или “Жизни Аполлония Тианского” (с таким словоупотреблением нередко можно встретиться в научной литературе). В более ограниченном смысле античным романом называют распространенный в поздней древности жанр развернутого повествования с любовным или бытовым содержанием; в этом ограничительном значении мы и будем пользоваться термином “роман”» (Тронский И.М. История античной литературы. 4-е изд. М., 1983. С. 254).

Ср. также: История греческой литературы. Т. 3. М., 1960. С. 242–243 (Гл. 12, § 1: «Значение термина “роман” в применении к античным повествовательным произведениям»).

Пожалуй, еще более показательное такое расхождение во мнениях: для М.М. Бахтина «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле – это, разумеется, роман (едва ли не роман *par excellence*, «всем романам роман», весьма важный для рассуждений о романе вообще), а Е.М. Мелетинский, напротив, полагает, что «“Гаргантюа и Пантагрюэль” Рабле может быть назван “романом” только с крайней натяжкой» (Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 129). Ср. в этой связи замечание литературоведа-полониста: «Единой или особо распространенной дефиниции романа нет. Есть превеликое множество нередко взаимоисключающих дефиниций» (Лунатов А.В. Формирование польского романа и европейская литература. М., 1977. С. 108).

Следует заметить, что подобные расхождения в понимании, казалось бы, основных терминов (понятий) – весьма обычны для литературоведения. Ср. недавнее высказывание еще одного литературоведа: «Термины, используемые литературоведами, не имеют той точности, которая позволила бы любому читателю или коллеге-литературоведу в полной уверенности заявить, что он ясно понимает, о чем идет речь, если термин не объясняется дополнительно. Впрочем, эта особенность свойственна всякой (так ли? – С.С.) гуманитарной науке... Ни удовлетворяющей всех терминологии, ни общего, сколько-нибудь внятного языка у литературоведения нет» (Галкин А.Б. Литературоведение как миф / Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 394–395).

⁴⁸ Показателен в этом плане один пассаж в прекрасной книге М.Л. Андреева «Рыцарский роман в эпоху Возрождения» (М., 1993). На с. 7 названной книги автор пишет: «После монографий А.Д. Михайлова и

Е.М. Мелетинского, к которым нужно прибавить фундаментальную теоретическую статью П.А. Гринцера..., вопрос о правомерности приложения ко всем историческим формам романа, и древним и новым, единого жанрового наименования можно считать решенным и не нуждающимся в дополнительной аргументации». Однако в примечании именно к этому утверждению говорится, что «в сравнительно недавней и во многих отношениях замечательной статье А.В. Михайлова (Роман и стиль / Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М., 1982) [переиздана в книге: *Михайлов А.В. Языки культуры*. М., 1997]» развиваются некоторые идеи М.М. Бахтина, которые как будто вновь ставят под сомнение то, что уже «можно считать решенным» (Там же. С. 12, примеч. 8.).

⁴⁹ Здесь я всего лишь прикоснулся к огромной и сложной проблеме, для адекватного рассмотрения которой надо было бы написать по крайней мере целую книгу.

⁵⁰ См. в этой связи очень интересную статью польского индолога Станислава Шайера (1899–1941): *Schayer S. O rozumieniu obcych kultur / Przegląd Współczesny*. 1939. № 1 (201). P. 121–129. Переиздано в: *Schayer S. O filozofowaniu Hindusów. Artykuły wybrane / Ed. by M. Mejer. Warszawa, 1988. P. 313–321*. См. также перевод (не вполне удачный) на английский язык: *Schayer S. On the Understanding of Other Cultures / Materials of the International Conference on Sanskrit and Related Studies to Commemorate the Centenary of the Birth of Stanisław Schayer (1899–1941). Warsaw, 1999. P. 35–41*.

⁵¹ Сам М.М. Бахтин жил не в одном, а именно в нескольких разных «временах»: его довольно долгая жизнь охватила несколько очень разных периодов «советской эпохи» — от «военного коммунизма» и относительно либеральных 1920-х (когда он, очевидно, в основном и сформировался как мыслитель) до хрущевской «оттепели» и постхрущевского «застоя» (когда его вновь стали печатать и даже сделали из него своего рода кумира).

⁵² Ср. замечание Е.М. Мелетинского: «Хотя М.М. Бахтин и не отрицает наличия романной специфики в античном и средневековом романе, но практически и он (подобно Гегелю. — С.С.) имеет в виду прежде всего роман нового времени и его “ренессансные” истоки, и поэтому привычное со времени Гегеля мнение о том, что романная специфика отчетливо проявилась только в XVIII–XIX вв., как бы (курсив мой. — С.С.) поддерживается авторитетом М.М. Бахтина» (*Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа*. М., 1986. С. 127–128).

⁵³ См., например: «Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории...» (*Бахтин М.М. Эпос и роман /*

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 448). Правда, далее в том же абзаце говорится об «истории античного романа», так что можно думать, что в процитированном отрывке под единственным числом («новая эпоха») подразумевается множественное («новые эпохи»). Ср. чуть далее: «Особенно интересные явления наблюдаются в *те эпохи* (курсив мой. – С.С.), когда роман становится ведущим жанром» (Там же. С. 449). Это далеко не единственный случай противоречий в текстах М.М. Бахтина, обусловленных, надо думать, условиями написания и напечатания (через много лет) этих текстов, а также «сверхзадачами» автора (см. далее).

⁵⁴ См., например: *Андреев М.Л.* Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. С. 6.

⁵⁵ См.: *Бочаров С.Г.* Событие бытия... С. 503. Строки Ахматовой – это начало «Третьей» из «Северных элегий».

⁵⁶ М.М. Бахтин был арестован в конце 1928 г. и в 1929 г. приговорен к пяти годам «Соловков» (замененным пятилетней ссылкой в Кустанай) как участник «нелегальной антисоветской организации правой интеллигенции»; лично Бахтину, по его собственным словам, инкриминировали лишь то, что он «читал неофициально лекции... идеалистического характера» (см.: Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 295 и 145). Ср. замечание С.Г. Бочарова: «Его работа в 20-е годы была непубличной в принципе: тихая деятельность в домашних кружках, но именно она стоила ему ареста и приговора» (*Бочаров С.Г.* Событие бытия... С. 507).

⁵⁷ Ср. свидетельство С.Г. Бочарова: «1963 г. стал годом прорыва, и все по щучьему велению переменялось. Состоялось второе рождение обновленной, но старой книги (т. е. книги М.М. Бахтина о Достоевском 1929 г., выпущенной новым изданием в 1963 г. – С.С.) – она была принята новым временем так, как в свое время ее не приняло то, “свое” время. Состоялась счастливая встреча старого автора с новым временем» (*Бочаров С.Г.* Событие бытия... С. 504). См. в этой связи также известные замечания М.Л. Гаспарова, что М.М. Бахтина зачастую понимали превратно именно потому, что тексты его были написаны в одно время, а прочтены большинством читателей – совсем в другое (*Гаспаров М.Л.* М.М. Бахтин в русской культуре XX века / Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; переиздано в: *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. 2. М., 1997).

⁵⁸ При виде этой даты сейчас трудно не вспомнить, что всего лишь через три месяца (для более молодых напомним – 22.06.1941) на территорию СССР обрушилась Вторая мировая война, которую в 1939 г. Сталин помог Гитлеру начать, надеясь, очевидно, выйти из нее победителем «ма-

лой кровью». К марту 1941 г. война полыхала уже более полутора лет, и большая часть Западной Европы уже была оккупирована гитлеровской Германией. На момент доклада СССР был союзником Германии. Официально считалось, что «войну развязали Великобритания и Франция ради защиты своих империалистических интересов», а «миролюбивые советский и германский народы» лишь обороняются и вообще стараются войну поскорей прекратить. Трудно сказать, какой отпечаток наложили эти обстоятельства на доклад М.М. Бахтина, но столь же трудно отказаться от мысли, что какой-то отпечаток они все-таки наложили. Не сохранились ли воспоминания очевидцев-слушателей этого доклада? Не могут ли они дать дополнительную информацию?

⁵⁹ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 210 и 315.

⁶⁰ «Б[ахтин]: Я был в Саранске в 36-м году, в 37-м году, в начале еще... И вот там жить стало уже совсем невозможно. Кругом людей арестовывали, схватывали и так далее и так далее. Было вообще просто ужасно, непонятно» (Там же. С. 208).

⁶¹ «Б[ахтин]: Уехал в Москву, в Ленинград. Жил то в Москве, то в Ленинграде. — Д[увакин]: Без прописки? — Б: Без прописки. У меня в Ленинграде была семья: мать, сестры. А в Москве была сестра замужняя... И потом, друзья были в Ленинграде... — Д: Так что Вы, можно сказать, перешли на нелегальное положение. — Б: На нелегальное положение, да. — Д: Вы сбежали из своей ссылки. — Б: Да. — Д: Это Вас спасло, потому что... — Б: Это меня спасло, да. Но, по-видимому, меня никто не искал. Ведь тогда очень странные были вещи: вот человека хватали и так далее, но, если он почему-то уходил из данного места, его никто не преследовал, никто его не искал. — Д: Да, потому что он уже выпадал из плана местных органов. У них тоже план был. — Б: ... Да, у них тоже был план, конечно...» (Там же. С. 209).

⁶² К сожалению, подробной «летописи жизни и творчества» М.М. Бахтина, насколько мне известно, не существует, поэтому об обстоятельствах и датах его жизни иногда приходится говорить лишь предположительно и приблизительно. Но известно, что именно в Савёлове, в местной больнице, в феврале 1938 г., Бахтину ампутировали ногу (Там же. С. 316). Скорей всего это предполагало уже местную прописку.

⁶³ «Б: Живя в Савёлове, сто тридцать километров, я очень часто приезжал в Москву и жил там, и жил очень часто» (Там же. С. 213).

⁶⁴ См. там же. С. 315.

⁶⁵ *Бахтин М.М.* Эпос и роман / *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 447 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

⁶⁶ «Перестройка» — слово из лексикона партийных документов. См., например, известное постановление ЦК ВКП(б) от 23.04.1932 г. «О пере-

стройке литературно-художественных организаций». М.С. Горбачев и его коллеги во второй половине 1980-х годов взяли слово «перестройка» в качестве «девиза правления» именно потому, что это было привычное для них партийное слово.

- ⁶⁷ Нельзя не отметить стилистическую корявость этого предложения. Корней Чуковский поставил бы диагноз: «канцелярит».
- ⁶⁸ Можно сказать, что это *характерная советская ситуация* вообще. Хрестоматийны строки В.В. Маяковского: «Мы говорим: Ленин – подразумеваем: партия, / мы говорим: партия – подразумеваем: Ленин», – к которым неофициальная традиция добавляла: «И вот уже много лет мы говорим одно, а подразумеваем совсем другое».
- ⁶⁹ У этой книги есть две различные ипостаси: Проблемы поэтики Достоевского. М., 1929 (книга вышла, когда автор уже был арестован) и Проблемы творчества Достоевского. М., 1963 (переиздание под тем же названием: М., 1972).
- ⁷⁰ Ср. два высказывания С.Г. Бочарова. «Книга (1929 г. – С.С.) была пост-символистским прочтением Достоевского на фоне его прочтения в символизме» (*Бочаров С.Г. Событие бытия...* С. 506). «Книга о Достоевском о том написана, что человек нуждается в признании его другим человеком. Это наша человеческая, “слишком человеческая” потребность – но творчество Достоевского, по Бахтину, представляет собой ее оправдание» (Там же. С. 512).
- ⁷¹ *Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.* М., 1965.
- ⁷² См., например: *Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура / М.М. Бахтин как философ.* М., 1992; *Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху / От мифа к литературе. Сб. в честь семидесятипятилетия Е.М. Мелетинского.* М., 1993.
- ⁷³ Ср. замечание С.Г. Бочарова, с которым трудно не согласиться: «... термины Бахтина не работают (или плохо работают) за пределами его текстов и не годятся для общенаучного употребления» (*Бочаров С.Г. Событие бытия...* С. 516). Здесь и далее слова-термины М.М. Бахтина употребляются, конечно же, не как «строгие научные понятия».
- ⁷⁴ Можно сказать и проще: М.М. Бахтин пользовался «советским языком», чтобы быть понятым и принятым «советской аудиторией». Ср. комментарий С.С. Аверинцева к использованию имен Ярослава Гашека и Шарля де Костера в одной из заметок Бахтина: «...оба они входят в характерный канон советской интеллигенции; допустимо предположить, что их упоминание представляет собой шаг навстречу представимому читателю» (*Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху.* С. 344). Очевидно, что Бахтину приходилось делать много «шагов навстречу» слишком хорошо «представимому читателю».

- ⁷⁵ Ср. следующий отрывок из работы М.М. Бахтина «Слово в романе», написанной еще в 1934–1935 гг. в Кустанае, а опубликованной полностью лишь в 1975 г. (после смерти автора): «Речь таких рассказчиков всегда – *чужая речь... на чужом языке...* И в этом случае перед нами “не-прямое говорение”, – не на языке, а через язык, через чужую языковую среду, а следовательно, и преломление авторских интенций» (*Бахтин М.М. Слово в романе / Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 127*).
- ⁷⁶ Ср. «Истина, противостоящая лжи, почти вовсе не получает здесь (у Рабле. – С.С.) прямого интенционально-словесного выражения, *своего* слова, – она звучит лишь в пародийно-изобличающей акцентуации лжи. Истина восстанавливается путем доведения лжи до абсурда, но сама она не ищет слов, боится запутаться в слове... Эта игра языками и часто полное отсутствие прямого, до конца *своего* слова, несколько не понижает, конечно, общей глубокой интенциональности, то есть идеологической осмысленности, всего произведения» (*Бахтин М.М. Слово в романе. С. 123 и 125*). Вряд ли эти слова приложимы в полной мере к докладу «Эпос и роман», но все же их стоит иметь в виду при его чтении и анализе.
- ⁷⁷ См.: *Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика... С. 10–11*; (то же / *Аверинцев С.С. Риторика и истоки... С. 153–154*).
- ⁷⁸ «Это никак не укор общему учителю целых поколений отечественных литературоведов. Ему для его целей, для первого приближения к реальности нужна была четкость дихотомической антитезы. Мы не можем останавливаться на этом приближении» (*Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика... С. 11*; (то же / *Аверинцев С.С. Риторика и истоки... С. 154*).
- ⁷⁹ Вот, например, характерное высказывание Е.М. Мелетинского: «Исследования М.М. Бахтина чрезвычайно расширили диапазон аналитического изучения романа и выявили существенные закономерности перехода к прозаическому роману нового времени... Но в этих исследованиях и сам первоначальный генезис жанра романа, и его главная жанровая специфика предстают несколько деформированными» (*Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 128*).
- ⁸⁰ Так, например, М.М. Бахтин анахронистически употребляет прилагательное «национальный» применительно к древним грекам. Правда в русском языке до сих пор нет достаточно простого и общеупотребительного прилагательного, которое бы имело смысл: «культурно-специфический», «свойственный данной культуре (или данной человеческой общности)». Одно из предложений в эссе Бахтина позволяет заключить, что под «национальным» он мог понимать просто «свое» в отличие от «чужого». Ср.: «Характерно, что героическое прошлое избрано не национальное, а чу-

жое, варварское. Мир уже разомкнулся; монолитный и замкнутый мир своих (каким он был в эпосе) сменился большим и открытым миром и своих и чужих» (*Бахтин М.М. Эпос и роман*. С. 471). В таком же смысле употреблено прилагательное «национальный» и в подзаголовке имлийской книги: *Генезис романа в литературах Азии и Африки*. Национальные истоки жанра. М., 1980. См. выше: Предисловие, примеч. 1.

⁸¹ Теперь такие слова, как «зона» и «построение», «контакт» и «вовлечение», могут вызвать у некоторых читателей ассоциации с ГУЛАГом, допросами и обвинительными заключениями. Но, пожалуй, «вчитывать» такие семантические ассоциации в текст М.М. Бахтина было бы «постмодернистским» субъективизмом. К счастью, сам Бахтин никогда не пребывал в «зоне» и не выходил на «построения». Правда, во время допросов в 1928–1929 гг. следователь вполне мог задавать вопросы о том, с кем у Бахтина были «контакты» и кого он «вовлекал» (или кто его «вовлек») в «антисоветский кружок». Так что, может быть, и в этих повторяющихся «формулах» («определениях» романа) М.М. Бахтин использовал отчасти «чужой язык».

⁸² Впрочем, я не уверен, что это определение подходит ко всем разновидностям даже новоевропейского романа. Всегда ли и во всем оно справедливо, например, для романа исторического, который может стремиться изобразить именно «завершенное прошлое» (даже если иногда и в целях истолкования «незавершенного настоящего»)?

⁸³ В.В. Кожин в своей книге «Происхождение романа» цитирует личное письмо к нему М.М. Бахтина (от 1.04.1962), в котором обсуждаемая «формула определения романа» прилагается (хоть и с постоянным прибавлением слова «почти») к европейской античности: «На античной почве мы находим целую группу жанров, которую сами греки называли областью “серьезно-смешного”... Здесь вырабатывалась особая (новая) зона построения художественного образа, зона контакта с незавершенной современностью (осознанный отказ от эпической и трагической дистанции), и новые типы профанного и фамиллярного слова, по особому относящегося к своему предмету. Здесь начинает формироваться и особый тип почти романного диалога... Здесь возникает и почти романский образ человека...» (*Кожин В.В. Происхождение романа*... С. 131–132). В докладе «Эпос и роман» по этому вопросу обнаруживается некоторая «амбивалентность». Так, в середине доклада (это то место, которое вкратце пересказано в письме к В.В. Кожину) мы читаем: «Жанры, охватываемые понятием “серьезно-смехового”, являются подлинными предшественниками романа; более того, некоторые из них суть жанры чисто романного типа, содержащие в себе в зародыше, а иногда и в развитом виде, основные элементы важнейших позднейших

разновидностей европейского романа... Особенно касается это сократических диалогов, которые, перефразируя Фридриха Шлегеля, можно назвать “романами того времени”, и затем менипповой сатиры (включая в нее и «Сатирикон» Петрония)... Все эти серьезно-смеховые жанры были подлинным первым и существенным этапом развития романа как становящегося жанра» (с. 465). Далее о

«Киропедии» Ксенофонта сказано, что это «роман в существенном (!?) смысле этого слова» (с. 472). Однако в заключительной части доклада читаем: «Античный этап романа имеет громадное значение для правильного (!?) понимания природы этого жанра. Но на античной почве роман действительно не мог развить всех тех возможностей, которые раскрылись в новом мире. Мы отмечали, что в некоторых явлениях античности незавершенное настоящее начинает чувствовать себя ближе к будущему, чем к прошлому. Но на почве бесперспективности (?) античного общества этот процесс переориентации на реальное будущее не мог завершиться: ведь этого реального будущего не было. Впервые эта переориентация совершилась в эпоху Ренессанса» (с. 482).

Последняя цитата ярко демонстрирует особенности историзма в докладе Бахтина. Что касается ссылки на Ф. Шлегеля, то, очевидно, имеется в виду один из его «Критических фрагментов»: «Романы – сократовские диалоги нашего времени. В этой свободной форме жизненная мудрость нашла прибежище от школьной мудрости» (*Шлегель Ф. Критические фрагменты / Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 281. Фрагм. 26*).

⁸⁴ См. настоящее издание с. 82, 117, 125 и сл.

⁸⁵ Даже тогда, когда это слово напрашивалось и М.М. Бахтин употребил вполне советское выражение, слово «класс» не появилось: «В некоторые эпохи... в большой литературе (то есть в литературе господствующих социальных групп)...» (с. 448). Сказать «господствующих классов» было бы, несомненно, политкорректнее.

⁸⁶ Для сравнения можно обратиться к книге В.В. Кожина «Происхождение романа», который в иных (более мягких) исторических условиях, *как бы* развивая идеи М.М. Бахтина, украшает свой текст и цитатами из классиков, и многими советскими словами и словосочетаниями.

⁸⁷ Перефразируя известную формулу, можно сказать, что «смех по-бахтински – больше, чем смех».

⁸⁸ В этом свете можно прочесть по-новому уже раз приведенную цитату: «Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории и поэтому глубоко сродный ей...» (с. 448).

⁸⁹ Ср. выше формульные определения романа, в которых повторяются слова «становящаяся действительность» и «незавершенная современность».

- ⁹⁰ Ср.: «Новый трезвый художественно-прозаический романный образ и новое, основанное на опыте, критическое научное понятие формировались рядом и одновременно» (с. 481).
- ⁹¹ В конце 1970-х или начале 1980-х годов у меня был разговор с известным востоковедом Л.И. Рейснером (1928–1990), представителем известной научной «династии». Он излагал мне свои новые идеи о творческом развитии марксизма применительно ко всемирной (всеобщей) истории. Я спросил, почему надо исходить именно из марксизма и ограничиваться его рамками. Он ответил (как мне показалось, с некоторым сокрушением) в том смысле, что (не берусь воспроизвести точные слова, но за смысл ручаюсь) на его веку марксизм останется единственной возможной «парадигмой» для российского ученого. Увы, Лев Игоревич лишь немного не дожил до полного «отделения марксизма от государства».
- ⁹² См., например, его книгу, в свое время весьма популярную (но теперь во многом устаревшую): *Конрад Н.И.* Запад и Восток. 2-е изд. М., 1972.
- ⁹³ Так, один мой университетский преподаватель объяснял мне в 1960-х годах, почему он избрал своей специальностью историю Юго-Восточной Азии: «Потому что классики марксизма о ней не успели ничего написать».
- ⁹⁴ См., например: Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994; Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов. М., 1998. См. также: *Столович Л.Н.* Лотман Ю.М. / Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 454–455.
- ⁹⁵ Один коллега-востоковед, занимавшийся средневековой поэзией, так и сказал мне в те времена: «По крайней мере мои занятия никому не приносят вреда».
- ⁹⁶ Однажды в середине 1970-х годов, во время одной из бесед в ИМЛИ, я, увлекшись, стал говорить, что такая-то филологическая теория не совсем соответствует реальности. Один из моих старших коллег охладил мой пыл, сказав, что все это все равно лишь игра ума. Мне, однако, всегда хотелось (может быть, по наивности) заниматься чем-то иным, нежели просто игрой ума для собственного удовольствия.
- ⁹⁷ В своем первоначальном виде эта «формула» звучит так: «Wie es eigentlich gewesen» («Как оно было на самом деле»).
- ⁹⁸ В советское время учеными-гуманитариями иногда становились люди, которые при иных обстоятельствах могли бы стать просто идеологами (скажем, религиозными проповедниками) или «просто» художниками слова (поэтами или писателями-прозаиками). Но выбор социальных ролей в советской системе был по многим параметрам ограничен – и нередко выбиралась та роль (из имевшихся в «предложении»), которая

лишь приблизительно соответствовала подлинным запросам и потенци-
ям личности.

⁹⁹ Так, например, книга В.В. Кожина «Происхождение романа» была во
многом идеологичной (недаром она вышла в издательстве «Советский
писатель»), хотя теперь, наверное, уже неинтересно и неважно вспоми-
нать, на какую именно «идеологическую мельницу» она лила воду. Но
это отнюдь не исключает наличия в той же книге и научных и худо-
жественных составляющих. Многое зависит от читателя. Те или иные
составляющие читаемого текста актуализируются (проявляются) в акте
(процессе) чтения.

¹⁰⁰ Так, в своей недавней статье известный социолог Т.И. Заславская от-
мечала, что «реформаторы» 1990-х не понимали и не хотели понимать
природу общества, которое они взялись реформировать, и, соответствен-
но, не продумывали те возможные «социальные механизмы преобразо-
вания общества», которые позволили бы проводить реформы с макси-
мальной эффективностью и с минимальными травмами для людей (см.:
*Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского
общества / Социс. 2001. №8. С. 9).*

Становление жанра романа
в современных индийских литературах
(1978 г.)

Как справедливо пишет А.С. Сухочёв [1]¹,

«исследователя, приступающего к изучению индийского романа, в первую очередь привлекает богатство малоизвестного материала, необычайно бурное развитие этого жанра на протяжении последнего столетия, большая вероятность получения весьма интересных в научном плане результатов, важных как для изучения конкретной истории индийских литератур, так и для общей теории этого жанра»².

Можно было бы добавить, что история становления и развития жанра романа в Индии не менее, если не более всего должна интересовать тех исследователей, которые изучают взаимодействия и взаимовлияния различных литератур мира, а также тех, кто стремится окинуть единым взором все многообразные проявления словесно-художественного творчества и выработать «общую типологию мирового литературного процесса» [2]. Индийский роман – весьма благодарный предмет исследования также и для историков культуры, этнологов³ и даже философов.

Но изучен индийский роман еще крайне недостаточно, особенно в том, что касается ранних этапов его развития, каковые и будут преимущественно здесь рассмотрены. И дело не только в чисто количественном обилии материала, но еще и в специфической качественной его сложности, которая заставляет задумываться о коренных проблемах методологии литературоведческого исследования. Мы попытаемся не более чем обрисовать общие параметры проблемы, обозначенной в заглавии, и наметить некоторые из возможных подходов к ней.

* * *

Пожалуй, прежде всего необходимо остановиться на понятиях «Индия» и «индийская литература» (или «индийские литературы»). К сожалению, литературоведы-неиндологи зачастую далеко не в достаточной мере представляют себе объем и сложность этих понятий. «Индийская литература» нередко ставится в один ряд с «французской литературой», «английской литературой», «русской литературой» и т. д., она как бы приравнивается по своему статусу к «национальным»⁴ литературам Европы. Между тем культурно-историческое понятие «Индия» соизмеримо по своему объему с понятием «Европа» в целом или, по крайней мере, – «Западная Европа» (кстати, площадь южноазиатского субконтинента примерно равна площади Европы без европейской части СССР)⁵.

С 1947 г. слово «Индия» употребляется в двух смыслах. С одной стороны, им, как и прежде, нередко обозначают весь индийский (южноазиатский) субконтинент, а с другой – крупнейшее государство этого субконтинента, с 1950 г. официально именуемое «Республика Индия». Всего на субконтиненте в настоящее время пять самостоятельных государств: Республика Индия, Народная Республика Бангладеш, Исламская Республика Пакистан и два королевства в предгорьях Гималаев – Непал и Бутан. В современных политических (и политологических) текстах устанавливается практика употреблять слово «Индия» в смысле «Республика Индия», а весь регион в целом (включая еще остров Шри-Ланку⁶ и Мальдивские острова) называть «Южной Азией» [4]. Однако историку – особенно историку культуры или историку литературы – трудно расстаться с «Индией» как с широким, но в то же время достаточно определенным культурно-историческим понятием, охватывающим весь южноазиатский субконтинент. В данной статье, посвященной в основном времени до 1947 г., слово «Индия» будет употребляться именно в таком культурно-историческом смысле. Во избежание недоразумений, крупнейшее государство современной Южной Азии будет называться его официальным именем «Республика Индия». В наше время Республика Индия, несомненно, является также и крупнейшим представителем индийского куль-

турного мира, но, следует подчеркнуть, не единственным его представителем и не единственным наследником его прошлого.

«Индийская литература» – столь же (если не более) многообразный комплекс как «европейская литература» (поэтому, в частности, как в зависимости от контекста мы говорим «европейская литература» или «европейские литературы», точно так же равновозможны выражения «индийская литература» и «индийские литературы»)⁷.

Историю европейской литературы начинают обычно с «древних», «классических» литератур Греции и Рима, в течение многих веков и вплоть до нашего времени служивших (вместе с ближневосточной «словесностью»⁸, включенной в европейскую культуру через христианство) образцами для более молодых литератур Европы. В Средние века латынь продолжала быть основным языком европейской культуры и – вплоть до Возрождения – одним из главных языков европейской литературы (эти утверждения относятся в основном к Западной Европе, но до известной степени справедливы и для Европы Восточной; здесь для краткости мы несколько схематизируем картину, которая нужна нам как отправная точка для описания индийского материала). Наконец, с эпохи Возрождения латынь была постепенно вытеснена живыми романскими языками, ее «потомками», а также языками германскими, славянскими и др., ставшими как бы приёмными детьми латыни. Европа сложилась как совокупность «национальных» государств (а все попытки создать общеевропейскую империю – от Карла Великого до Гитлера – терпели крах). Европейская литература существует как комплекс многих «национальных» литератур, в большей или меньшей степени взаимосвязанных.

Итак, европейская литературная история дает нам определенную модель описания литературно-исторического комплекса. В этой модели противопоставляется, с одной стороны, более древняя, «классическая», литература, имеющая общерегиональное значение, а до некоторого временного предела – и общерегиональное живое распространение, а с другой стороны, более молодые литературы, во-первых, имеющие (в своем «классическом» виде) более локальное распространение, и, во-вторых, интерпретируемые как «потом-

ки» или «наследники» классической литературы. Подобную модель описания можно приложить и к истории индийской литературы – при этом выявятся как интересные сходства, так и существенные различия в литературной истории двух регионов.

Индийский аналог (вернее – один из аналогов) древней «классической» литературы – это литература на санскрите. Санскрит как литературный язык сложился и был канонизирован к исходу первого тысячелетия до н. э.⁹ К предыстории собственно санскритской литературы следует отнести огромный синкретический комплекс ведической литературы¹⁰ (от гимнов «Ригведы»¹¹ до философской прозы «Упанишад»¹²) и не менее огромный комплекс древнеиндийского эпоса – «Рамаяну» и «Махабхарату»¹³. (Оба этих комплекса сложились в основном еще в первом тысячелетии до н. э., но письменно были зафиксированы или на самом рубеже эр, или в первые века нашей эры.)¹⁴

Значение санскрита для Индии подобно значению древнегреческого и латинского языков для культуры Европы. Именно на санскрите наиболее полно и универсально были выражены в слове религиозные, философские, социальные, эстетические и другие идеи и идеалы индийской культуры. Санскрит понимали и на санскрите творили не только по всей Южной Азии, но и за ее пределами. Санскрит продолжает жить и сегодня, не только преломленный и отраженный в современных индийских языках (подобно тому как латынь и греческий преломлены и отражены в языках европейских), но даже и сам по себе – как язык традиционной учености и религии, причем в гораздо большей степени, чем, скажем, латынь среди европейцев-католиков. Конституция Республики Индии называет санскрит в числе основных языков страны. Во время переписи 1971 г. 2.272 человека назвали санскрит своим родным языком¹⁵.

В европейской индологии¹⁶ сложилась традиция рассматривать историю санскритской литературы преимущественно в пределах первого тысячелетия нашей эры, выделяя «классический» период этой литературы (примерно до VIII в.) и последующий период «прогрессирующего упадка». Следует, однако, иметь в виду, что изучение и истолкование санскритской и всей индийской литературы во многом предопределялись европейскими вкусами и оценками.

(В Индии, как известно, не сложилось собственной истории литературы, а современные индийские литературоведы до сих пор, как правило, следовали западным концепциям и методам). Более того, к индийской литературе исследователи подходили большей частью как филологи, но не как собственно литературоведы. Иными словами, изучение индийской литературы как особого эстетического явления, пожалуй, только начинается. В связи с этим намечается – но лишь едва намечается – перелом и в подходе к традиционной периодизации санскритской литературы¹⁷. Во всяком случае, художественное творчество на санскрите практически никогда не прерывалось и продолжается в наши дни. В частности, на санскрите создаются даже романы¹⁸. Литературная Академия Республики Индия регулярно присуждает премии за достижения в области санскритской литературы. Трудно сказать, какова абсолютная художественная ценность [6] современных произведений на санскрите, но столь же трудно предугадать, как будет выглядеть в будущем история санскритской словесности, когда наши знания и суждения о ней претерпят неизбежные перемены.

Однако традиционная периодизация санскритской литературы отражает по крайней мере тот несомненный факт, что в первом тысячелетии н. э. санскрит обладал такой властью в индийском культурном мире, какой у него не было ни до, ни после. Как и латыни в Европе, санскриту в Индии уже в первом тысячелетии н. э. противостояли, с одной стороны, различные индоарийские языки (т. е. принадлежащие к той же, что и санскрит, языковой семье – ср. романские языки в Европе), а с другой – языки дравидийские, из совсем иной семьи (ср. германские, славянские и др. в Европе)¹⁹ [7].

«Неправильность», «парадоксальность» индийского развития (с точки зрения «нормального» развития европейского) заключается, помимо прочего, в том, что уже в первом тысячелетии до н. э. возникли обширные литературные комплексы на языках, представлявших собой более поздние, чем санскрит, стадии языковой эволюции. Речь идет о буддистском каноне на языке пали²⁰ и о джайнском каноне на одном из пракритов²¹. Борьба между санскритом и пракритами, более молодыми отпрысками того же древа, за господство в литературе и в иных сферах длилась чуть ли не ты-

сячу лет. В конце концов победу все же одержал санскрит, оттеснив своих многочисленных соперников (а их было не менее дюжины) на второстепенные роли²². Даже буддисты и джайны в конце концов перешли на санскрит. Во второй половине первого тысячелетия нашей эры в литературное употребление кое-где выбились представители следующего этапа языковой эволюции, так называемые языки «апабхрانشа» (буквально: «отпадение», т. е. как бы «отпавшие»), но и они преуспели в противоборстве с санскритом не более, чем пракриты. Только следующему поколению живых языков, так называемым новоиндийским (или новоиндоарийским), возникшим в начале или в середине второго тысячелетия нашей эры (а в отдельных случаях и позже), в конце концов удалось «восторжествовать» над санскритом – и то полностью лишь в XIX–XX вв. Речь идет о таких языках, как бенгальский, ассамский, ория, маратхи, гуджарати, синдхи, а также хинди, урду, панджаби и некоторых других²³.

На юге Индии уже по крайней мере в начале нашей эры существовала мощная литературная традиция на одном из дравидийских языков²⁴, тамильском, первоначально слабо связанная с литературой севера²⁵. Но к середине первого тысячелетия влияние севера и санскрита усилилось и в дальнейшем все возрастало, так что дравидийские литературы (тамильская, а также позже сложившиеся литературы на языках каннада²⁶, телугу²⁷ и малаялам²⁸) с течением времени оказались как бы в «подчиненном положении» у литературы санскритской и «восторжествовали» над ней, как и северные индоарийские языки, лишь много позже.

В этой борьбе значительную роль сыграл совершенно новый культурный и литературный компонент, мощно заявивший о себе в Индии с начала второго тысячелетия нашей эры, – компонент, который можно назвать западноазиатским (ближне- и средневосточным) или, более традиционно, мусульманским. Мусульмане были основной политической силой на субконтиненте по крайней мере с XIII в. и вплоть до XIX в. Они принесли с собой литературные традиции Западной и Средней [Центральной] Азии и два основных, «классических», языка исламской культуры: арабский и персидский. Арабский был в основном языком теологии и получил в Индии лишь незначительное употребление в сфере художественного творчества.

Персидский же вплоть до XIX в. был «официальным» языком исламских государств в Индии, важнейшим средством самовыражения индо-мусульманской культуры. В Индии сложилась богатая литература на персидском языке, которую создавали как иммигранты, так и местные уроженцы. Эта литература стала неотъемлемой частью всей персоязычной традиции²⁹. В самой Индии персоязычная литература полнокровно жила вплоть до XX в. Последним крупным индийским поэтом, творившим на персидском языке, считается (сэр) Мухаммад Икбал (1877–1938), один из «духовных отцов» Пакистана³⁰.

Персидская, а до некоторой степени также и арабская литература стали в Индии еще одним «классическим наследием и образцом» — наряду с наследием собственно древнеиндийским (ведическим, эпическим, санскритским и т. д.). Можно сказать, что последующее развитие новоиндийских и дравидийских литератур происходило как бы в «силовом поле», созданном «перекрестным» воздействием этих двух «классических» литературных комплексов. Для некоторых литератур, складывавшихся преимущественно в мусульманской культурной среде, решающим, главным было воздействие персидско-арабского комплекса. Такова прежде всего литература урду³¹, а также литературы на языках синдхи³² и кашмири³³. Однако даже в этих литературах в большей или меньшей степени сказалось воздействие и древнеиндийского «классического комплекса». С другой стороны, те литературы, которые существовали преимущественно в индусской среде, не избежали в той или иной мере воздействия «исламского комплекса», а в некоторых из них возникли даже несколько обособленные мусульманские течения (как бы «под-литературы»), например, в литературе бенгальской³⁴ и в таких южноиндийских литературах, как тамильская и малаялам.

К началу XVIII века империя Великих Моголов, находившаяся в зените могущества, объединяла под своей властью почти весь индийский субконтинент. Но после смерти императора Аурангзеба, правившего с 1658 по 1707 г. и державшего Империю железной рукой, величественное здание начало разрушаться. XVIII век в Индии был наполнен распрями и войнами между различными государствами субконтинента, а также набегами чужеземцев — из Ирана и Афганистана. Одновременно Англия и Франция вели между собой

борьбу за Индию, и к рубежу XVIII и XIX вв. победительницей вышла Англия, утвердив свою власть или влияние на большей части субконтинента.

К этому времени «соотношение сил» в индийском литературном мире можно было бы сравнить с состоянием европейских литератур до эпохи Возрождения, до складывания «национальных» государств и распространения книгопечатания. Основными средствами хранения, передачи и воспроизводства культурной информации все еще служили «классические» языки – санскрит, персидский, арабский. Литературы на новоиндийских и дравидийских языках имели более скромное место в культуре – они были в основном или достоянием каких-либо религиозных сект, или результатом покровительства недолговечных местных династий, или, наконец, относились к сфере фольклора. В беспокойные XVII–XVIII века некоторые из этих литератур переживали глубокий упадок, чуть ли не вообще прекращая свое существование.

На дальнейшей их судьбе сказался новый поворот в политической, экономической и социальной истории Индии – установление британской власти. Это был долгий и постепенный процесс, растянувшийся на целый век и захватывавший разные части субконтинента в разные исторические сроки. (Так, если в Бенгалии британцы утвердились еще в 1760–1770-х годах, то, например, в Синде и Пенджабе – лишь в 1840-х. Как мы увидим дальше, эта «неравномерность» политической истории четко отразилась в «неравномерности» истории литературной.)

В 1858 г., после сипайского восстания [8], Индия официально перешла под власть британской короны. Была провозглашена (британская) Индийская Империя, во многом скроенная по образцу империи Великих Моголов. Новая Империя представляла собой сложную систему, составленную из провинций, непосредственно управлявшихся британской короной, и из множества вассальных индийских «княжеств» разного размера (общим числом около шестисот). Вторая половина XIX столетия, конец викторианской эпохи, была золотым веком британской Индийской Империи. В начале XX в. Империя явила признаки кризиса, особенно обострившегося после Первой мировой войны. В середине XX в. эта Империя была пре-

образована в два независимых государства, Индию и Пакистан, последний, в свою очередь, в 1971 г. распался на Пакистан и Бангладеш. Таков тот историко-политический контекст, в котором происходило развитие современной индийской культуры и литературы.

Господство британцев наложило мощный отпечаток на все сферы индийской жизни. Современная культура основных стран Южной Азии – это результат (если можно говорить о результате применительно к процессу, который не завершен) сложного взаимодействия местных традиций и европейской культуры, главным образом в ее британском варианте. В XIX–XX вв. индийские литературы одна за другой пережили коренную перестройку³⁵, одной из главных черт которой было восприятие западных идей и форм.

Можно сказать, что в индийский литературный мир был включен еще один «классический комплекс» – на этот раз английский (представлявший в определенной мере всю европейскую традицию). Этот новый «классический комплекс» стал сильнейшим источником воздействия в «силовом поле» индийского литературного развития. Более того, можно сказать, что интерференция этого «силового воздействия» во многом определила и способы, и даже самую мощь влияния «традиционных комплексов» на современные индийские литературы. Сравнение с прежними «классическими» литературами и языками тем более справедливо, что английский в XIX–XX вв. приобрел роль общеиндийского языка «образованного общества», аналогичную роли санскрита или персидского³⁶. Подобно тому как прежде возникла персоязычная индийская литература, так в XIX–XX вв. появилась англоязычная индийская литература³⁷. Литературная Академия Республики Индия признает английский одним из литературных языков страны. В XX веке, особенно в последние десятилетия, большое развитие получил англоязычный индийский роман³⁸.

Чтобы вкратце дать представление о масштабах перестройки, пережитой индийскими литературами в XIX–XX вв., ее можно сравнить с теми изменениями, которые произошли в русской литературе после реформ Петра I. Вообще сравнение с историей русской литературы может служить интересным эвристическим приемом при изучении индийских литератур последних двух веков.

* * *

Но прежде чем обратиться к конкретной истории индийского романа, остановимся еще на нескольких общих вопросах. На первый взгляд они могут показаться не слишком существенными, относящимися «всего лишь» к проблемам языка и терминологии. Однако язык не только служебное средство выражения научной мысли, но часто важнейший ее инструмент, который способен даже повлиять на ход и результаты самого научного исследования³⁹.

Первый вопрос связан с проблемой классификации литературных общностей. В нашей литературоведческой практике наиболее распространена двусоставная (бинарная) классификация: вслед за предельным уровнем «мировой литературы» идет «национальная литература». Иными словами, «мировая (или всемирная) литература» мыслится состоящей из «национальных литератур»⁴⁰. Традиция подобной классификации восходит, очевидно, к самому Гёте, автору понятия «мировая литература» [9]. 27 января 1827 г. Гёте сказал Эккерману: «Национальная литература теперь уже не много значит, наступает эпоха мировой литературы, и каждый должен стремиться ускорить наступление этой эпохи»⁴¹. Правда, в том же 1827 г. в одной из своих статей Гёте писал: «Когда мы воздвигаем создание общеевропейской и даже мировой литературы...»⁴² – подразумевая, таким образом, по крайней мере трехчленную иерархию («национальная» – «общеевропейская» – «мировая»). Но эта мысль в дальнейшем, по-видимому, не была им развита.

Гёте в своем стремлении преодолеть «национальное» продолжал традиции века Просвещения (как сказал Дидро, перефразируя Библию, «нации приходят и уходят, а человечество остается»). Но, вопреки идеям просветителей и Гёте, XIX век был в Европе веком бурного развития национализма, а в XX в. национализм (в тех или иных «национальных» формах) захватил и прочие континенты. Понятие «нации» стало одним из центральных в европейском сознании. Человечество мыслилось состоящим из «наций». У каждой «нации» был свой язык, своя культура, своя литература и т. д. Очевидно, поэтому и в нашем литературоведении утвердилась дихотомия «мировое» – «национальное».

В XX в. стало слишком ясно, что «нация» как термин исторического исследования весьма несовершенен. С одной стороны, он связан с явлениями и процессами, специфичными для новоевропейской истории. Поэтому теперь историки и этнологи, говоря о компактных человеческих общностях разных веков и разных краев Земли, предпочитают пользоваться словом «этнос», а «нация» рассматривается лишь как частный случай «этнуса»⁴³. С другой стороны, многие «этнوسы» существовали и существуют в столь тесном культурном взаимодействии, отличающем их от других «этносов» и групп «этносов», что между уровнем «человечества в целом» и уровнем отдельного «этнуса» необходимо учитывать по крайней мере еще один классификационный уровень (а скорей всего таких уровней может быть даже несколько) – уровень «полиэтнической общности», «полиэтнической культурной традиции». Очевидными общностями такого уровня являются, например, Европа и Индия⁴⁴.

Как уже сказано выше, «индийскую литературу» невозможно приравнять к какой-либо из европейских «национальных» литератур. Но и отдельные индийские литературы рискованно было бы называть «национальными». В Индии существуют «этнوسы» различных типов, но вряд ли даже самые «развитые» из них могут быть названы «нациями» в европейском смысле⁴⁵. Применительно к Индии научно корректней говорить не о «национальных литературах», а о литературах (или литературных традициях) на тех или иных языках. Показательны в этом смысле две из числа крупнейших литератур современной Индии – на языках хинди⁴⁶ и урду⁴⁷. Они сложились и существуют до сих пор в одних географических пределах на севере Индии (сами языки хинди и урду опираются на одну и ту же диалектную основу⁴⁸), но литература хинди была и остается преимущественно явлением индусской культуры, а литература урду – преимущественно (хотя и далеко не только) мусульманской. Однако объединяет их, помимо общей языковой основы, еще и то, что ни за той, ни за другой литературой не стоит никакой «нации», ни даже какого-либо компактного «этнуса». Обе литературы – это именно и прежде всего «литературные традиции», к которым прибегают (для чтения и творчества) люди, для большинства из которых ни хинди, ни урду не являются родными языками (оба эти языка мало для кого

родные, «домашние» языки). Можно считать это свидетельством «неразвитости» (поскольку «нормальные», «развитые» европейские литературы принадлежат «нациям»), но можно – равноправным способом существования литературы.

Здесь мы подходим к еще одному терминологическому и методологическому вопросу. В XIX г. в Европе, гордой своими успехами в промышленности, науке и колониальной экспансии, сложился определенный стереотип исторического мышления, который можно назвать «монолинейным»⁴⁹. Вся многообразная история человечества вытягивалась как бы вдоль одной линии, в начале которой был «первобытный человек», а в конечной точке – современная Западная Европа. Прочие страны и народы оценивались по этой прямолинейной шкале в зависимости от того, насколько они «дотягивали» до европейского стандарта. В той мере, в какой они не «дотягивали», они считались недостаточно «развитыми». Справедливость требует упомянуть, что подобный «культуроцентризм» был свойствен не только Европе. Так, например, китайцы вплоть до XIX и даже XX в. тоже считали свою цивилизацию наилучшей из всех, а к прочим народам относились как к «варварам», которых еще надо приобщить к истинной культуре.

В XX в. среди историков и этнологов возобладали более «плюралистические» подходы. Историю человечества уже, как правило, не тянут вдоль одной линейки, а представляют как сложный комплекс различных и «равночестных» линий. Так, например, образ жизни индейцев Амазонки может быть признан столь же (если не более) достойным и совершенным, как образ жизни современного «индустриального общества». При таком подходе одной из основных концептуальных единиц становится понятие «культура» (термин «цивилизация» в основном синонимичен, но обладает некоторыми особенностями⁵⁰ [10]). Человечество – и в синхронном, и в историческом плане – состоит из различных «культур» («цивилизаций»), ни одна из которых априори не может быть сочтена «лучшей» или «худшей», более или менее «развитой»⁵¹. То же относится и к литературам, там, где они выступают составными элементами культур.

Разные исследователи давали и дают несколько различные списки «культур» («цивилизаций»), которые можно выделить в истории человечества. И это естественно: описание истории в терминах «культур» («цивилизаций»), как и всякое научное описание, – это не более чем концептуальная модель, лишь в большей или меньшей степени отражающая реальный мир в его сложности. Любое научное описание, любая модель и схема – относительны и не должны восприниматься как точное, адекватное и единственно возможное отражение реальности. По мере расширения наших знаний любая модель может подвергнуться коренной перестройке, в полной мере это справедливо и для исторических описаний, моделей и схем. Прошлое (объект описания и исследования), конечно, не изменяется со временем, но по мере движения во времени нас самих (субъектов исследования) облик прошлого, предстающий нашему взору, неминуемо меняется – как от увеличения знаний, так и от перемены перспективы (вернее – ретроспективы). Это можно сравнить с движением по дороге, особенно по пересеченной местности: та часть дороги, что остается позади, будет видеться так или иначе в зависимости от расположения точки, из которой будет брошен взгляд назад, – и наиболее верное и полное представление о пройденном пути должно быть суммой всех частных точек зрения. Но все новые и новые точки зрения, заключающие в себе элемент истины, будут появляться, пока не кончится дорога [11].

Между тем в наших гуманитарных науках, в частности в литературоведении (особенно – в востоковедении), сложился такой «научный этикет», при котором главным признаком «историзма», а следовательно, и «научности» вообще, считается выработка той или иной исторической схемы, причем желательно сразу универсальной, «мировой». Очевидно, это разновидность (или логическое следствие) того «монолинейного» подхода к истории, о котором шла речь выше. Предполагается, что все явления, относимые к одному виду («культура», «литература», «роман» и т. д.), должны обладать «историей развития», укладывающейся в единую схему.

В этой связи интересно провести сравнение с историей лингвистики. Вплоть до XIX в. европейцы, изучая любые языки, стремились описывать их в терминах латинской и греческой грамматики, которая

считалась «естественной», «образцовой» и т. д. Инородный материал втискивался в это прокрустово ложе во что бы то ни стало [12]. В XX в. лингвисты окончательно осознали, что каждый язык следует описывать исходя из свойств его собственной структуры. Латинско-греческий «образец» оказался лишь одним из возможных вариантов. Но позже, когда структурно-дескриптивный подход к языкам вполне утвердился и с его помощью был освоен огромный материал, лингвисты заинтересовались проблемой «универсалий», т. е. таких черт и свойств, которые существуют во всех или многих языках. В этом интересе можно усмотреть «диалектическое возвращение» к первому этапу, когда все языки описывались по единой универсальной схеме. На третьем этапе «синтеза» (объединявшем и «снявшем» этапы «тезиса» и «антитезиса») «универсалии» берутся уже не из какого-либо языка-«образца», а выделяются на основе изучения каждого языка «изнутри»⁵².

Если предположить, что прохождение подобных этапов может быть само по себе одной из «универсалий» развития научных дисциплин, то наше литературоведение (история и теория литературы), пожалуй, все еще пребывает на первом этапе, так как оно чаще всего пытается «сходу» втиснуть неевропейские литературы в схемы, созданные на основе изучения европейских литератур [13]. Впрочем и в рамках Европы часто одни литературы втискиваются в схемы, заимствованные из других, «образцовых», «классических» литератур.

Основную исходную предпосылку такого «стадиально первого» подхода можно назвать «презумпцией тождества». Исследователь заранее уверен, что везде существуют тождественные явления или по крайней мере тождественные «закономерности», более того, заранее известно даже, в чем «суть» и «природа» этих явлений и «закономерностей». Естественно, исследователь большей частью находит то, что ищет. Противоположный подход можно, в таком случае, назвать «презумпцией нетождества» [14]. Исследователь подходит к новому материалу как к чему-то принципиально отличному от уже известного и изученного. Тем больше шансов выявить подлинные «универсалии», содержащиеся в природе вещей [15].

Эти рассуждения подводят нас к одной из основных проблем методологии научного исследования, а именно: к соотношению субъекта

и объекта исследования. В естественных науках давно уже стало общим местом, что получаемые результаты зависят не только от свойств изучаемого объекта, но в значительной – а иногда и в решающей степени – от используемых инструментов исследования. Нередко можно говорить даже о «коллективной личности» исследователей, принадлежащих к определенной научной школе, культурной традиции и т. д. [16] (вероятно, и здесь бывает свое «коллективное сознательное» и свое «коллективное бессознательное»). В наше время это обстоятельство все больше учитывается и в гуманитарных науках.

В силу специфики гуманитарных наук ученый-гуманитарий не может (и, вероятно, не должен) «устранять» свою личность из исследования в той же мере, в какой это возможно и нужно для ученого-естественника. Но во всяком случае и гуманитария (может быть, особенно гуманитария) необходимо четко осознавать свои исходные предпосылки, свои «предпонятия» и те «искажения», которые они могут накладывать на изучаемый материал. На более конкретном методологическом уровне необходимо четко разделять факты и интерпретации (по известному правилу: «факты – священны, интерпретации – свободны»). Впрочем, строго говоря, «факты», выделяемые исследователем из континуума явлений, сами во многом предопределены «предпонятиями», а часто просто языком, словами, которыми исследователь пользуется (выше уже упоминалась в этой связи теория Сэпира-Уорфа). Поэтому разделение «фактов» и «интерпретаций» – идеал, не всегда осуществимый.

Стремление к этому идеалу требует пристального критического внимания к своим «предпонятиям», к языку и терминологии. Рассмотрим один аспект этой задачи, который имеет ближайшее отношение к теме данной статьи.

В исторических (и, в частности, историко-литературных) исследованиях необходимо различать объекты двух родов (типов):

- 1) объекты, самоосознающие (самоосознававшие) себя как единое целое и/или дающие (дававшие) себе собственное единое имя;
- 2) объекты, не обладающие ни самосознанием, ни самоназванием, но наделенные единым именем (и, следовательно, статусом единого объекта) «постфактум», «со стороны».

Например, объектами первого рода могут быть признаны «французская литература», «русская литература» и, вероятно, любая из современных «национальных» европейских литератур. Употребляя термины немецкой классической философии (вернее, не совсем удачные их переводы на русский язык), можно сказать, что все эти литературы – не только «литературы в себе», но и «литературы для себя», т. е. они давно осознали себя как таковые: во-первых, как «литературы», во-вторых, как соотносимые с определенными народами и языками (метафорическое – опять-таки в духе немецкой философии – высказывание о «литературе, осознающей самое себя», следует, разумеется, понимать в том смысле, что *люди*, создающие и воспринимающие данную литературу, *осознают ее* соответствующим образом). Сомневаюсь, можно ли причислить к этому же (первому) роду такие объекты, как «древнегреческая литература», «римская литература», «китайская литература» и т. д. Как мы увидим ниже, «индийская литература» к этому роду причислена быть пока не может.

Дело в том, что «литература» вообще – это, несомненно, объект второго рода. Как известно, явление, которое мы теперь называем «литературой» (в смысле «художественная литература»), т. е. «письменная форма искусства слова»⁵³, сложилось в своем нынешнем виде весьма недавно⁵⁴. В этом более узком смысле «литературу» можно счесть объектом первого рода. Но когда слово «литература» распространяют на все века и народы («мировая литература»), то здесь мы несомненно имеем дело с объектом второго рода. В мешок с ярлыком «литература» складывается все, что соответствует современному понятию «литература» (вернее, то, что сейчас может быть воспринято как «литература»), вне зависимости от того, какой статус имело данное явление в своем собственном культурном контексте. Разумеется, мы вправе так поступать, так же как вправе (беря крайний случай) наслаждаться естественными узорами на куске мрамора наравне с узорами, созданными художником. Но, очевидно, следует различать вненаучное восприятие тех или иных явлений и научное их описание и изучение.

С научной точки зрения [18], подверстывание многообразных явлений иных веков и иных культур к нашему понятию «литера-

тура» – это, так сказать, «ретроспективная метафора» (если б слово не звучало так страшно, можно было бы сказать даже «циркум-спективная метафора», поскольку речь идет, как уже говорилось, не об одной «монолинейной» ретроспективе) [19] .

Разумеется, минимально внимательный исследователь осознает, что под словом «литература» часто подразумеваются весьма различные вещи, но научная «метафора», как и метафора художественная, обладает немалой силой воздействия даже на тех, кто понимает, что это всего лишь метафора. От многократного употребления и научная «метафора» стирается, и в этом случае есть опасность, что она превратится в «метафизику», т. е. в основу, в исходную предпосылку исследования.

Недифференцированное употребление слова «литература» таит в себе и другую опасность: неразличение тех различных ролей, которые играло словесное творчество в разных культурах, неразличение различных «природ» разных «литератур». Так, С.С. Аверинцев недавно напомнил нам, что два важнейших источника европейской литературы, греческая «литература» и ближневосточная «словесность», – два принципиально разных явления, которые нельзя признать «в одном и том же смысле слова “литературой”»⁵⁵. Однако, подчеркнув различия, С.С. Аверинцев отмечает и общее: хоть и по-разному, но «для того и другого народа (т. е. греков и иудеев) именно слово воплощало те предельные духовные ценности, ради которых стоит жить и умереть»⁵⁶; в обоих случаях «литература вбирает в себя основной смысл всей культуры в целом, смысл, который не может быть реализован помимо литературы...»⁵⁷. Такому типу культуры Аверинцев противопоставляет иной тип, пример которого – Древний Египет. «Основной смысл» древнеегипетской культуры, согласно Аверинцеву, «выражается внелитературными средствами», словесно-художественные произведения создавались, но «содержание всенародной жизни выражало себя не в них», а в государственном строительстве и т. п. Разумеется, вышеприведенные формулировки, метафорические и обобщенные, нуждаются в «переводе» на более конкретный язык социально-исторических терминов, но несомненно, что Аверинцев в своей статье нащупывает один из важнейших путей к построению действительно универсальной «теории литературы», к выработке

действительно универсальной «типологии мирового литературного процесса» [20]. В частности, «индийская литература» нуждается в анализе с точки зрения такой общей историко-культурной типологии. Не обнаружит ли такой анализ, что (снова пользуясь выражением Аверинцева) «встреча» индийской и европейской литератур, произошедшая в XIX–XX вв., – это «встреча» не менее (если не более) разнородных явлений, чем греческая «литература» и ближневосточная «словесность»? [21]

На этот вопрос еще лишь предстоит искать ответ.

* * *

Пока же обратимся к слову «роман». Нетрудно увидеть, что и это слово часто употребляется в качестве «ретроспективной метафоры», что за ним могут стоять весьма различные реальности.

В европейских языках слова, соответствующие русскому слову «роман», утвердились в своих современных значениях не ранее XVIII века (ср. выше о становлении в том же веке понятия «литература»!). Именно с этого века роман становится ведущим жанром европейской литературы [22]; это заставляет ученых оглядываться назад, на историю и предысторию данного жанра, – и, по характерной привычке, употребление термина «роман» распространяется на все века и народы.

Однако неоднородность «романа» даже в пределах только европейской литературы подчеркивается хотя бы тем обстоятельством, что разные европейские языки, выражающие основные понятия своей общей культуры большей частью примерно одинаковыми (одноко-ренными) словами [23], в случае «романа» знаменательно расходятся между собой. Так, если во французском и немецком, как и в русском, употребляется слово «роман», восходящее к понятию «романский» (отличный от «латинского»), то в испанском тому же значению соответствует слово «*novela*», а в английском мы имеем вообще не одно, а два слова: «*romance*» и «*novel*», причем различие этих двух слов характерно не только для «ненаучной» речи, но и для научных трудов, написанных на английском языке. В современном контексте слово «*romance*» иногда может обозначать определенный подвид романа-*novel* («сентиментальный роман», «приключенческо-любовный ро-

ман» – с оттенком пренебрежения), но в историческом плане эти два слова-термина довольно четко различаются. Так, в англоязычном литературоведении не ведутся споры о том, считать ли «античный роман» или «рыцарский роман» «романами» и если да, то в каком смысле, потому что и «античный роман», и «рыцарский роман» – это не «novel», а «romance». Английский исследователь склонен рассматривать «romance» и «novel» как два разных рода литературы в ряду «эпос» – «romance» – «novel»⁵⁸. Как тут не вспомнить снова теорию Сэпира-Уорфа!

Противопоставление двух английских слов отражает тот явный качественный перелом, который происходил в европейской литературе с XVI в. или, говоря шире, с эпохи Возрождения. Ведь именно с тех пор в Европе утверждается и постепенно завоевывает главенство такая литература, которая, по выражению М.М. Бахтина, ориентирована прежде всего на «живой контакт с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)»⁵⁹. *Romance* уступает место роману-*novel* или, как писали раньше по-русски, возникает «реальный роман»⁶⁰.

Разумеется, в конце концов, не в словах дело. Можно пользоваться любой системой терминов, лишь бы она не искажала картину реальности и не приводила к бесплодным спорам о словах (как говорит пословица, «хоть горшком назови, только в печку не ставь»). А, например, споры о том, «когда возник роман» (в Античности? в Средние века? в эпоху Возрождения? в XVIII в.?) и «что следует, а что не следует считать романом», – во многом именно споры о словах. В этих спорах нередко проглядывает наивно-реалистический (в смысле средневекового философского направления) подход к слову и понятию: если есть слово «роман», то есть и некая единая «сущность» [«ens», «entity»] [24], обозначаемая этим словом и даже чуть ли не «идея романа» в платоновском смысле: эту «идею» надо определить, а затем найти, где и как она проявляется в эмпирическом мире [25].

Но если отвлечься от подобных споров, то проблемы, связанные с европейским романом, можно сформулировать примерно так.

1) Есть ли такие «сущностные характеристики», общие для «античного романа», «рыцарского романа», «плутовского романа», «пре-

циозного (барочного) романа», «просветительского романа», «реалистического романа» и т. д., которые позволяют нам выделить все эти произведения как особую единую группу (как особую «сущность» [«ens», «entity»]), отличную от всех прочих произведений европейской словесности?

3) Если такая линия преемственности существует, то на какие качественно отличные отрезки эту линию можно разделить, в каких ее точках происходят наиболее существенные изменения качества?

4) Может быть, лучше говорить не о «линии преемственности», а о сложном «дереве» преемственных связей?

На первый вопрос многие литературоведы, очевидно, ответят утвердительно. Однако попытки сформулировать «общие сущностные характеристики» для всех названных разновидностей «романа» приведут, пожалуй, лишь к весьма широким определениям, вроде «роман – это жанр большого (но иногда не очень большого) повествовательного произведения в прозе (но иногда в стихах)»⁶¹. При этом может оказаться, что природа более поздних форм «романа» в гораздо большей степени связана с другими «жанрами» словесности, чем с более ранними формами самого «романа». Так, М.М. Бахтин усматривает гораздо более тесную связь современного («реального») романа, например, с сократическими диалогами, чем с «античным романом»⁶². Иными словами, «общая сущностная характеристика» «европейского романа» в целом может оказаться слишком формальной, не вполне «сущностной».

Что касается второго вопроса, то, как известно, преемственность между «античным романом» и ближайшими к нему по времени «этапами» европейского романа остается предметом научных дискуссий⁶³. Далее преемственность более явна, но, по-видимому, и тут есть много спорного. То же относится и к третьему из вышеназванных вопросов.

* * *

В своей статье о Нонне Панополитанском С.С. Аверинцев высказал мысль, что «путь античного эпоса» можно рассматривать как «парадигму пути всей античной культуры в целом»⁶⁴ [26]. Подобным же образом «путь романа» может служить «парадигмой пути (ново)евро-

пейской культуры» (вспомним известное выражение: «роман – эпос Нового времени»⁶⁵). Проблема преемственности между различными временными разновидностями (ново)европейского романа, а также проблема «качественных скачков» в этой преемственности соизмеримы с проблемами интерпретации всей (ново)европейской культуры в целом («И прелести твоей секрет / разгадке жизни равносильны»).

История Европы складывается из этапов, которые выглядят как «отрицание», «разрыв» с предыдущим (Средние века, Возрождение, Просвещение и т. д.), но столь же возможно рассматривать их как звенья единой цепи – и чем больше временная дистанция, тем виднее моменты преемственности, «перекрывающие» моменты «разрыва» и «отрицания». То же, вероятно, справедливо, и по отношению к истории европейского романа. С другой стороны, история Европы начиная с эпохи Возрождения – уникальное явление в мировой истории, в решающей степени определившее ее ход за последние несколько столетий. Великие географические открытия, научная революция, развитие промышленности, экспансия европейцев на все прочие материки – вот некоторые из основных аспектов этого уникального исторического явления [27]. Можно сказать, что становление современного («реального») романа – это также один из характерных аспектов новоевропейского развития, «сущностно» связанный со всеми прочими его особенностями⁶⁶.

Важнейший факт и фактор мировой истории последних веков – распространение европейской культуры (или каких-либо ее элементов) на иные континенты и народы⁶⁷. Книгопечатание и экспериментальные науки, промышленность и железные дороги, определенные социально-политические идеи [28] и формы искусства – вот опять-таки некоторые из основных явлений, разошедшихся по свету из Европы. Сейчас они могут восприниматься как «мировые» и «естественные», а в терминах «моноголинейного историзма» «закономерно возникающими на определенной стадии общественного развития», но факт остается фактом, что все эти явления возникли (или первоначально развились и укрепились) именно в Европе и именно из Европы вышли на мировую арену [29]. История – не экспериментальная наука. Историк не может провести «контрольный эксперимент»: «проиграть» «мировую историю» заново, исключив

из нее Европу, и посмотреть, возникнут ли где-либо еще сами по себе ньютоновская физика, промышленность, железные дороги, парламентская демократия... и «реальный роман». В той истории, которая единожды случилась, все это возникло только в Европе, только в условиях европейской культуры, а другими культурами было заимствовано [30].

В данном коллективном труде⁶⁸ анализируются различные литературы Азии и Африки на предмет выявления в них жанровых форм или отдельных произведений, сравнимых с той или иной разновидностью европейского романа, причем берутся в основном те периоды соответствующих литератур, которые предшествуют активному усвоению европейских литературных форм. По-видимому, одним из выводов этого труда будет то, что в названные периоды обнаруживаются произведения, сравнимые лишь с более ранними разновидностями европейского романа. Роман в более узком смысле слова («реальный роман») появляется в неевропейских литературах лишь после и в результате контактов с литературой европейской⁶⁹.

Но, одно дело – теоретическая физика или железные дороги, которые могут быть «перенесены» [31] из страны в страну без особых изменений. Другое дело – такие элементы культуры, которые в гораздо большей степени связаны с «человеческим фактором», например, парламентская демократия или литературные жанры. При заимствовании из культуры в культуру подобные элементы неминуемо претерпевают большие или меньшие изменения, обусловленные, надо думать, в первую очередь свойствами заимствующей среды. Проблема, общие параметры которой мы пытаемся обрисовать здесь, может быть сформулирована следующим образом: как прижился в Индии европейский жанр романа и какие воздействия местной среды он при этом испытал.

* * *

В 1964 г. в Бомбее была издана книга под названием «Роман в современной Индии»⁷⁰. В книгу вошли доклады, прочитанные несколькими индийскими литературоведами и литераторами на специальном симпозиуме в городе Бхубанешваре (Орисса) в 1959 г. Во вступительной статье к книге К.Р. Шриниваса Айангар (известный прежде

всего как специалист по англоязычной индийской литературе) писал: «"Индийский роман" – это, разумеется, собирательный термин, относящийся к художественным произведениям (fiction) определенной длины (в отличие от более коротких рассказов), создаваемых на нескольких региональных (regional)⁷¹ индийских языках (ассамском, бенгальском, гуджарати, хинди, урду, каннада, кашмири, майтхили, малаялам, маратхи, ория, панджаби, синдхи, тамильском и телугу⁷²), а также на английском⁷³... и на санскрите, который, будучи нашим классическим или "священным" языком, остается также и языком живым»⁷⁴.

В одной лишь Республике Индия создаются и издаются романы по крайней мере на двадцати двух языках (кроме перечисленных, Литературная Академия Республики Индия признает теперь еще пять языков: догри, манипури, раджастанхари, непали и конкани).

И индийские, и неиндийские авторы часто задаются вопросом, правомерно ли говорить об «индийском романе» как едином объекте исследования; не есть ли это понятие лишь механическая сумма таких понятий, как «бенгальский роман», «ассамский роман» и т. д.⁷⁵ Нередко задается и более общий вопрос: «А есть ли вообще такая вещь, как единая индийская литература?». Для литературоведов и литературных критиков, граждан Республики Индия, этот вопрос имеет явственную политическую окраску, так как связан с проблемами государственного единства многонациональной страны⁷⁶ [32]. Для западных индологов проблема единства индийской (или южно-азиатской?) литературы имеет более или менее «чисто научное» значение. Но, так или иначе, в Индии или в Европе, данная проблема еще только поставлена.

Можно, однако, утверждать, что индийская литература, в чем бы ни состояло ее единство, это пока что скорее «литература в себе», чем «литература для себя», или, возвращаясь к введенному выше различению, «объект второго рода». Мало кто из индийцев может воспринять и осознать индийскую литературу во всем ее объеме как нечто единое и цельное⁷⁷ и мало кто к этому стремится. Различные индийские литературы незначительно и очень неравномерно переведены «одна в другую». Среднему европейцу гораздо проще охватить (в подлинниках или в переводах) наиболее значительные про-

изведения европейской литературы, чем среднему индийцу – индийской. Немного и таких литературоведов-индологов, которые могли бы оценить в оригиналах хотя бы несколько индийских литератур. Поэтому, в частности, как верно отмечает А.С. Сухочёв, серьезное изучение индийской литературы – или индийского романа – в целом «возможно только силами большого научного коллектива, путем длительной подготовительной работы»⁷⁸.

И тем не менее, хотя было бы трудно четко сформулировать, в чем заключается единство индийской литературы, оно интуитивно ощущается всеми, кто в какой-либо мере соприкоснулся с различными ее подразделениями. Единство это обусловлено единством индийской культуры и есть явление того же порядка, что и единство европейской литературы, природу которого, вероятно, было бы столь же нелегко описать [33].

Научный «охват» индийских литератур в целом затруднен, помимо прочего, их весьма неравномерной изученностью. В силу ряда причин новоиндийские и дравидийские литературы, например, изучены гораздо хуже, чем «древнеиндийский литературный комплекс». В свою очередь, внутри новоиндийских и дравидийских литератур современные периоды (т. е. XIX–XX вв.) исследованы, как правило, хуже более ранних периодов, которые привлекали к себе внимание как ценное культурное наследие. Наконец, проблема «индийский роман» и подавно не может похвастаться богатой научной традицией. В самой Индии, как пишет А.С. Сухочёв, «...литературоведение довольно поздно принялось за изучение романа... Жанр этот успешно развивался, а в литературоведении и критике продолжали господствовать консервативные убеждения, по которым традиционная поэзия по-прежнему оставалась высшим и по сути дела единственным видом настоящей литературы, достойной внимания и изучения»⁷⁹. Лишь с 1930-х годов «появляются отдельные монографии, посвященные роману»⁸⁰. С тех пор в Индии вышло довольно много работ, посвященных как отдельным романистам, так и жанру романа в той или иной индийской литературе в целом⁸¹, но, как ни странно, почти нет хоть сколько-нибудь обобщающих трудов. Упомянутый выше сборник кратких докладов⁸² остается по сей день единственной индийской книгой такого рода⁸³.

Советские литературоведы-индологи занимались и занимаются преимущественно индийскими романами XX в., т. е. явлениями уже довольно «поздними»⁸⁴, и большей частью анализируют их в плане сугубо идеологическом [34], что не проливает достаточно света на проблему индийского романа как собственно художественного явления.

В последнее десятилетие, однако, произошел определенный сдвиг. В плане данной работы особый интерес представляет книга А.С. Сухочёва «От дастана к роману»⁸⁵, в которой на конкретном материале прослежено становление романа в литературе урду именно как новой художественной формы. Отдельные статьи в книге «Проблемы индийского романа» также посвящены становлению романа в различных индийских литературах. Наконец, следует назвать две книги о романистах XIX в., важнейших фигурах в становлении жанра романа в Индии: книгу В.А. Новиковой [35] о Бонкимчондро Чоттопаддхайте (1838–1894)⁸⁶ и книгу В.К. Ламшукова [36] о Хари Нараяне Апте (1864–1919)⁸⁷.

Западными учеными более всего изучен, по-видимому, англоязычный индийский роман⁸⁸. Однако группой английских индологов создан и единственный в своем роде труд, в котором рассматриваются самые первые шаги романа на нескольких индийских языках (бенгальском, маратхи, урду, хинди, тамильском и малаялам)⁸⁹. Можно согласиться с упреком А.С. Сухочёва в адрес этого труда, авторы которого не спешат делать обобщения⁹⁰, однако подобный недостаток (если это вообще недостаток для практически первой книги на данную тему!) с лихвой искупается другими достоинствами – прежде всего, введением в научный обиход дотоле почти неизвестного и труднодоступного (даже в Индии!) материала.

Многообразные трудности изучения такого сложного объекта, как индийская литература, ставят исследователя, желающего обозреть эту литературу в целом (даже в плане какой-либо частной задачи), в положение, подобное положению физика-теоретика, который пользуется наблюдениями, результатами и выводами, добытыми физиками-экспериментаторами в ходе различных специализированных исследований. Разумеется, в подобное же положение попадает любой литературовед, занимающийся достаточно широ-

кой проблемой, но разница в том, что индолог очень часто не может «повторить эксперимент» своих коллег, т. е. «пройтись по конкретному материалу» вслед за ними, хотя, казалось бы, этот материал относится к сфере его собственной специализации. И такая ситуация сохранится, вероятно, еще надолго.

* * *

Преобразование индийской литературы в XIX–XX веках – это часть более широкого процесса преобразований в индийском обществе, в индийской культуре в целом. Среди индийских историков и литературоведов принято говорить о Возрождении (с большой буквы!), произошедшем в Индии в эти века (употребляются как общий термин «Индийское Возрождение», так и частные: «Бенгальское Возрождение», «Тамильское Возрождение» и т. д.)⁹¹. Нельзя не признать, что подобный взгляд (или, если угодно, подобное словопотребление) имеет достаточно веские основания, хотя о природе этого «Индийского Возрождения» ведутся и еще будут вестись столь же горячие споры, как и о природе Возрождения европейского [37]. Рассмотрим вкратце некоторые важнейшие аспекты «Индийского Возрождения», существенные для темы данной статьи. Прежде всего следует упомянуть о политической основе «Индийского Возрождения» – объединении субконтинента под британской властью [38], принесшей определенную стабильность, «закон и порядок» и создавшей таким образом условия для жизнедеятельности общества и культуры в масштабах Индии в целом, при постоянных контактах различных ее частей. Одним из самых важных – для развития новых форм культуры и литературы – социальных аспектов «Индийского Возрождения» (его же можно назвать и «социально-экономическим аспектом») было возникновение нового общественного класса, «интеллигенции», получившей европейское (английское) образование или во всяком случае так или иначе приобщившейся к европейской культуре. Именно эта новая интеллигенция, в частности, была основным творцом современной индийской литературы.

Слово «интеллигенция» (с вышеназванным смыслом), хотя и имеет старинный латинский корень, возникло лишь ближе к середине XIX в., получило широкое распространение в России и уже из

русского языка было заимствовано во многие другие [39]. Современные историки и этнологи, исходя из российского опыта и сравнивая его с опытом других стран, употребляют термин «интеллигенция» для обозначения таких общественных групп, которые возникают в различных культурах (обществах) в периоды глубоких социальных сдвигов (обусловленных часто воздействием каких-либо внешних и более экспансивных культур). «Интеллигенция» играет роль проводника и интерпретатора новых культурных ценностей и часть ее задачи – взаимная интеграция (если и в той мере, в какой таковая возможна) «нового» и «старого», «чужого» и «своего». «Интеллигенцию» в этом смысле отличают от «образованных хранителей культурных ценностей» в «традиционных» обществах, т. е. в таких, которые не сталкиваются с острыми проблемами социальных сдвигов. По-видимому, различие между такими «хранителями» и «интеллигенцией» не абсолютно, как не абсолютна грань между «развитием» и «традиционностью», «движением» и «покоем», но в большинстве случаев подобное различие «работает», оно научно плодотворно.

Сравнение индийской и русской интеллигенции – это не игра словами, а сопоставление двух исторических явлений, имеющих несомненное сходство; конечная основа для такого сравнения – упомянутый выше процесс глобальной экспансии европейской культуры. Собственно говоря, Европа, как и Индия, не есть нечто внутри себя совершенно единое, и процесс экспансии европейской культуры на иные континенты сопровождался не менее сложными и не менее драматичными процессами взаимодействия между различными европейскими странами. Так, например, «буржуазное», капиталистическое развитие прежде всего началось в Англии, лишь позже – во Франции (где его идеологическая «надстройка» уже была во многом предопределена английским «влиянием») и еще позже – в Германии, где соответствующие культурные конфликты часто осмыслялись в терминах противостояния «развращенной Франции» (и/или «коварной Британии») и «добродетельной Германии» [40].

Петровские реформы, резко подчеркнувшие ориентацию России на западноевропейские «стандарты» (во многом даже в ущерб соб-

ственным традициям) и последующую «европеизацию» России, можно – в зависимости от точки зрения – рассматривать или как часть внутриевропейских процессов, или как часть глобальной экспансии европейской культуры (в которой, кстати, и сама Россия принимает деятельное участие с XVI в., перевалив за Волгу и Урал и распространившись по всему северному массиву евразийского материка). Обе точки зрения, вероятно, в равной степени правомерны и условны, как условно всякое дискретное деление континуума исторических событий [41].

Условность и неполнота дискретного подхода к историческим процессам⁹² выявляется также в противоречивых оценках, дававшихся или даваемых общепризнанным «рубежам» в истории той или иной страны, той или иной культуры. Так, например, в XIX–XX вв. был возведен в ранг научной истины один из аспектов европейского самосознания XV–XVI вв. и провозглашено существование «эпохи Ренессанса (Возрождения)», принципиально отличной от предыдущей эпохи «Средних веков». Современные историки уже смотрят на дело несколько иначе и стремятся «осмыслить генезис Ренессанса как диалектический процесс, когда происходит перерыв постепенности и в то же время его нет»⁹³. Подобную «диалектику разрыва и преемственности» можно усмотреть и в других «рубежных» исторических явлениях: Петровских реформах, «Индийском Возрождении» и т. д. Такая «диалектика» довольно четко вырисовывается и в истории современной индийской литературы, в частности – в истории становления романа в Индии.

Индийские литературоведы единодушно отмечают, что в XIX в. в истории индийской литературы начался принципиально новый период. Так, один из корифеев современной индийской филологии, Шунити Кумар Чаттерджи (Suniti Kumar Chatterji, 1890–1977), писал: «С начала XIX века в результате контакта с английской литературой и европейской культурой в Индии наступает подлинное Возрождение; и с этого времени происходит ... совершенно новое развитие современных индийских литератур»⁹⁴.

Не случайно Ш.К. Чаттерджи пользуется почти теми же словами, что и Д.С. Лихачев, который, выражая столь же общепринятую точку зрения, пишет о совершившемся в России во второй четверти

XVIII в. «переходе» «к новой структуре литературы, к новому типу литературного развития и к новому типу взаимоотношений с литературами стран европейского Запада»⁹⁵.

О масштабах перелома в индийской литературе, драматизме произошедшей «встречи» выразительно сказал (в 1950-х годах) видный литератор и литературовед Винаяк Кришна Гокак (р. 1909):

«Размышления о том, была ли современная (modern) индийская литература автохтонной (indigenous) или экзотически иностранной в своих истоках, скоро станут одним из любимых занятий ученых мужей. Но историческая истина заключается в том, что Запад возжег на горизонте Индии огни, которые вначале показались небывалыми. Сто лет на-зад (т. е. примерно в середине XIX в. – С.С.) в поле зрения индийских писателей вошла не просто новая планета, но появился целый небо-свод. Английская литература дала им новые глаза и новые уши. Ро-ман, рассказ, трагедия, биография, автобиография, эссе, дневник, послание, лирическое стихотворение – эти и другие литературные формы с их завораживающими разновидностями открыли перед индийскими писателями бесконечно разнообразные богатства, поразившие их взоры. Наши писатели читали с жадностью Шекспира и Мильтона, Аддисона и Свифта, Джонсона, Голдсмита и Бёрка, Вордсворта, Шелли и Китса, Скотта, Джэйн Остин и Маколей, Диккенса и Теккерея»⁹⁶.

При описании подобных процессов в литературе и культуре чуть ли не прежде всего сталкиваешься с проблемой языка, с проблемой адекватного, справедливого отображения в словах сложнейших явлений. Слово, которого трудно избежать в этом контексте, – «влияние». Но даже среди прочих литературоведческих терминов, печально известных своей нестрогостью и неточностью, «влияние» особенно неточно и нестрогое (так, один из героев «Одесских рассказов» И. Бабеля «среди биндюжников слыл грубияном»). Хуже того, в этом слове многим – и, вероятно, справедливо – слышится нечто обидное, принижающее того, на кого «влияют», за счет возвеличивания того, кто «влияет». Впрочем, может быть, в подобном восприятии слова «влияние» повинен все тот же «монолинейный» подход к истории культуры, из которого можно сделать вывод, что «влияет» обычно тот, кто

«более развит», на того, кто «развит менее». Так или иначе, это слово лучше все же не употреблять без специальных оговорок, хотя фраза «влияние английской (западной) литературы на индийскую литературу» (или «...на бенгальскую литературу», «...на литературу урду» и т. д.) – одно из распространеннейших клише индийского литературоведения⁹⁷.

Не будем отбрасывать вовсе слово «влияние», удобное во многих отношениях. Но для описания «литературного процесса» в Индии XIX–XX (как и предшествующих) вв. предложим другую метафору, другую модель – «силового поля», в котором действует несколько источников «сил». В XIX–XX вв. продолжают воздействовать на развитие литературы и «классические комплексы» – древнеиндийский и арабско-персидский (мусульманский); последний со временем значительно «индианизировался» («обындиился»). С другой стороны, на новых индийских языках к XIX в. также накопились собственные литературные традиции, более или менее мощные, в большей или меньшей степени сформировавшиеся в «поле воздействия» того или иного «классического комплекса». В XIX–XX вв. эти «местные» традиции также выступают в качестве «источников сил» в общеиндийском литературном «силовом поле». Но все-таки наиболее мощным «источником силы» и фактором литературного развития в XIX и даже в XX в. является «западный (прежде всего – английский) литературный комплекс». Более того, как уже сказано, интерференция этого силового воздействия во многом определила и способы, и даже саму мощь влияния «традиционных комплексов» на современные индийские литературы.

Говоря конкретней, речь идет о так называемом «открытии прошлого», одной из важнейших частей «Индийского Возрождения» и одном из существенных моментов его подобия с европейским Возрождением. Дело в том, что в XIX в. в связи с новым развитием индийской культуры были действительно «открыты заново» многие ценности, идеи, архитектурные памятники, памятники письменности и т. д., до этого как будто «забытые».

Однако это «открытие» (как и «забывание») – отнюдь не единое и однородное явление, а скорее сложный комплекс различных яв-

лений. Некоторые памятники письменности были в полном смысле слова забыты практически всеми носителями (или наследниками) соответствующего языка. Это случилось, например, с древнетамильской поэзией, которая к XIX в. была почти совершенно забыта тамилами, очевидно, потому, что оказалась чуждой восторжествовавшей среди них форме индуизма⁹⁸. Точно так же буддийские «чарья-гити», созданные в Бенгалии на рубеже первого и второго тысячелетия нашей эры, были лишь в XX в. «открыты» в Непале, так как в самой Бенгалии давно уже не осталось буддистов, которые хранили и продолжали бы данную литературную традицию⁹⁹. С другой стороны, традиции вишнуитской поэзии в той же Бенгалии никогда не прерывались с XV по XIX в., но поэзия эта была достоянием лишь тех, кто принадлежал или примыкал к вишнуитским сектам, и «открытие» этой поэзии в XIX в. заключалось в «выведении» ее за пределы секты, в превращении ее в «общебенгальское достояние»¹⁰⁰ [42]. Частный случай бенгальской вишнуитской поэзии весьма характерен для литературного развития Индии в XIX–XX вв. В прежние века «индийская литература» представляла собой как бы множество различных потоков, ручьев и ручейков, которые могли быть очень мало связаны друг с другом. Это определялось высокой степенью раздробленности индийского общества – раздробленностью политической, языковой, социальной, религиозной, кастовой и т. д. В XIX и даже в XX в. «индийская литература» все еще не единый поток, но составляющие ее потоки за это время все более консолидировались и укрупнялись, вбирая в себя соседние ручьи и ручейки.

«Открытие» «забытых» памятников письменности (при всех его разновидностях) было так или иначе определено новым «литературным сознанием», возникшим в результате контактов с западной культурой. И это один из смыслов, в каком можно говорить об «интерференции» западного «источника силы», во многом определившей роль «традиционных источников» в последние два века.

Возникновение в Индии в XIX в., в первую очередь среди новой интеллигенции, «нового литературного сознания», сформированного по образцу европейского, было одним из главных элементов перелома в истории литературы, одним из главных моментов «разрыва»

с прошлым. Как мы видели выше, ощущение этого «разрыва» еще свежо и преобладает среди нынешних индийских литературоведов. Однако есть уже и признаки того, что индийские ученые стремятся увидеть и другую «составляющую» процесса – «преемственность».

История русской литературы и русского «литературного сознания» здесь также предоставляет интересную параллель. Долгое время преобладали представления о полном разрыве между «допетровской» и «послепетровской» литературой. Более того, отрицалось само существование «литературы» до Петра. Так, А.С. Пушкин писал (в 1830 г.): «к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь, и на ней возвышается единственный памятник: “Песнь о полку Игореве”... Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной»¹⁰¹. В.Г. Белинский (в 1843 г.) уточнил вслед за Пушкиным: «Наша литература началась с 1739 года (от появления первой оды Ломоносова)»¹⁰². А в наши дни академик Д.С. Лихачев озаглавил одну из своих статей так: «Первые семьсот лет русской литературы»¹⁰³.

Подобное изменение во взглядах вызвано, вероятно, и увеличением временной дистанции, и «открытием» многих «забытых» памятников письменности, и изменениями представлений о том, что считать «литературой» (ведь и А.С. Пушкин знал летописи или, во всяком случае, знал об их существовании). Процессы «открытия» прошлого и параллельного изменения «литературного сознания» в Индии и в России также во многом сравнимы, но протекали в двух странах весьма по-разному. В России новая литература достигла «классических высот» еще до того, как прошлое было хоть в скольконибудь удовлетворительной степени открыто и оценено. В Индии создание новой литературы и «открытие» прошлого протекало более или менее одновременно, хотя и в некоторых индийских литературах, как мы увидим ниже, были этапы полного незнания или игнорирования предшествующей местной литературной традиции.

Упомянем заодно еще об одном моменте подобия в истории новых литератур Индии и России (момента, который, впрочем, свойствен всем современным литературам). Речь идет о «все возрастающей со временем связи с мировой литературой». Иными словами, каждый

последующий период в развитии современной литературы той или иной страны можно и нужно рассматривать не только в контексте литературной традиции данной страны, но и в контексте всего «общемирового литературного процесса». Еще конкретней, творчество А.С. Пушкина, например, невозможно адекватно понять и оценить лишь в терминах русской литературной традиции. Столь же, если не более, важно учитывать основные западноевропейские литературы той эпохи. Точно так же, например, творчество Р. Тагора может быть понято лишь с учетом и его «собственной» бенгальской традиции, и развития европейской литературы XIX–XX вв.¹⁰⁴

* * *

Выражая утвердившееся мнение, К.Р. Шриниваса Айангар писал (в начале 1960-х годов):

«Роман как литературное явление возник в Индии недавно (The novel as a literary phenomenon is new to India). У эпоса, лирики, драмы, сказа и басни есть почтенные предки, возраст которых исчисляется веками, но роман, т. е. длинное и цельное произведение художественной прозы (prose fiction), укоренился в Индии лишь за последнее столетие. Можно, конечно, возразить, сказав, что санскритские произведения вроде “Кадамбари” Баны и “Васавадатты” Субандху – это тоже романы, но на самом деле такое название не подходит для упомянутых произведений, которые к тому же остались единственными в своем роде шедеврами. Роман, заслуживающий такого названия (properly so called), появляется лишь во второй половине XIX в., когда воздействие Запада на культуру Индии привело, среди прочего, к развитию письменной прозы на региональных (индийских. – С.С.) языках – сначала лишь функциональной, утилитарной, а затем и художественной»¹⁰⁵.

Вот еще несколько высказываний индийских авторов о становлении романа в отдельных индийских литературах.

«Ассамский роман получил развитие после распространения в Ассаме европейской системы образования¹⁰⁶. Большое значение для развития этого жанра имело знакомство с произведениями западной литературы»¹⁰⁷.

«Подобно большинству других современных прозаических форм в литературе маратхи (эссе, рассказу, путевым очеркам), маратхский роман также был результатом нашего контакта с английским языком и литературой»¹⁰⁸.

«Подобно рассказу, эссе, жанрам литературной критики и биографии, роман появился в литературе малаялам в результате влияния английской литературы»¹⁰⁹.

«Роман как форма литературного искусства был заимствован из западной, особенно из английской, литературы и приспособлен к духу языка и народа телугу»¹¹⁰.

Западные исследователи придерживаются в основном такой же точки зрения¹¹¹. Советские индологи, похоже, согласны в том, что жанр романа появился в Индии в XIX в. как нечто новое. Так, А.С. Сухочёв (в своей книге, посвященной литературе урду) пишет: «Во второй половине (XIX в. – С.С.) в полный голос заявляют о себе публицистика и новый для литературы урду жанр – роман»¹¹². И в другом месте (в статье 1974 г.): «Прошло немногим больше столетия с тех пор, как в индийских литературах появились первые романы»¹¹³.

Возникновение нового жанра романа было лишь частью коренной перестройки всей жанровой системы (вернее систем) в индийских литературах [44]. Выше приводились слова В.К. Гокака о том, что перед индийскими писателями открылся «целый небосвод» различных жанров европейской литературы. Большинство этих жанров было усвоено индийскими литературами – до такой степени, что эти «современные жанры» во многих случаях значительно потеснили, а то и вовсе вытеснили традиционные индийские жанры. П.К. Парамешваран Наир¹¹⁴ в своей книге «История литературы малаялам» (изданной Литературной Академией Республики Индия), утверждает: «Все современные художественные формы и движения (в литературе малаялам. – С.С.) обязаны своим происхождением английской литературе... Все жанры (современной литературы малаялам. – С.С.) – роман, рассказ, драма, эссе, литературная критика, биография, история (!), путевые очерки – созданы по английским образцам»¹¹⁵. Далее тот же автор пишет, что даже традиционные поэтические формы в современный период преобразились «под английским влиянием»¹¹⁶.

В приведенных выше характерных высказываниях индийских авторов налицо увлечение моментами «разрыва традиций». Но в индийском литературоведении уже возрастает интерес и к «моменту преемственности» как в истории жанра романа, так и в истории других жанров. Для получения полной картины литературоведам в

будущем предстоит изучить «диалектику разрыва и преемственности» в рамках отдельных жанров и отдельных индийских литератур. Уже сейчас ясно, что в разных жанрах, как и в разных литературах, картина этой «диалектики» будет выглядеть неодинаково¹¹⁷. Соотношение моментов «разрыва» и «преемственности» зависит также от масштаба рассмотрения и от выбора временного отрезка, на котором сосредоточено внимание. В истории современных индийских литератур были и периоды, когда моменты «разрыва» резко преобладали над моментами «преемственности», и периоды, когда «преемственность» брала реванш. В общей исторической перспективе эти «качели» и образуют «диалектическое движение».

Факт заимствования жанра романа из английской литературы, но одновременно и несколько различные судьбы этого жанра в разных индийских литературах отражены в том лингвистическом факте, что слов для обозначения этого жанра в современных индийских языках, как правило, заимствованы из английского языка (хотя есть и отдельные любопытные исключения). Так, на урду, на тамильском, на гуджарати и на малаялам используется английское слово *novel* (в фонетическом облике, подходящем для данного языка)¹¹⁸. В бенгальском языке, по причинам, которые еще не установлены, вошло в употребление слово из санскрита «упаньяс» (*upanyasa*), которое, однако, в самом санскрите, по-видимому, никогда не применялось к каким-либо литературным формам¹¹⁹. Из бенгальского языка слово «упаньяс» было заимствовано в язык хинди. Наконец, в маратхи сосуществуют два слова: «навал» и «кадамбари»; последнее происходит от названия «санскритского романа» Баны «Кадамбари» (собственное имя героини). О причинах такой особенности маратхи речь пойдет ниже.

Интересно, что по крайней мере еще в двух индийских языках были попытки ввести неанглийское слово для обозначения романа. Так, в гуджарати предлагалось слово «сансара-читра», буквально «миро-картина», т. е. «картина мира», «изображение мира»¹²⁰, а в малаялам — слово «акхьяика», служившее и в санскрите для обозначения повествовательных произведений¹²¹, но в обоих случаях индийские слова не смогли вытеснить английское.

Разумеется, наличие в индийских языках слов со значением «роман», как и наличие подобных слов в европейских языках, само по себе еще не гарантирует, что за этими словами стоит некое четко определенное и внутри себя единое явление литературы, поддающееся однозначному научному выделению и описанию. В трудах, посвященных истории индийских литератур, можно встретить весьма различные мнения о том, какие произведения следует считать «уже романами», а какие «еще не романами», и с какого времени в той или иной литературе появляется «настоящий роман».

С другой стороны, в индийских языках, по-видимому, нет терминологического различия, соответствующего русскому различению «роман» – «повесть» (интересно, что такое различие слабо выражено и в английском языке). Многие индийские «романы» по своему объему и строению заслуживают скорее названия «повесть», каковое они часто и получают в русских переводах. Индийские литературоведы, пишущие по-английски, в таких случаях иногда употребляют слово *novelette* («маленький роман»), но строгости в противопоставлении *novel* – *novelette* нет; как, впрочем, нет полной ясности и в русском языке с различием «романа» и «повести». В.А. Богданов замечает: «Следует отметить, что основной жанровый принцип романа свойственен и повести, и многим рассказам и новеллам нового времени, что дает основание все эти жанры объединять в общем понятии “романной литературы”»¹²². В индийском литературоведении, однако, романы («большие» и «маленькие») рассматриваются всегда отдельно от рассказов, и мы здесь будем следовать этой традиции.

Так или иначе, несмотря на множество «белых пятен» и спорных проблем, к истории становления романа в Индии приложимы слова К.Р. Шриниваса Айангара (из его введения к книге «Роман в современной Индии»): «Хотя действительно всеобъемлющая и достоверная история современной индийской литературы – дело будущего, основные ее вехи достаточно очевидны»¹²³. Там же К.Р. Шриниваса Айангар предлагает примерную схему «этапов становления» романа в Индии:

1. Переводы Библии на индийские языки (вероятно, этот «этап» можно понимать несколько шире – в смысле издания переводных и оригинальных христианских произведений).

2. Возникновение «функциональной прозы» (т. е. журналистики, учебных и административных текстов и т. д.).

3. Переводы и переложения санскритской и другой «восточной» классики.

4. Переводы и переложения западной классики, в том числе «романов».

5. Создание оригинальных романов, в различной степени подражавших европейским образцам или вдохновленных ими.

Схема Айангара может быть принята как первый, черновой набросок – но даже не столько основных «этапов» становления романа в Индии, сколько основных «направлений» этого процесса. Между «этапами», выделенными Айангаром, нет ни безусловных временных, ни абсолютных качественных рубежей. Так, например, «этапы» 2 и 5 могли сливаться воедино: некоторые из ранних индийских романов были созданы как учебники. С другой стороны, «этапы» 3 и 4 большей частью были синхронны, а в некоторых случаях «этап» 4 (переводы западной классики) предшествовал «этапу» 3 (переводы санскритской и другой «восточной» классики). Не говоря уже о том, что Библия – это тоже «западная классика», стоит заметить, что «прочая восточная классика» нередко переводилась на индийские языки с английского. Наконец, между «переводами и переложениями» и «созданием оригинальных романов» трудно провести разделительную черту. Скорее следует говорить о «триедином (three-fold) процессе переводов, подражаний и оригинального творчества»¹²⁴. Кстати, в некоторых индийских литературах, как, например, в тамильской, откровенные переложения и «адаптации» английских романов широко распространились уже после того, как были созданы весьма высокие образцы оригинальных романов.

Итак, схема Айангара упрощает картину, но намечает плодотворный путь: путь поисков «универсалий», т. е. таких моментов в истории становления индийского романа, которые были бы характерны для всех или по крайней мере для нескольких индийских литератур. Ниже мы попытаемся рассмотреть более подробно несколько таких «универсалий», уделяя внимание в первую очередь «диалектике разрыва и преемственности традиций».

Поскольку выше шла речь о «схеме периодизации», остановимся прежде всего на одном свойстве истории романа в различных индийских литературах, которое можно, по-видимому, считать своего рода «универсалией».

Большинство индийских авторов, пишущих о романе в Индии, различает как минимум два периода в его истории. Первый период или никак не характеризуется, или называется «подготовительным», «начальным» и т. д. Второй период называется временем романа «современного», «настоящего» и т. п. Граница между периодами располагается большей частью в XX в., от 1910-х до 1930-х годов, а то и позже. Устоявшихся и общепринятых точек зрения здесь нет; иногда один и тот же литературовед высказывает – в разные годы – весьма различные мнения. Но повсеместно присутствует ощущение, что в XX в. в истории романа в индийских литературах (точнее, в тех, в которых он возник еще в XIX в.) произошел некий качественный скачок, свидетельствующий о принципиально новом периоде литературного развития. В некоторых литературах такой скачок связан с каким-нибудь одним великим именем. Например, в бенгальской литературе – с именем Р. Тагора (1861–1941), а в литературах хинди и урду – с именем Премчанда (1880–1936), писавшего и издававшего свои сочинения на обоих языках.

Это очень напоминает историю русского романа XVIII–XIX вв., в которой также различают по крайней мере два принципиально различных периода. Первые оригинальные романы в России, вышедшие из-под пера Ф. Эмина (см. далее), появились в 60–70-х годах XVIII в. (т. е. примерно на сто лет раньше, чем в Индии). «Вторую половину XVIII и первую четверть XIX века – годы до появления “Евгения Онегина” – можно рассматривать как подготовительный период накопления сил, которые были нужны для возникновения классического русского романа»¹²⁵. При этом среди ученых нет единого мнения о степени преемственности между «подготовительным» и «классическим» периодами русского романа. Во всяком случае, авторы «Истории русского романа» «считают, что рассматривать возникновение и развитие русского романа XIX века только как преемственное продолжение романа XVIII века было бы неправильным: после событий 1825–1826 годов и создания “Евгения

Онегина” русский роман начал свой исторический путь как качественно новое общественное и художественное явление»¹²⁶.

И в Индии, и в России один из главных аспектов перехода от «подготовительного» к «современному» периоду романа заключался, очевидно, в качественно новом и более полном усвоении «мировых (т. е. европейских) стандартов» романа и в создании на основе этих «стандартов» художественных ценностей, обогативших (или способных обогатить) не только «свою», но и «мировую» литературу [45].

Для читателя и ценителя литературы «современный» период индийского романа, как и «классический» период русского романа, несомненно представляет больший интерес, чем периоды «подготовительные», «ученические». Но для историка литературы, пожалуй, наоборот, именно эти ранние периоды более интересны, так как в них более непосредственно могут обнаруживаться «механизмы» литературного развития. В данной статье основное внимание уделено начальному, «ученическому» периоду индийского романа.

Сравнение историй романа в Индии и России можно провести и по другим, как весьма широким, так и довольно частным направлениям. Прежде всего, и в России до Петра, и в Индии до XIX в. не было жанра романа (в современном смысле). Роман в обеих странах появляется в результате коренных преобразований в культуре и литературе¹²⁷ [46], причем в обоих случаях литературоведы еще только приступают к изучению проблемы преемственности между жанром романа и предшествующими литературными традициями. В обеих литературах оригинальным романам предшествовали и даже сопровождали их на первых порах переводы, переложения и «адаптации» иностранных художественных произведений (в русской литературе наиболее яркий пример – творчество нашего «первого романиста» Ф.А. Эмина [47]). Некоторые еще более частные параллели между историей романа в Индии и России будут отмечены ниже.

Возвращаясь к различению двух периодов в истории романа, «подготовительного» и «современного», можно, видимо, полагать, что «диалектика разрыва и преемственности традиций» будет выглядеть по-разному в каждом из этих периодов.

В этой статье, как уже сказано, преимущественное внимание уделено первому, «подготовительному», периоду истории индийского романа.

* * *

Историю становления романа в Индии, как правило, связывают прежде всего с историей становления прозы в новых индийских языках, и это, конечно, справедливо («роман в стихах» – редкость в мировой литературе, а в Индии до сих пор его вообще не было [48]), хотя подобный подход затрагивает лишь часть проблемы – часть, может быть, довольно «внешнюю», «поверхностную».

Одним из «общих мест» в работах по индийским литературам является утверждение, что на новых индийских языках до XIX в. не было или почти не было прозы¹²⁸. И действительно, словесность, создававшаяся на этих языках до XIX в. была преимущественно, а в некоторых случаях и исключительно стихотворной. Проза, в той мере, в какой она была необходима, оставалась если не монополией, то привилегией «классических» языков – санскрита, персидского, арабского. Это было одним из аспектов «главенства» классических литератур над новыми.

Но интересно отметить, что при всем богатстве санскритской словесности и письменности проза на санскрите использовалась в основном для целей религиозно-ритуальных, философских, «научно-технических» и т. д., а объем того, что мы можем назвать «художественной прозой», сравнительно невелик. П.А. Гринцер пишет: «В классической санскритской литературе проза, как известно, занимает сравнительно небольшое место. Большинство художественных (да и не только художественных) произведений на санскритском языке, в силу определенных условий развития литературы [49], было составлено в стихах... В связи с этим санскритские прозаические жанры поневоле оказались в роли своего рода париев...»¹²⁹.

В санскритской прозе¹³⁰ можно различать два основных жанра: во-первых, так называемый «санскритский роман» и, во-вторых, так называемую «обрамленную повесть»¹³¹. Традиционная индийская «теория поэзии» рассматривала «санскритский роман» как разновидность «кавыи», т. е. «изошренной поэзии»¹³², поскольку в рамках этой теории различение метрических (стихотворных) и неметрических форм, хотя, конечно, осознавалось, но не считалось столь существенным, как в европейской традиции¹³³. «Обрамлен-

ную прозу» индийские теоретики вообще игнорировали, поскольку она относилась к разряду литературы «научной» – о «науке мирской жизни» («нити-шастра»). Среди тех памятников санскритской письменности, которые дошли до нас, «романы» весьма немногочисленны. Историки санскритской литературы называют, в основном, четыре произведения: «Похождения десяти принцев» Дандина¹³⁴, «Васавадатту» Субандху, «Харша-чариту» и «Кадамбари» Баны¹³⁵ (все три автора датируются VII в. н. э.), а об остальных упоминают вкратце как о «подражательных» и не заслуживающих особого внимания¹³⁶. «Обрамленная проза» представлена большим числом произведений, но и здесь главенствуют несколько основных: «Панчатантра» (в разных версиях), «Хитопадеша» (генетически связанная с «Панчатантрой»), «Тридцать две истории царского трона» (или «Викрама-чарита», «Жизнь Викрамы»), «Двадцать пять рассказов Веталы», «Рассказы попугая»¹³⁷.

«Санскритский роман» имеет примерно такие же основания называться романом, как и «роман античный». Английские исследователи и в этом случае употребляют, конечно, слово «*romance*». В нашем литературоведении довольно распространена точка зрения, что современный индийский роман и «санскритский роман» – это «типологически... два совершенно самостоятельных жанра, объединяемых лишь из-за недостаточно четкого употребления самого термина “роман”»¹³⁸.

«Обрамленная проза» – явление сложное и многообразное, отнюдь не полностью изученное во всех своих разновидностях, но приложение к ней слова «роман» (как, например, у И.С. Брагинского¹³⁹) – это несомненный случай «ретроспективной метафоры», причем мало оправданной. Ведь даже в истории европейской литературы произведения типа «Декамерона» (ближайшего аналога индийской «обрамленной прозы») все-таки не называют романами. А индийская «обрамленная проза» имеет еще меньше права называться «романом» хотя бы потому, что в ней, в отличие, например, от «Декамерона», весьма силен фольклорно-сказочный, фантастический элемент.

Здесь мы подошли к очень важному вопросу. «Теория литературы» еще не способна объять – действительно, без натяжек и рискованных «метафор» – всю «мировую литературу» в целом. Не подго-

товлено еще «исходное сырье» для выработки такого теоретического «продукта», да и «технология» тоже еще не разработана должным образом (впрочем, ведь и «технология» во многом зависит от «сырья»). Наша «теория литературы» сложилась внутри европейской культуры, но вряд ли можно утверждать, что в рамках этой «теории» удовлетворительно осмыслена даже сама европейская литературная традиция. Это видно, в частности, на спорах о «жанре романа».

Не углубляясь далее в теоретические дебри, отметим, однако, что при всех различиях между «санскритским романом» и «обрамленной прозой», с одной стороны, и современным индийским романом, с другой, между этими явлениями обнаруживается и некоторая преемственная связь, о которой пойдет речь ниже.

Обращаясь к другому «классическому комплексу», арабско-персидскому, можно сказать, что и в нем преобладала стихотворная художественная стихия, а проза была чаще не собственно художественной (теологические, исторические, «научно-технические» и т. д. сочинения). В плане последующей истории романа следует отметить, однако, существование в этом комплексе богатой сказочно-повествовательной традиции, типологически и генетически связанной с традицией индийской «обрамленной прозы». Наиболее известный образец этой сказочно-повествовательной словесности – сборник «Тысяча и одна ночь».

Сделаем еще одно замечание общего порядка. Как собственно древнеиндийскому, так и мусульманскому «классическому литературному комплексу» была свойственна ориентация на весьма «нормативную поэтику». Последней по времени яркой попыткой втиснуть европейскую литературу в тиски «нормативной поэтики» был, по-видимому, классицизм. И в этой связи любопытно отметить, что классицизм, в частности французский или русский, очень мало внимания уделял прозе¹⁴⁰. Историки отмечают, что эпоха классицизма во Франции была «перерывом» в истории развития французского романа. Точно так же теоретики «русского классицизма» презирали роман, что, видимо, замедлило становление этого жанра и в России. Нельзя ли предположить, что неприязнь «нормативной поэтики» (в различных ее ипостасях) к прозе (или по крайней мере к сюжетно-повествовательной прозе) – это своего рода «универсалия» в истории литературы?

Так или иначе, теория и практика вряд ли когда-либо полностью совпадали. Приглядываясь внимательнее к истории новых индийских литератур, мы видим, что в некоторых из них кое-какая проза существовала все же и до XIX в.

В Ассаме «отец ассамской прозы» Бхаттадэв в конце XVI в. создал прозаические переложения Бхагавата-пураны и Бхагавад-гиты¹⁴¹, которые назывались соответственно «Катха-Бхагавата» и «Катха-Гита»¹⁴². С XVII в. на ассамском языке составлялись исторические хроники, так называемые буранджи (характерно, что эти хроники появились под влиянием пришлых правителей, связанных с тибето-китайской культурой)¹⁴³. В нынешнем «хиндиязычном ареале»¹⁴⁴ с XVII в. сочинялись жития вишнуитских святых на брадж¹⁴⁵. В Гуджарате джайны «создали богатую и разнообразную повествовательную литературу в прозе» на ранних формах языка гуджарати¹⁴⁶. В Пенджабе у сикхов были прозаические жизнеописания основателей сикхизма, прежде всего – гуру Нанак, написанные на диалектах языка панджаби¹⁴⁷. В Махараштре было даже несколько направлений развития прозы на маратхи: религиозные тексты секты «маханубхава», жития святых XIII–XIV вв., исторические хроники эпохи *пешве*¹⁴⁸, а также личная дипломатическая переписка¹⁴⁹.

Что касается дравидийских языков, то до XIX в. проза получила некоторое развитие на малаялам (частичный перевод «Артхашастры» предположительно XII в., переводы пуранических текстов с XVI в. и др.)¹⁵⁰ и особенно на телугу. Так, Г.В. Ситапати отмечает процветание повествовательной прозы на телугу в Мадуре при династии Наяков (1520–1736)¹⁵¹ и продолжает: «Традициям прозы, возникшим в Мадуре, последовала вся Андхра, и за полтора века, с 1700 по 1850 г., были написаны сотни книг на телугу, причем почти все на разговорном телугу...»¹⁵².

Но связь между всеми подобными явлениями «досовременной» (pre-modern) прозы и современной романной прозой на индийских языках во многих случаях весьма проблематична. Очень часто целые «пласты» этой старинной прозы были «открыты» лишь в XIX–XX вв. в результате трансформации литературного сознания [51]. Например, древнейшие образцы маратхской прозы, принадлежащие секте «маханубхава», «стали известны историкам литературы» лишь

в начале XX в.¹⁵³. Вот еще характерный отрывок из статьи по истории литературы малаялам: «Большое количество прозаических произведений... (на языке малаялам. – С.С.) хранится в отделе восточных рукописей библиотеки в Мадрасе и в университетской библиотеке рукописей в Тривандруме. Темы их – религия, философия, история, арифметика, медицина и астрология. Некоторые из них были недавно опубликованы... Эти рукописи еще ждут своего внимательного исследователя»¹⁵⁴.

В плане нашей темы важно отметить, что до XIX в. на новых индийских языках, насколько известно, не засвидетельствовано переводов «санскритских романов» и отмечены единичные случаи переводов или создания оригинальных «обрамленных повестей» (лишь с XIX в. и «санскритские романы», и особенно «обрамленные повести» начали перелagаться на новые языки – по ходу общего «открытия древности»). Так, среди сравнительно «богатой» прозаической литературы на маратхи, созданной до XIX в., нашлась лишь одна-единственная прозаическая версия «Панчатантры»¹⁵⁵. Еще более красноречив случай из истории литературы ория. Баджанатха Бададжена (XVIII в.), служивший придворным поэтом при нескольких раджах Ориссы, оставил потомству сочинение в жанре «обрамленной прозы» под названием «Чатур-винода» («Четыре забавы»), «единственное во всей старой литературе ория оригинальное, цельное и завершенное прозаическое произведение»¹⁵⁶. В 1962 г. ориисский литератор М. Мансинха писал: «Не только для своего времени, но и во всей литературе ория, Баджанатха Бададжена – уникален. Всего лишь десять лет назад этого оригинального творца даже литературные критики Ориссы или вообще игнорировали, или отзывались о нем пренебрежительно – а широкая публика и подавно. Только со сменой литературных воззрений за последние годы Бададжену стали постепенно признавать самым современным из всех авторов старой литературы Ориссы»¹⁵⁷.

Может быть, одной из причин забвения «Четырех забав» в современной Ориссе было то, что это произведение, по свидетельству Мансинха, наполнено эротикой (что вполне в духе индийских традиций), а в британское время среди образованных индийцев распространилась викторианская мораль – и это, между прочим, один из немаловажных моментов «разрыва» традиции.

Обзор «досовременной» прозы на индийских языках позволяет сделать весьма существенный вывод: наличие или отсутствие прозы как таковой, большее или меньшее ее наличие в том или ином языке до XIX в. (и вообще до возникновения жанра романа) никак не отражается на скорости и/или легкости становления романа в соответствующей литературе и на дальнейших его успехах. Более того, история сама дает нам по крайней мере один обратный пример: на бенгальском языке до XIX в. практически вообще не было прозы (до сих пор удалось обнаружить лишь образцы сугубо деловых записей¹⁵⁸), тем не менее, начав в XIX в. «с нуля», бенгальская проза добилась чуть ли не наибольших во всей Индии успехов, а бенгальский роман, по общему признанию, уже в том же XIX в. «лидировал» также во всеиндийском масштабе и оказывал влияние на становление этого жанра в других литературах.

Как объяснить такой «парадокс»? Оставаясь в пределах литературоведения как такового, пользуясь «чисто литературоведческими» терминами и понятиями, никакого серьезного объяснения здесь дать невозможно.

Это снова возвращает нас к проблемам методологии и заставляет еще раз вспомнить об условности, неполноте и недостаточности «чисто литературоведческого» подхода к истории «литературы». Описание истории литературы в терминах абстрактного «литературного процесса» может быть принято лишь как «научная метафора», допустимая только в определенных условиях. И здесь, как и в других случаях, следует остерегаться превращения «метафоры» в «метафизику». Поучительно вспомнить в этой связи пример Гегеля, который описывал историю человеческой культуры (как она была известна в его время) с помощью поэтической метафоры «самодвижения мирового духа» [52]. Метафора эта, тесно связанная с немецкой языковой и поэтической стихией, позже вызывала много недоумений и недоразумений, особенно в иноязычных и инокультурных средах.

Здесь нелишне еще раз подчеркнуть, что не только естественные, но и гуманитарные науки в их «современном» виде (различные «-ведения» и «-знания») сложились внутри европейской культуры и были – сознательно или бессознательно – «подогнаны» к особен-

ностям именно этой культуры. Механическое приложение европейских гуманитарных, общественных наук к неевропейским реальностям некорректно и непродуктивно.

Приведем один, быть может, наиболее известный пример. В Европе сложилась развитая экономическая наука, изучающая «экономические процессы», происходящие в обществе. В самой Европе и других странах европейской культуры с помощью этой науки удавалось в той или иной степени разбираться в «экономических процессах», предсказывать и регулировать их (хотя далеко не всегда успешно). Но когда в XX в., особенно после Второй мировой войны, с помощью все той же европейской «экономической науки» попытались проанализировать и разрешить проблему «неразвитости» неевропейских стран, результаты были плачевными: «наука» «не сработала», ее аналитическая и предсказывающая сила оказалась еще меньшей, чем в Европе. И дело было в том, что любая теория «экономического процесса», исходившая из европейского материала, осознанно или неосознанно подразумевала наличие некоторых условий, специфических для Европы, но принимавшихся как само собой разумеющиеся и поэтому не учитывавшихся в рамках теории (речь идет об определенной степени однородности общества; определенных ценностных установках, принимаемых всеми членами общества; определенных нормах общественного порядка и законности и т. д.). Теперь стало ясно, что «экономическая наука», желающая быть пригодной для неевропейских культур, должна как бы «заново» проработать все «эмпирическое сырье», чтобы решить, какие именно аспекты реальности и каким образом следует учитывать в рамках теории [53]. По сути дела, любая научная дисциплина, в большей или меньшей степени имеющая отношение к «человеческому фактору», сталкивается с подобными проблемами¹⁵⁹.

Точно так же понятие «литературный процесс» выработано в Европе [54], в основном применительно к новоевропейской культуре, и предполагает некоторые специфические данности этой культуры (политические, социальные, языковые и т. п.), которые как бы «выносятся за скобки» при «чисто литературоведческом» подходе. Но когда мы обращаемся к неевропейскому материалу, то заранее не ясно, что именно допустимо «вынести за скобки».

Иными словами, индология, как и востоковедение в целом (и как вообще любое «ведение» неевропейских культур), все еще остается и должна оставаться наукой «комплексной», так как расчленение этой науки на отдельные «-ведения» по европейскому образцу накладывает слишком большие искажения на результаты исследований. Индолог-литературовед не может себе позволить роскошь пребывать в абстрактных сферах «литературного процесса». Он должен на каждом шагу проверять свои наблюдения и выводы, оглядываясь на изучаемую культуру в целом; он должен все время увязывать рассмотрение конкретных текстов с рассмотрением их контекстов – общекультурных, социальных, даже политических и географических [55].

Пожалуй, главное, что должен учитывать индолог-литературовед, – это высокая степень раздробленности, «парцеллярности» индийской культуры и литературы, сохраняющаяся во многих отношениях по сей день. При описании, например, русской литературы или какой-нибудь другой из европейских литератур обычно принимается как сама собой разумеющаяся модель «единого потока», т. е. все произведения данной литературы рассматриваются как взаимосвязанные, включенные в одну историко-литературную последовательность. Во многих случаях такой подход неадекватен и европейским литературам [56], но в Индии его следует применять еще с большей осторожностью. Здесь мы никогда не можем быть уверены, что два явления (культуры, литературы и т. д.), которые, исходя из европейских понятий, «должны быть» связаны между собой, действительно связаны (или связаны так, как мы полагаем) в реальном пространственно-временном континууме. Мы не можем быть в этом уверены, пока не получим несомненное, «документальное» подтверждение.

Так, мы часто не имеем права утверждать, что один круг текстов был известен создателям другого круга текстов, даже если те и другие созданы на одном языке¹⁶⁰. Некоторые случаи «разрывов во времени» внутри одного языка уже упоминались выше.

В XIX в. мы можем наблюдать любопытные «разрывы в пространстве». В это время зоны распространения нескольких индийских языков оказались разделены между различными административно-

политическими единицами (провинциями Британской Индии и/или индийскими княжествами), и судьба словесности на этих языках могла складываться по-разному в этих разных областях. Например, зона языка малаялам была поделена между двумя княжествами (Траванкор и Кочин) и дистриктом Малабар Мадрасского президентства Британской Индии; зона языка каннада – между княжеством Майсур и двумя британскими провинциями и т. д. Во всех подобных случаях проблема взаимосвязей между отдельными «потокami» соответствующих литератур требует специального рассмотрения.

Другим разделяющим фактором могла быть религия. Так, в Бенгалии в XIX в. литературное творчество бенгальцев-индусов и бенгальцев-мусульман протекало во многом отдельно. То, что мы сейчас называем «новой бенгальской литературой», было создано в основном литераторами-индусами и изучено литературоведами-индусами. Поэтому не удивительно, что сочинения бенгальских мусульманских авторов XIX в. пока что почти не включены в научный оборот. В той же Бенгалии вишнуиты по крайней мере с середины XIX в. начали печатать типографским способом свои старинные поэтические тексты. Но даже в таком книгопечатном виде эти тексты «Может быть, наиболее известный пример подобного рода – история новых литератур хинди и урду. Обе литературы были созданы в основном в одних географических пределах Северной Индии, созданы людьми, которые между собой могли изъясняться на одном и том же разговорном языке, общей основе литературных языков хинди и урду, и тем не менее это две разные литературы, проблема взаимосвязей между которыми до сих пор еще научно даже не поставлена, так как она слишком болезненна в политическом отношении¹⁶¹.

Завершим это рассуждение еще одним интересным примером – из истории литературы ория. Англичане утвердили свою власть в Ориссе в 1803 г. Однако литература ория еще долгие годы развивалась традиционными путями, и в XIX в. творили два великих поэта-вишнуита, Гопалкрушна (ум. в 1862 г.) и Кависурья Баладева (1789–1845), а также своеобразный поэт-проповедник Бхима Бхой (ум. в 1895 г.). В стихах последнего упоминаются христианские миссионеры, двое первых служили в английской администрации.

«Однако, – как пишет М. Мансинха, – несмотря на то, что расцвет этих трех великих сынов средневековья – Гопалкрушны, Баладевы и Бхимы Бхоя – приходился на тот период, когда английское владычество над Индией было в апогее, они совершенно не знали английского языка и западная культура ни в какой степени их не коснулась... Хронологически эти авторы жили уже в новое время, но в художественном и духовном отношении они принадлежали средневековью. В то же время, задолго до того, как старая гвардия сошла со сцены, неведомые ей основоположники современной литературы ория¹⁶² уже громко заявили о своем существовании. Оба типа писателей жили почти в одно и то же время, однако никогда не встречались и не знали друг друга лично»¹⁶³.

Нам трудно было бы представить себе такую ситуацию, при которой, скажем, протопоп Аввакум или Симеон Полоцкий творили бы в одно время с Ломоносовым или Сумароковым, не зная друг о друге, а в Индии, как показывает пример литературы ория, нечто подобное могло происходить в XIX в., в пределах одного языка и одной географической области¹⁶⁴.

* * *

Как уже сказано, становление романа было одним из аспектов коренных социально-культурных сдвигов, произошедших и происходящих в Индии в XIX–XX вв. Особенности становления романа в различных индийских литературах обусловлены спецификой политической, социальной и культурной истории соответствующих областей субконтинента. Можно выделить несколько факторов, коррелирующих со временем появления и интенсивностью развития романа в той или иной литературе. Наиболее очевидным и легко устанавливаемым фактором является утверждение британской власти и интенсификация контактов с английской культурой и литературой. Так, два «самых первых романа» на индийских языках – «Баловень богатого дома» П. Митро (в журнале – в 1855–1857 гг., отдельной книгой – в 1858 г.)¹⁶⁵ и «Путешествие Ямуны» Баба Падманаджи (1857 г.) – появились соответственно в Калькутте (на бенгальском языке) и в Бомбее (на маратхи), т. е. в двух важнейших центрах британской власти. Следующий по времени «первый (в своей

литературе) роман» появился в Гуджарате, области, также тесно связанной с Бомбеем. Это «Каран Гхело» (1866 г.) Нандашанкара Мехты (ум. 1905), «исторический роман» о завоевании Гуджарата мусульманами в XIII в. [57]. Затем был написан «первый роман» на языке урду, основные носители которого, североиндийские мусульмане, к этому времени также вошли в тесный контакт с британцами. Это «Зеркало невесты» Назира Ахмада (1869) (о нем речь пойдет особо). С другой стороны, в Пенджабе и Синде, которые попали под британскую власть в 1840-х годах, первые романы появились только в 1890-х. При еще более пристальном анализе выясняется, например, что первые романы на языках малаялам и каннада были созданы в тех районах распространения этих языков, которые входили в провинции Британской Индии, в то время как в соседних индийских княжествах литература на тех же языках развивалась более традиционными путями.

Однако в истории становления романа не менее важным оказывается и другой фактор, который, однако, труднее «ухватить» и измерить. Его можно назвать «фактором социально-культурной традиционности». Действие данного фактора тормозило возникновение и развитие романа. Так, например, хотя тамилы вошли в контакт с европейцами значительно раньше бенгальцев и Мадрас, как Калькутта и Бомбей, довольно рано стал важным центром британской власти, первый роман на тамильском языке появился позже, чем на бенгали и маратхи, и даже в XX в. развитие романа в тамильской литературе было более затрудненным, чем в литературах бенгальской или маратхской¹⁶⁶. Исследователи объясняют это большей традиционностью тамильского общества. Примерно то же можно сказать про литературу и общество Ориссы. Хотя, как уже говорилось, англичане пришли в Ориссу в 1803 г., первые романы на языке ория, принадлежащие перу «отца современной литературы ория» Ф. Сенапати (1847–1918), появились лишь через сто лет – в начале XX в., но и позже роман на ория еще долго не получал значительного развития¹⁶⁷.

Выше было высказано предположение, что история романа в Европе может служить «парадигмой» истории европейской культуры. Как видим, история романа в различных индийских литературах

также может быть своего рода «парадигмой» и «индикатором» развития соответствующих «региональных» культур субконтинента.

* * *

Одной из «универсалий» истории прозы и «предыстории» романа в индийских литературах следует считать деятельность христианских миссионеров и их индийских сотрудников. Разновидностью этой «универсалии», хотя, быть может, менее универсальной и менее значимой, была литературная деятельность английских администраторов – также с индийскими сотрудниками. Такое сотрудничество – как бы конкретное человеческое проявление «диалектики разрыва и преемственности традиций».

Для развития многих современных индийских литератур, особенно «малых», значение миссионерской деятельности исключительно велико¹⁶⁸. На большинстве индийских языков именно миссионеры ввели и утвердили книгопечатание, выпустили первопечатные книги (естественно, переводы Библии или другие христианские тексты). Одной из любопытных «универсалий» в истории индийских литератур является почти повсеместный перевод на индийские языки книги Дж. Беньяна «Путь пилигрима» [58]. Переводили (или пересказывали) эту книгу или сами миссионеры, или индийцы, обращенные в христианство. На тамильский язык «Путь пилигрима» переложен по крайней мере дважды: в 1793 г.¹⁶⁹ и в XIX в.¹⁷⁰ Р.С. Мугали называет перевод «Пути пилигрима» на каннада, опубликованный миссионером в 1847 г., «первым романом» на этом языке¹⁷¹. На ассамском языке «Путь пилигрима» опубликован миссионером в 1848 г. (по другим данным – в 1851–1853 гг.), и, как пишет П. Госвами, тем самым был создан «образец для романа»¹⁷². Здесь же можно заметить, что по крайней мере в двух литературах первые романы были созданы индийцами, обращенными в христианство: это уже упомянутый первый роман на маратхи «Путешествие Ямуны» (1857 г., автор – Баба Падманаджи)¹⁷³ и первый роман на тамильском «Жизнь Пратапа Мудалияра» (1879 г., автор – Сэмюэл Веданаягам Пиллаи, 1826–1889)¹⁷⁴. В ассамской литературе один из самых первых романов, «Жизнь Каминиканта» («Каминикантар чаритра», 1877 г.), написан миссионером А.К. Гурни (A.K. Gurney)¹⁷⁵.

Сейчас нам зачастую трудно судить, как связан ранний, «миссионерский» этап в развитии прозы на том или ином языке с последующим ее развитием и становлением романа. Но во многих случаях известно другое: миссионеры (или британские «администраторы»), закладывая начала прозы на том или ином языке или способствуя закладыванию таких начал, могли ничего или почти ничего не знать о предшествующей литературной традиции на данном языке. Что еще более странно (и/или показательно), индийские сотрудники миссионеров и администраторов иногда также не ведали о «своих собственных» традициях.

Например, К. Дешпанде так пишет о Махараштре в первые десятилетия после установления британской власти в 1818 г.: «Общество находилось в состоянии полного распада вследствие жестоких войн, продолжавшихся почти полстолетия. Традиции были потеряны, большинство литературных потоков высохло. Когда первые британские администраторы, проводившие политику покровительства культуре, начали поощрять ученые и литературные усилия, они, как и большинство самих маратхов, думали, что в Махараштре до тех пор вряд ли была какая-нибудь литература»¹⁷⁶. В последующие годы совместными усилиями британцев и маратхов были созданы словари и грамматики языка маратхи, появилась переводная литература в прозе. О языке этой прозы К. Дешпанде пишет: «Безусловно, это была несколько видоизмененная версия маратхи, оторванного от богатейшего наследия старины. Фактически не было никакой преемственности. Англичане работали, будучи уверены в том, что именно они впервые разрабатывают систематическую базу для малоразвитого языка, а носители языка чувствовали себя еще слишком приниженными, чтобы помнить о культурном наследии своего народа»¹⁷⁷.

Вряд ли дело было именно в «приниженности» маратхов. Вспомним снова А.С. Пушкина, который отнюдь не был «принижен» в национально-культурном отношении, но действительно не знал русской словесности до XVIII в. Так или иначе, в маратхском литературоведении утвердился термин «английская аватара» (т. е. воплощение) для обозначения определенного периода в истории маратхского языка и литературы¹⁷⁸, границы которого установлены датами 1818–1874¹⁷⁹. По-видимому, в большей или меньшей

степени многие индийские языки прошли через подобную стадию «английской аватары»¹⁸⁰. Русская словесность нечто подобное пережила в петровскую эпоху, когда в язык – и устный, и письменный – хлынул поток западноевропейских «варваризмов». С тех пор, как известно, русский литературный язык прошел через несколько реформ, связанных с именами Ломоносова, Карамзина, Пушкина и др. Индийские языки в XIX в. также вступили в полосу реформ, а в некоторых из них эти реформы не завершены еще и поныне.

* * *

Историки индийской литературы, как правило, называют «первым индийским романом» (и одновременно «первым бенгальским романом») произведение П. Митро «Баловень богатого дома», появившееся в Калькутте во второй половине 1850-х годов. Появление «первого индийского романа» именно в Калькутте столь же не случайно, как появление первых русских романов в Петербурге.

Калькутта, как и Петербург, стоит близ устья реки (Ганги), связывающей глубины материка и просторы океана. Петербург был основан в стремлении «прорубить окно» из России в Западную Европу. Калькутта выросла вследствие стремления англичан «прорубить окно» в Индию. (В обоих случаях политико-экономические соображения привели к выбору места, малоудачного с точки зрения климата: жалобы на дурной климат Калькутты – столь же «общее место» в истории Индии, как жалобы на климат Петербурга – в России.) В XVII–XVIII веках в дельте Ганги были созданы различные европейские фактории: португальская, голландская, датская, французская, австрийская и английская. Последняя была основана в 1690-е годы рядом с небольшими рыбацкими деревушками. Но не прошло и ста лет, как этот «юный град» стал в 1773 г. столицей британских владений в Индии¹⁸¹. В течение по крайней мере полутора веков Калькутта была важнейшим политическим, экономическим, культурным и идеологическим центром Индии. Здесь, помимо прочего, наиболее интенсивно происходили процессы столкновения европейской и индийской культур, отразившиеся и в литературе. Помимо своего общеиндийского значения, Калькутта была и остается по сей день главным центром бенгальской культуры и литера-

туры. Дж. Гхош называет XIX–XX вв. «калькуттским периодом» в истории бенгальской литературы¹⁸². В некотором смысле можно говорить даже о «калькуттском периоде» индийской истории, т. е. о том времени, когда Калькутта была центром и олицетворением британской власти в Индии. «Калькуттский период» (как и «петербургский период» в русской истории) кончился примерно в конце первой четверти XX в., когда столица была «возвращена» в глубь материка, в старинный центр – Дели (официально это произошло в 1911 г., но процесс растянулся более чем на десятилетие).

Именно в Калькутте, как и в Петербурге, начала складываться новая интеллигенция, создавшая затем новую литературу. В частности, можно проследить параллельное формирование интеллигенции и романа. Одним из первых представителей этой новой общественной группы был Рамрам Бошу (1757–1813), автор первого оригинального прозаического произведения на бенгальском языке «Жизнь раджи Пратападитьи» («Пратападитья-чаритра», 1801 г.)¹⁸³. Показательны обстоятельства написания этой книги.

В истории индийских литератур принято начинать отсчет «нового времени» примерно с 1800 г. (подобно тому как в истории русской литературы рубеж между «древним» и «новым» периодом помещают около 1700 г.). Как всякий «рубеж», эта дата в достаточной мере условна, но именно в 1800 г. произошли два события, имевшие действительно немаловажное значение для судеб индийских литератур: открытие Колледжа Форты Уильяма в Калькутте и основание баптистской миссии в г. Серампуре, немного к северу от Калькутты.

Колледж Форты Уильяма был учрежден английским генерал-губернатором (маркизом) Ричардом Уэлсли [59] для обучения чиновников английской администрации индийским языкам и разным наукам. Этот Колледж был задуман по образцу университетов Оксфорда и Кембриджа, но вскоре стал не просто учебным заведением, а важнейшим центром (крупнейшим в мире, единственным в своем роде) изучения и развития индийских языков и литератур, важнейшим «плавильным тиглем» различных культур. Для преподавания индийских языков нужна была соответствующая, прежде всего прозаическая, литература на этих языках. Таковой не обнаружилось – и в Колледж были приглашены индийцы для ее создания. В стенах Колледжа

Форты Уильяма индийцами в сотрудничестве с европейцами были созданы первые образцы современной прозы, по крайней мере, на трех новоиндийских языках: хинди, урду и бенгали¹⁸⁴.

Миссию в Серампуре основали несколько баптистов – англичан и американцев. Среди них едва ли не ведущую роль играл англичанин Уильям Кэри (1761–1834), личность в высшей степени примечательная. Сын деревенского ткача, он сам до двадцати восьми лет был деревенским сапожником, но затем, перейдя из англиканской веры в баптизм, загорелся идеей миссионерства и в 1793 г. приехал в Калькутту, где принялся за изучение бенгальского языка и санскрита. Среди приехавших позже американцев-баптистов, был некто Уильям Уорд, печатник по профессии. Ему принадлежит честь организации типографии в Серампуре. С тех пор и на долгие годы Серампур стал крупнейшим в Азии книгоиздательским центром, выпускавшим книги на многих индийских и других восточных языках (даже на китайском). Конечно, миссионеры были в первую очередь озабочены изданием Библии и, действительно, в Серампуре издавались переводы Библии чуть ли не на все крупнейшие индийские языки, но публиковалась тут и вполне светская литература. Более того, в Серампуре были изданы, в частности, некоторые выдающиеся произведения старинной бенгальской словесности, и эти издания долгое время оставались классическими.

В конце XVIII–начале XIX в. английские власти относились к миссионерам враждебно, и именно поэтому баптистская миссия была основана не в самой Калькутте, а в Серампуре, бывшем тогда владением Дании. Но ко времени образования Колледжа Форты Уильяма У. Кэри уже приобрел столь большую известность как знаток бенгальского языка, что маркизу Уэлсли пришлось преодолеть свое презрение к плебею и «анабаптисту» и пригласить миссионера преподавать бенгали в «Восточном Оксфорде» (позже Кэри преподавал там также маратхи и санскрит). Впоследствии именно в Серампуре были изданы наиболее знаменитые публикации Колледжа.

Рамрам Бошу был одним из сотрудников Колледжа Форты Уильяма, где он работал «под начальством» Кэри. Эти двое были знакомы и прежде: Бошу преподавал Кэри бенгали и санскрит, по-

могал переводить Библию на бенгали; Кэри в свою очередь учил Бошу английскому и надеялся обратить его в христианство (что, однако, не осуществилось). Бошу являет собой пример преемственности между прежней, добританской, «интеллигенцией» и новой, сформировавшейся в британское время. Он был индус, но, что важно, не брахман, а каястха, представитель касты, которая занимала довольно низкое положение в религиозной иерархии индуизма, но добилась весьма высокого «светского статуса» в основном благодаря службе при мусульманских владах (каястхи – как бы «разночинцы», ставшие «почти дворянами» де факто). Индусы, служившие при мусульманах, учили персидский язык и вообще воспринимали многое из мусульманской культуры (что, разумеется, отчуждало их от прочих индусов). Это была именно своего рода «интеллигенция», осуществлявшая в обществе и внутри себя контакт между культурами. Бошу был одним из таких «персианизированных» индусов, и не случайно, что среди первых индийцев, установивших «литературные» контакты с европейцами, оказался представитель этой общественной группы, привыкшей к роли «переводчика» и «синтезатора». К тому же социальному типу «персианизированных индусов» принадлежат, например, и «отец современной Индии» Раммохан Рай (1772 или 1774–1833), основатель религиозно-философского (со)общества «Брахма-самадж»¹⁸⁵, и всемирно-известные семейства Тагоров¹⁸⁶ и Неру¹⁸⁷.

«Жизнь раджи Пратападитьи» («Пратападитьи-чаритра»), написанная Р. Бошу для Колледжа Форты Уильяма по поручению и при поддержке У. Кэри, была, как уже сказано, первым оригинальным прозаическим произведением на бенгальском языке. Это была своего рода «беллетризованная биография» индусского раджи Джессора (в Бенгалии), жившего в XVI–XVII вв. В качестве источников для своего труда Бошу использовал исторические сочинения на персидском языке, а также бенгальские предания. Вероятно, в какой-то мере могло сказаться знакомство Бошу и с санскритской литературой, хотя и не вполне ясно, с какой. С другой стороны, сами обстоятельства написания «Жизни раджи Пратападитьи», как и обстоятельства жизни Бошу, указывают на наличие европейской «составляющей» в его сочинении. Таким образом, на этом произ-

ведении сказалось, видимо, действие всех «составляющих» литературного «силового поля», сложившегося в Бенгалии к XIX в.: древнеиндийского и индо-мусульманского «классических комплектов», бенгальских традиций и, наконец, «европейского влияния».

Однако уже в этом, как и во многих других случаях, не всегда возможно различить, в чем сказалась одна традиция, а в чем другая. Например, историзм сочинения Р. Бошу свидетельствует о «разрыве» с господствующей в индуизме традицией «а-историзма», но трудно сказать, традиции какого именно историзма сказались здесь больше: мусульманского или западного. На подобные же сомнения наводит и слово «чаритра» («жизнь», «жизнеописание»), входящее в название труда Р. Бошу. С одной стороны, это слово как будто ведет в глубь индийских литературных традиций и заставляет вспомнить, например, «санскритский роман» Баны «Харшачарита» (нам неизвестно, однако, знал ли Бошу этот «роман» и вообще какие санскритские произведения он знал). С другой стороны, это слово указывает и в противоположную сторону: по крайней мере три из «первых романов» на индийских языках имеют в заглавии то же слово «чаритра»: «Каминикантар чаритра» (1877, на ассамском), «Пратапа-Мудалияр-чаритра» (1879, на тамильском) и «Раджашекхара-чаритра» (1870-е годы, на телугу).

В Колледже Форты Уильяма работали и другие бенгальцы. Но современный бенгальский литературовед С.К. Де считает, что наиболее значительным автором из писавших на бенгальском языке для Колледжа был сам У. Кэри¹⁸⁸. Важно отметить книгу под названием «Диалоги» (или «Беседы»), опубликованную в том же 1801 г. В соответствии с заголовком это произведение состояло из многочисленных и разнообразных диалогов между бенгальцами различных социальных слоев на широкий круг тем – от бесед о земледелии до ругани женщин на базаре. В предисловии к «Диалогам» Кэри писал, что некоторые из них написаны самими бенгальцами по его просьбе и под его наблюдением. Цель книги была учебная: дать представление о различных стилях бенгальского языка и одновременно о различных сторонах повседневной жизни бенгальцев. Но тем самым был создан важный прецедент: впервые в письменную литературу был введен живой разговорный

бенгальский язык, впервые установлен «живой контакт с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)» (М.М. Бахтин). Поэтому С.К. Де по справедливости называет Кэри предшественником и даже наставником первого бенгальского романиста П. Митро¹⁸⁹.

Между «Диалогами» Кэри и «Баловнем» Митро – отрезок времени в полстолетия. Для Индии в целом, для Бенгалии в частности и, может быть, особенно для Калькутты это было время больших социально-политических и культурных перемен, которые не охватить в рамках данной работы. Отметим лишь, что за это время в Калькутте сложился довольно многочисленный слой новой интеллигенции, состоявший в основном из индусов, в той или иной мере вошедших в контакты с британской властью и с европейской культурой. Важнейшая роль в формировании этой интеллигенции принадлежала так называемому Индусскому колледжу, основанному в 1817 г.¹⁹⁰.

Колледж назывался Индусским потому, что был организован калькуттскими индусами из высших каст для своих детей. Но преподавание там велось по английскому образцу и с некоторых пор целиком на английском языке. Это было первое высшее учебное заведение европейского типа во всей Азии. Колледж существует и поныне (в 1856 г. его переименовали в Президенси-колледж), оставаясь одним из наиболее престижных учебных учреждений в Бенгалии и Индии. В XIX в. из его стен вышло большинство ведущих деятелей бенгальской культуры, например: Дебендронатх Тагор (1817–1905), отец Р. Тагора, известный религиозный реформатор¹⁹¹; Майкл Модхушудон Дотто (1824–1872), крупнейший бенгальский поэт XIX в.; Бонкимчондро Чоттопаддхай (1838–1894), крупнейший бенгальский (и, может быть, вообще индийский) романист XIX в., и др.

В конце 1820-х годов преподавателем английской литературы и истории в Индусский колледж был назначен Генри Луис Вивиан Дерозо (1809–1831)¹⁹². Он принадлежал к той малопочитаемой в Индии социально-этнической группе людей смешанного происхождения, которых называют «англо-индийцами». Отец Дерозо был полуиндийцем-полупортугальцем (он служил в одной из английских торговых фирм в Калькутте), мать – англичанкой. Дерозо

был воспитан в протестантской вере и получил лучшее английское образование, какое тогда возможно было в Калькутте. В историю индийской литературы он вошел как «родоначальник англоязычной поэзии Индии»¹⁹³. Его короткая, но довольно насыщенная жизнь и ранняя смерть в 22 года удивительно напоминают судьбу какого-нибудь европейского поэта-романтика. И в своей поэзии Дерозии шел по стопам английских романтиков, прежде всего Байрона и Мура; кроме лирики малых форм (среди них – первые в Индии сонеты!), Дерозии написал также «байроническую» поэму на индийский сюжет: «Факир из Джангхира» (1827).

Но в истории бенгальской и индийской культуры не менее важна роль Дерозии как преподавателя в Индусском колледже. Обучая своих студентов английской литературе и истории, Дерозии открывал перед ними богатства и глубины европейской мысли, причем не ограничивался только классными занятиями, но учредил в доме одного из студентов дискуссионный клуб под названием «Академическая ассоциация». Этот клуб стал одним из самых популярных интеллектуальных центров Калькутты. На его многочасовых заседаниях обсуждались всевозможные проблемы религии, философии, общественной жизни, политики и т. д. По-видимому, любимыми философами Дерозии были Ф. Бэкон и Д. Юм, знал он несомненно и французских мыслителей эпохи Просвещения. Как вспоминал впоследствии Перичанд Митро, Дерозии «внушал своим ученикам священный долг мыслить самостоятельно, не подчиняться ни в коей мере идолам, упоминаемым Бэконом, жить и умирать за истину»¹⁹⁴. Дерозии считал Индию своей родиной, и в его английских сонетах историки находят зачатки того общеиндийского «национализма», который в полной мере проявился лишь в XX в. (сонеты «Индии, моей родной стране», «Арфа Индии» и др.)¹⁹⁵. Но по своему воспитанию и образованию Дерозии был более европейцем, чем индийцем. С индийскими культурными традициями – индусскими, мусульманскими или какими-либо иными – его мало что связывало, он смотрел на них с точки зрения европейского Просвещения и внушал эти взгляды своим студентам.

Практические последствия наставлений Дерозии возмутили и испугали индусское общество Калькутты. Студенты Индусского кол-

леджа, известные под коллективным именем «Молодая Бенгалия» (или «младобенгальцы»), публично поносили веру и обычаи отцов, демонстративно ели говядину, пили вино и пиво, третировали родной язык и переходили на английский, а во время индуских религиозных ритуалов вместо священных санскритских стихов декламировали отрывки из «Илиады» Гомера в переводе Александра Попа. Подобно Сократу в древних Афинах, Дерозио был обвинен во вредном влиянии на юношество. Родители стали забирать своих детей из Индусского колледжа, против Дерозио развернулась кампания в калькуттской прессе¹⁹⁶. В конце концов Дерозио был уволен из Индусского колледжа. В том же 1831 г. он умер от холеры¹⁹⁷.

Мало кто из «младобенгальцев» удержался на позициях свободомыслия, завещанных Дерозио. Некоторые его ученики вскоре обратились в христианство, другие позже стали видными деятелями религиозно-реформаторского общества «Брахма-самадж». Но, так или иначе, усилия Дерозио не пропали даром, и недолгие годы его работы в Индусском колледже оставили заметный след в индийской культуре. Одним из учеников Дерозио был и автор первого индийского романа – П. Митро.

Перичанд Митро (1814–1883) – потомственный калькуттец. В Калькутте поселился еще его дед, а отец там же нажил состояние игрой на бирже. Сам Митро с 1836 г. и до смерти работал в Калькуттской публичной библиотеке, состоял членом чуть ли не всех литературных и культурно-просветительских обществ Калькутты, но в то же время успешно занимался экспортно-импортным бизнесом, основал компанию «П. Митро и сыновья» и был директором многих других компаний¹⁹⁸, т. е. принадлежал к так называемой «компрадорской буржуазии». В 1850-е годы Митро начал издавать «Ежемесячный журнал», предназначенный для просвещения женщин, и именно в этом журнале в 1855–1857 гг. опубликовал первый бенгальский и индийский роман «Баловень богатого дома» («*Ālārer gharer dulāl*») [60].

Сюжет «Баловня» незамысловат и, по современным понятиям, даже наивен и схематичен. У калькуттского индуса-нувориша Бабурама-бабу – два сына: старший Мотилал и младший Рамлал. Мотилал – нечто вроде индийского Митрофанушки, неуч и шалопай.

Но этот «недоросль» успевает наделать гораздо больше зла, чем его российский собрат. Мотилал попадает в дурную компанию, чуть не разоряет родного отца, а после его смерти, став главой дома, проматывает все наследство и становится нищим. Но в конце он неожиданно раскаивается, и добрые люди, в том числе его положительный брат Рамлал, помогают ему вновь зажить богато и благополучно. В предисловии к роману сам Митро подчеркивал его назидательную цель: показать «пагубные последствия неправильного воспитания детей»¹⁹⁹. Но значение «Баловня» не исчерпывается дидактикой. Подлинная и современная «художественность» этой книги проявляется в том, что Митро почувствовал и воплотил в образах не только одну из проблем своего времени, но в известном смысле – аспект универсальной проблемы всего Нового времени, составившей содержания многих «реальных романов». В общем виде эта проблема может быть названа проблемой отрыва от традиционных ценностей, потери жизненных ориентиров, потери «почвы». Конфликт между личностью и обществом (который исследователи называют архетипом «романных тем») при этом состоит в том, что общество держится за традиционные ценности, которые личность уже не удовлетворяют, но эта личность еще не может найти для себя ценности новые – и часто кончает бессмысленным или даже самоубийственным бунтом против общества. В частности, русская литература XIX в. дала много вариаций на эту универсальную «романную» тему. В романе Митро, в образе беспутного Мотилала, несомненно, сказались воспоминания автора о его «младобенгальской» юности. Но, изобразив в неприглядном виде человека, оторвавшегося от «почвы», Митро не пощадил и саму «почву», показав многие неприглядные стороны индусского общества, прежде всего – полигамию, так называемый кулинизм²⁰⁰, бесправие женщин и др.

Проблемы соотношения «почвы», «традиций», «своего», с одной стороны, и «нового», которое часто отождествлялось с «чужим», проходят через всю историю индийского романа. (В России это противопоставление сказалось, в частности, в известных спорах между «славянофильством» и «западничеством».) Так, именно эта тема характерна для всего творчества «первого романиста урду», Назира Ахмада (1836–1912)²⁰¹, и для романов «отца современной литературы

ория» Факирмохана Сенапати (1847–1918)²⁰². Те же образы индийцев, оторванных от «почвы», мы видим и в самом первом романе классика маратхской литературы Х.Н. Апте (1864–1919), носящем характерное название «Срединное положение» («Мадхали стхити», 1886)²⁰³. Не случайно, видимо, и первый роман на хинди («Парикша – гуру», можно перевести как «Опыт – наставник», 1882; автор – Шринивас Дас, 1851–1888), как отмечают исследователи, «смоделирован» по образцу «Баловня богатого дома» [61]. Наконец, и в романе Р. Тагора «Гора» (1910), который иногда называют «первым современным романом в Индии», в центре – та же проблема конфликта культурных ценностей, но проявляющаяся уже не столько в виде антиобщественных поступков, сколько в мучительных идейных исканиях героев²⁰⁴.

Появление книги П. Митро свидетельствовало о том, что бенгальская литература и бенгальское общество уже были готовы к систематическому созданию и восприятию романа как новой формы искусства. Примерно в те же годы был издан и первый исторический роман на бенгали – «Обмен кольцами» Б. Мукхерджи, а в 1865 г. вышел в свет первый роман (также исторический) Бонкимчондро Чоттопаддхая «Дочь полководца» («Durgeya-nandino») [62]. Б. Чоттопаддхай (Чаттерджи) (1838–1894) окончательно утвердил жанр романа в бенгальской литературе и повлиял своим творчеством на становление этого жанра в нескольких других индийских литературах. В общих обзорах индийских литератур Б. Чоттопаддхая часто называют основоположником романа в Индии²⁰⁵.

* * *

Мы проследили более подробно предысторию возникновения первого индийского романа, чтобы показать, что он возник в своеобразной обстановке большого европеизированного города, во многом оторванного от местных «корней», от индийской «почвы». Саму тему этого первого романа можно интерпретировать как «отрыв от почвы»²⁰⁶. Подобным же образом и сам роман как литературная форма возник в данном случае явно не из каких-либо местных, индийских корней, но был, так сказать, тоже явлением «беспочвенным». Современный индийский литературовед С.К. Банерджи высказы-

вает мнение, что «Баловень богатого дома» написан «по образцу» «Истории Тома Джонса» Генри Филдинга²⁰⁷.

Вполне возможно, что некоторая самая общая событийная структура «Баловня» была навеяна романом Г. Филдинга. Как мы покажем ниже, различного рода переложения, адаптации и отголоски английских романов – характерное явление для индийской литературы XIX–XX вв. Но дело не столько в том, был ли у «Баловня» конкретный европейский прототип, сколько в том, что сам принцип нового литературного жанра был, без сомнения, взят из европейской традиции. Это не исключает, конечно, что в книге Митро могли сказаться и какие-то индийские литературные традиции, но вопрос этот требует специального исследования и, кажется, до сих пор даже не ставился.

Бенгалия занимает в истории «Индийского Возрождения» столь же особое, «ведущее» место, как Италия – в истории европейского Ренессанса. И историк индийской культуры и литературы часто сталкивается с проблемами, похожими на те, что встают при исследовании Ренессанса как общеевропейского явления.

Например, бывает порой трудно разделить то, что возникло в других частях Индии самостоятельно, «стихийно», в силу «общих закономерностей» [63], и то, что было результатом бенгальского влияния. Однако сам факт мощного бенгальского влияния, например, на другие индийские литературы – совершенно несомненен. Так, между прочим, общепризнанно, что роман в литературе хинди возник первоначально не в результате непосредственных контактов с европейской литературой, а через бенгальское посредничество.

Как и в случае с Европой, можно задаваться также вопросом, насколько «Бенгальское Возрождение» – типичный вариант «Индийского Возрождения» вообще и не есть ли оно в некотором роде исключение. Во всяком случае следует остерегаться экстраполирования бенгальского опыта на всю Индию (что иногда делается, так как история бенгальской культуры XIX–XX вв. лучше и шире известна и нередко «заслоняет» другие «региональные» культуры Индии). Насколько мы можем судить при нынешнем уровне знаний, та или иная степень «беспочвенности» была присуща становлению романа на всех индийских языках, но, кажется, бенгальский вариант был во многом крайним, наиболее резким.

Вероятно, у другого края шкалы находится история романа урду. В истории становления романа в литературе урду прослеживается довольно четкая преемственность между традиционной формой *дастана* и различными этапами современного романного жанра, что прекрасно показано в книге А.С. Сухочёва «От дастана к роману»²⁰⁸. Однако стоит заметить, что сами *дастаны* стали «литературой» в полном смысле слова, т. е. были записаны и изданы лишь в XIX–XX вв., иногда даже позже, чем были изданы романы, «предками» которых они являются. Более того, в самой «преемственности» между *дастанами* и романами много моментов разрыва. Дели и Лакхнау, где создавались первые романы урду, были гораздо больше связаны с традициями, чем «беспочвенная» Калькутта, но сам факт «эволюции» от *дастанов* к романам был следствием тех же причин, что вызвали появление бенгальского романа «без рода, без племени».

Назир Ахмад (1836–1912)²⁰⁹, автор первых романов на урду, субъективно отталкивался, «открещивался» от предшествующих литературных традиций, в частности, от *дастных*, но эти традиции сильно сказались в его произведениях «объективно» – вопреки его воле²¹⁰. С другой стороны, Ратаннатх Саршар (1846–1903), следующий по времени романист урду, в своей «Повести об Азаде» (1878–1880) как будто прямо и осознанно использовал традицию *дастанов*, но одновременно – и столь же осознанно – взял за образец «Дон Кихота» Сервантеса.

Преемственное соотношение между «Повестью об Азаде» и *дастанами* подобно отношению романа Сервантеса к предшествующим рыцарским романам. Как пишет А.С. Сухочёв, «если “Дон Кихот” Сервантеса “убил” рыцарский роман и утвердил новый тип романа, то “Повесть об Азаде” всем своим существом противостояла средневековым дастанам. Отталкиваясь от них, используя повествовательную технику дастанов и одновременно пародируя их, Саршар сделал уже по сути невозможным дальнейшее обращение к дастану»²¹¹.

В большей или меньшей степени, в том или ином виде собственно индийские литературные традиции, несомненно, сказались на развитии романа во всех индийских литературах, даже в бенгальской. Однако индийский роман в целом еще очень мало исследован

в том, что касается этой проблемы. Ниже мы попытаемся предложить несколько подходов к ней.

Вообще говоря, можно было бы искать преемственные связи между романом и любыми другими жанрами «досовременной» индийской литературы, поскольку известно, что предыстория любого жанра отнюдь не всегда заключается именно в подобных ему жанровых формах²¹². Но для начала естественней все же обратиться к различным повествовательным жанрам традиционной индийской словесности.

В первую очередь в этой связи вспоминается эпос – как древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», так и их многочисленные переложения с санскрита на другие языки, а также различные эпические поэмы на местные темы, например, бенгальские *мангала-кавья* (*монгол-коббо*), посвященные специфически бенгальским божествам²¹³, или раджастанские поэмы-*расо*, воспевавшие подвиги раджпутов. Преемственность с эпосом можно искать в принципах сюжетосложения романов, в их стилистике и т. д. Например, исследователи творчества Бонкимчондро Чоттопаддхая отмечают, что движение сюжета в его романах часто напоминает более поэтику *мангала-кавья* (и, можно добавить, поэтику традиционного индийского эпоса вообще), чем «стандарты» европейского «реального романа», и называют в этой связи постоянное вмешательство сверхъестественных сил в судьбы героев у Бонкима, регулярное, из романа в роман, появление святых-садху, разрешающих сюжетные узлы, как *deus ex machina*, обилие случайностей и совпадений, частые случаи «перемены обличья» и «неузнанного появления» и т. д.²¹⁴

В том же ряду можно упомянуть, например, роман Ратаннатха Саршара (на урду) «Камини», в котором развивается тема верности раджпутской жены, характерная для поэм-*расо*²¹⁵; а также длинные описания-перечисления, отмечаемые как регулярный прием в ранних маратхских романах типа *адбхут-кадамбари* (о которых речь пойдет ниже)²¹⁶.

Здесь, впрочем, мы подходим к проблеме преемственности с «санскритскими романами», и, вероятно, не всегда можно различить, где сказалась традиция эпоса, а где – «санскритского рома-

на», поскольку поэтики обоих родов словесности во многом были схожи. Как и в других случаях, обобщенные утверждения о связях «санскритского романа» с «современным индийским романом» неминуемо будут несправедливы и обманчивы, так как в отдельных индийских литературах дело обстояло весьма по-разному. Так, например, бенгальские литературоведы не находят ничего общего между «санскритским романом» и новым бенгальским романом²¹⁷, и, судя по всему, так оно и есть. Столь же мало вероятности обнаружить отголоски «санскритского романа» в романе на языке урду, связанном с мусульманской традицией. Как показал А.С. Сухочёв²¹⁸, становление романа в литературе урду можно рассматривать как своеобразное единство «отталкивания» и «преемственности» с традицией *дастан*ов. В этом смысле о связи между романом урду и «санскритским романом» можно говорить постольку, поскольку существует типологическая общность между *дастанами* и «санскритскими романами».

Но если мы обратимся к истории литературы на маратхи, то увидим, что в последней трети XIX в. там господствовали романы, создававшиеся как намеренное продолжение традиций «санскритского романа». Подобные романы назывались на маратхи *адбхут-кадамбари*, т. е. как бы «романы чудес»²¹⁹. Первой книгой такого рода была «Муктамала» (1861 г.) Л.М. Халбе (1831–1905). Действие в этом романе происходит в (индийском) прошлом, но не в какие-либо определенные века или годы, а в «прошлом вообще». Герои четко поделены на «хороших» и «плохих», но все принадлежат к высшим слоям общества (раджи, министры и т. д.); сюжет движется в основном происками «главного злодея», пытающегося лишиться наследства «главную положительную героиню» Муктамалу. После различных приключений и счастливых совпадений добро торжествует, а зло наказуется. Сам автор «Муктамалы» утверждал, будто «написал эту историю, чтобы четко донести до читателя ту истину, что люди, руководствующиеся нравственными принципами, которые согласуются с волей бога, всегда обретают счастье, какие бы трудности на них не обрушились»²²⁰.

Конечно, в *адбхут-кадамбари* сказалось и новое время²²¹. Так, по наблюдениям В. Ламшукова, в них совершенно нет вмешатель-

ства божественных сил в дела героев²²². Ламшуков даже считает, что *адбхут-кадамбари* были (или со временем стали) своего рода «просветительскими романами» в «чудесной», «авантюрно-приключенческой» упаковке²²³. Такое истолкование «прагматики» *адбхут-кадамбари*, наверное, может быть оспорено, но, во всяком случае, бесспорно, что в их сюжетостроении главный стержень – приключенческий. Столь же бесспорна их непосредственная связь с «санскритским романом»: авторы *адбхут-кадамбари* были людьми традиционно образованными и сознательно обращались к «санскритским романам» как к образцам для подражания²²⁴. Что же касается преемственности с иными литературными традициями, то *адбхут-кадамбари*, вероятно, связаны также и с арабско-персидскими сказочно-повествовательными произведениями (типа «1001 ночи» и тех же *дастанов*), которые в большом числе переводились на маратхи в XIX в.²²⁵

Традиционность *адбхут-кадамбари* заключается не только в их генетической связи с предшествующими повествовательными жанрами, но также и в том, что произведения этого жанра обнаруживают между собой такую степень единообразия, которая характерна именно для «традиционной» литературы. Как пишет И. Резайд, «этот жанр был поразительно однороден; сюжеты, характеры и описательные интермедии кажутся в них легко взаимозаменяемыми»²²⁶. Уже в 1879 г. автор-маратх, пытавшийся возродить жанр социально-бытового романа, не получивший заметного продолжения после «Путешествия Ямуны» Б. Падманаджи, писал в предисловии к своей книге: «Все романы, изданные на нашем языке, за очень немногими исключениями, наполнены одними и теми же ситуациями, событиями и героями. Герои и героини – это всегда принцы и принцессы или по крайней мере обладатели невероятных богатств. Их богатство – это богатство Куберы, их красота – подобна красоте Маданы и Рати..., по сравнению с их любовью любовь Рамы и Ситы – ничто...»²²⁶.

Интересно, что в соседней гуджаратской литературе связь между «новым» и «санскритским» романом если и существует, то скрыта глубже. Современный гуджаратский литературовед А. Раваль решительно утверждает: «Ни “Каран Гхело”, ни многочисленные

прозаические произведения, появившиеся вслед за ним, не следовали традиции санскритских романов вроде “Васавадатты” и “Кадамбари”... В своей форме и технике новые произведения следовали западным образцам»²²⁸.

Под перекрестным воздействием санскритской и арабско-персидской традиций, а также под непосредственным влиянием *дастанов* урду и, может быть, маратхских *адбхут-кадамбари*, возник своеобразный жанр фантастического и приключенческого романа на хинди, начало которому было положено книгой Д. Кхатри «Чандраканта» (1892). В этом и других подобных романах действуют маги и волшебники, они полны тайн и невероятных событий²²⁹. Кажется, никому из литературоведов еще не приходило в голову искать в этих романах какой-либо скрытый назидательный смысл. Этот жанр владел читающей на хинди публикой вплоть до эпохи Премчанда, а то и позже. К 1936 г., когда умер Премчанд, «Чандраканта» выдержала двадцать изданий. Многие индийцы специально выучивали хинди, чтобы прочитать этот роман²³⁰. В начале XX в. «Чандраканта» был переведен на язык синдхи и породил в литературе синдхи множество подражаний²³¹. Вот сколь многообразны были взаимодействия и взаимосвязи между различными «составляющими» литературного «силового поля» и между различными языками Индии в XIX–XX вв.!

Наконец, говоря о повествовательных «предтечах» современного индийского романа, нельзя обойти молчанием и «обрамленную прозу». Разумеется, в данном случае не приходится говорить об «эволюционной преемственности», даже в таком специфическом смысле, как «эволюционная преемственность» между *дастанами* и романами урду или «санскритскими романами» и *адбхут-кадамбари* в маратхи. Можно говорить, пожалуй, лишь о некоторых «отголосках», самое большее – об использовании приема «обрамления» тем или иным писателем. Характерный пример (из литературы урду) – роман Мухаммада Хади Русвы «Умрао-джан Ада» (1899, в русском переводе – «Танцовщица»)²³².

Как справедливо пишет А.С. Сухочёв, этот «роман построен по принципу обрамленной повести»²³³. «Рамка» – это встречи и беседы автора с центральной героиней, бывшей гетерой-танцовщи-

цей; «вставные рассказы» – воспоминания героини о своей жизни. «Велик соблазн сблизить формально этот роман с древнеиндийскими обрамленными повестями, – пишет далее Сухочёв, – но слишком различна роль обрамления в том и другом случае. В традиционных произведениях роль обрамления в значительной мере формализована, само обрамление не несет большой смысловой нагрузки и служит лишь композиционным элементом. Для романа же Русвы – это необходимый компонент, вводящий читателя в духовную атмосферу общества, которому посвящено повествование»²³⁴.

В заключение этого раздела покажем на одном ярком примере, что возможно находить элементы преемственности между первыми современными индийскими романами и предшествующими традициями даже на уровне языка и стиля. В романе на хинди с примечательным названием «Нутан чаритра» («Новые характеры» или «Новые люди», 1893, автор – Ратначандра) так описана встреча героя и героини: «Когда он увидел, что корабль ее сознания стал тонуть в безбрежном океане ее изумления, готовом поглотить и ее самоё, он устремился к ней на помощь со спасительной веревкой своих слов»²³⁵. И это не стилизация, а «естественный» для автора способ описания!

* * *

Проблема преемственности с собственными традициями тесно смыкается с проблемой избирательности в восприятии традиций иностранных. Индийские литературоведы обычно с гордостью пишут, что индийские авторы XIX–XX вв. воспринимали влияние таких корифеев английской литературы, как Шекспир и Мильтон, Дефо и Филдинг, Байрон и Вальтер Скотт и т. д. Однако иногда обнаруживаются факты, может быть, не столь лестные для индийского самосознания, но зато крайне интересные для историка литературы и культуры. Так, например, английские исследователи к великому своему изумлению обнаружили, что в нескольких индийских литературах весьма значительным было влияние английского романиста Дж.У.М. Рейнолдса (1814–1879). В английской литературе этот Рейнолдс занимает столь незначительное место, что даже не упоминается «Британской энциклопедией». Но в Индии, как пишет И. Резайд, «он оказал большее влияние, чем почти любой другой западный автор XIX века»²³⁶.

Правда, в разных литературах Индии значение и роль этого влияния были различны. Так, в Махараштре Рейнольдсом зачитывался и вдохновлялся такой первоклассный писатель, как Х.Н. Апте, а в Бенгалии романы «под Рейнольдса» были лишь «дешевым чтивом... для полубразованных и подростков»²³⁷. В той или иной форме влияние Рейнольдса отмечают также в тамильской литературе, в литературах хинди и урду. По-видимому, Рейнольдс в чем-то очень подошел индийской читающей публике²³⁸. Один из исследователей литературы урду, констатируя, что почти все сочинения Рейнольдса были переведены на язык урду²³⁹, объясняет это тем, что данный автор «несомненно вполне соответствовал традиции дастанов – со своим вычурным, тяжелым дидактизмом, мелодраматическими случайностями и лобовой критикой общественных пороков»²⁴⁰.

Рейнольдса, как и других зарубежных авторов, в Индии не только переводили, но – гораздо чаще – перелагали, перерабатывали, «адаптировали». Различного рода переработки и адаптации занимают видное место в становлении индийского романа (как и в ранней истории русского романа), и это явление тесно сопрягается с проблематикой «разрыва и преемственности» в истории литературы.

Многие ранние (а иногда и не слишком ранние) индийские романы связываются литературоведами с теми или иными английскими романами. Характерен в этом смысле пример первого романа на телугу. З.Н. Петруничева, специалист по литературе телугу, пишет:

«Зарождение жанра романа, происходившее в литературе телугу, как и в других литературах Индии, под непосредственным влиянием английского романа, связано с распространенным в этот период... специфическим видом литературных произведений – “переводов-переделок”. На основе сюжета определенного западного романа индийский автор создавал свое, во многом оригинальное произведение, присваивая героям индийские имена, наряжая их в восточные костюмы, перенося действие на индийскую почву и принаравливая повороты сюжета к индийским условиям. Так создана “История Раджасекхара” (“Раджасекхара-чаритра”) Кандукури Виресалингама (1848–1913)... родоначальника прозы телугу. Этот роман был написан по мотивам “Векфильдского священника” Голдсмита, но герой из деревенского священника становится брахманом, сюжет разворачивается не вокруг истории о соблазненной и покинутой дочери священника, а вокруг истории о замужестве вдовы –

характернейшего сюжета индийских просветителей. В результате этот роман, многими литературоведами Андхры аттестованный как перевод или адаптация “Векфильдского священника”..., становится настолько оригинальным, что переводится в Лондоне в 1887 г. как самостоятельное произведение под названием “Колесо фортуны”»²⁴¹.

Следует сказать, что индийские писатели часто не считали зазорным открыто признаваться в следовании тому или иному английскому образцу. Так, Назир Ахмад сам указывал, что свой второй роман, «Созвездие Большой Медведицы», он написал «по подобию» книги английского автора Томаса Дея (1748–1789) «История Сандфорда и Мертона»²⁴². Иногда речь шла не о романе в целом, а лишь об одном из образов. Так, Б. Чоттопадхай в предисловии к своему роману «Раджани» сообщал, что главная героиня этого романа, Раджани, создана по образцу героини романа Э.Дж. Бульвер-Литтона «Последние дни Помпеи» Нидии²⁴³. Интересно, что «переводам-переделкам» подвергались не только английские романы, но уже и романы на индийских языках. Например, роман на малаялам «Индулекха» (о котором – ниже), опубликованный в 1889 г., был уже на рубеже XIX–XX вв. «адаптирован» на языке телугу²⁴⁴.

В каждом конкретном случае требуется, конечно, подробный анализ, чтобы установить степень зависимости нового произведения от того, «переводом-переделкой» которого оно является, но вряд ли степень этой зависимости можно измерять с математической точностью и однозначно аранжировать (т. е. выстраивать в некий ряд «по рангу») произведения по признаку большей или меньшей «оригинальности». В конце концов, любое произведение возникает в русле какой-то традиции и так или иначе связано с предшествующими произведениями своей (или «усвоенной») традиции. «Совершенно оригинальное произведение», пожалуй, – такой же недостижимый идеал, воображаемый предел, как и «совершенно точный перевод». Если б у нас был некий способ точного измерения оригинальности текстов и мы могли бы расположить все произведения мировой литературы на одной линии между двумя названными пределами («совершенно оригинальное произведение», с одной стороны, и «совершенно точный перевод» – с другой), то трудно сказать, как расположились бы наши тексты на этой линии, к какому ее концу

тяготело бы их большинство и нашелся ли бы при этом такой «разрыв постепенности», который четко отделял бы произведения «неоригинальные» от «оригинальных»²⁴⁵.

Насколько условны границы между «переводом», «подражанием» и «оригинальным творчеством», показывает, например, история возникновения одного из первых романов на малаялам, опубликованного в 1889 г. Название романа – «Индулекха» (по имени главной героини), автор – Ойяратту Чанду Менон (1847–1899). Самый первый роман на малаялам появился в 1887 г., но он удостоивается лишь беглого упоминания историков и, очевидно, забыт читателями, как и многие другие романы тех лет [64]. Но «Индулекха» до сих пор популярна и даже «считается лучшим романом на малаялам»²⁴⁶.

Чанду Менон был чиновником британской администрации Мадраасского президентства. Его роман «Индулекха» увидел свет, как уже сказано, в 1889 г. – в городе Каликуте, столице дистрикта Малабар этого президентства, и имел знаменательный подзаголовок: «История, написанная по образцу английского романа». В предисловии к книге Чанду Менон сообщал, что с конца 1886 г. он «начал в большом количестве читать английские романы», и продолжал:

«С тех пор я посвящал чтению романов все свободное время, которое оставалось у меня после выполнения служебных обязанностей. Но вскоре я заметил, что мои друзья, с которыми до этого я имел обыкновение проводить время в беседах и развлечениях, начали думать, что я ими пренебрегаю, и поэтому я решил найти такой способ времяпрепровождения, который и удовлетворял бы моих друзей, и ни в коей мере не разлучал бы меня с моими романами. Сначала я попытался пересказывать им вкратце на малаялам сюжеты некоторых из прочитанных мною романов, но мои слушатели не проявили особого интереса к тем двум или трем книгам, которые я им пересказал. Но однажды случилось так, что один из моих друзей был весьма увлечен романом лорда Биконсфилда “Генриетта Темпл”, и приобретенный таким образом вкус к слушанию устно переводимых романов постепенно превратился в страсть... В конце концов друзья начали настаивать, чтобы я сделал письменный перевод этого романа лорда Биконсфилда, и я согласился...»²⁴⁷.

Но вскоре Чанду Менон увидел, что сделать перевод будет очень трудно, так как пришлось бы объяснять слишком много реалий английской жизни, и поэтому он решил «написать роман на малаялам

более или менее по английскому образцу»²⁴⁸ – отсюда и подзаголовок книги. Написана она была в два месяца и, по свидетельству Р. Эшера²⁴⁹, имеет весьма отдаленное сходство с романом Дизраэли, который послужил как бы исходной точкой, толчком для ее создания²⁵⁰.

Чанду Менон в полной мере сознавал, что он создает нечто новое для литературы малаялам. В письме к У. Дьюмергу, англичанину, переведшему его роман на английский язык (перевод был опубликован в Мадрасе, в 1890 г.)²⁵¹, Чанду Менон, объясняя мотивы и цели создания романа, в частности, писал, что у него было «желание увидеть, смогу ли я привить моим читателям-малаяли, не знающим в достаточной мере английский язык, вкус к тому разряду литературы, представленному на английском языке романами, о котором они пока что не имеют никакого понятия, поскольку они привыкли читать и почитать сочинения на малаялам, изобилующие событиями и случаями, чуждыми природе вещей, а зачастую абсурдными и вовсе невозможными; увидеть, смогут ли они оценить историю, содержащую только такие факты и события, которые могут случиться в их собственных семьях при определенных обстоятельствах»²⁵².

Чанду Менон избрал сюжетом для своего романа «любовную историю»²⁵³. Вкратце она может быть изложена следующим образом. Паньджу Менон, старый наяр²⁵⁴, глава «объединенной семьи» (*таравада*)²⁵⁵, решает – в соответствии с традициями – выдать свою восемнадцатилетнюю внучку Индулекху замуж за богатого брахмана средних лет по имени Намбудирипад. Однако троюродный брат Индулекхи, Мадхаван, юноша образованный (по-английски) и, следовательно, «современных взглядов» («умеренный сторонник» Индийского национального конгресса²⁵⁶) любит героиню, которая отвечает ему взаимностью. Молодые люди даже тайно помолвлены. В конце концов, преодолев ряд дополнительных препятствий, Мадхаван все же женится на Индулекхе. Косные традиции преодолены, любовь и передовые взгляды торжествуют.

Чанду Менон открыто проводил в своей книге определенные социальные идеи: критиковал брахманство, занимавшее традиционно привилегированное положение в обществе, ратовал за современное образование для женщин касты наяров и т. д. Причем эти идеи выражены не только через сюжет, но и в прямых авторских отсту-

плениях²⁵⁷. Одна из глав романа, восемнадцатая, третья с конца (и самая длинная из всех глав!) – это, по сути дела, своего рода «сократический диалог»: Мадхаван, его отец и еще один их родственник обсуждают сначала проблемы веры и атеизма, а потом – политику Индийского национального конгресса²⁵⁸ [65].

Читатели-малаяли вполне оценили книгу Чанду Менона, и с тех пор роман стал полноправным жанром в литературе малаялам, как и в других крупнейших литературах Индии.

Правда, подводя итог столетней истории романа в Индии, К.Р. Шриниваса Айангар не без горечи заметил: «Великие умы редко становятся у нас романистами... У нас еще не было ни своего Толстого, ни своего Достоевского, но они непременно появятся. Мы всегда можем говорить (вероятно, мы всегда должны говорить), что лучшие достижения – впереди»²⁵⁹.

Действительно, к столетнему юбилею русского романа в России уже в полную силу творили Толстой, Достоевский и другие корифеи, прославившие русскую литературу во всем мире, в том числе и в Индии [66], но в самой Индии роман, по общему мнению исследователей, отнюдь не стал «цветом литературы». Ни один индийский романист не приобрел своими романами мировой славы, сравнимой со славой русских классиков. Однако это уже тема для другого исследования [67].

Основная же мысль этой работы заключается в том, что, как ни рискованно делать обобщения в общеиндийском масштабе, можно все же сказать, что жанр современного романа появился в Индии не в результате «естественной» и «непрерывной» эволюции каких-либо местных жанров и традиций, а возник в результате и в ходе коренных сдвигов, произошедших в индийской культуре и литературе [68] в XIX–XX вв. Такое происхождение индийского романа не исключает однако наличия определенных преемственных связей между ним и предшествующими индийскими литературными традициями. В этих своих основных параметрах, как и в некоторых других, история романа в Индии сравнима с историей романа в России [69].

Примечания к гл. II

- ¹ Цифры в квадратных скобках отсылают к Дополнениям-2002, помещенным вслед за примечаниями (С. 165–194).
- ² Сухочёв А.С. Индийский роман. Изученность и перспективы изучения / Проблемы индийского романа. М., 1974. С. 3.
- ³ Сейчас можно было бы написать: «культур-антропологов».
- ⁴ О словах «нация» и «национальный» см. далее с. 73–74 и с. 202, примеч. 1.
- ⁵ По выражению А. Тойнби, «Индия – это целый мир сама по себе; это общество такого же масштаба, как наше Западное общество» («India is a whole world in herself; she is a society of the same magnitude as our Western society» – *Toynbee A.J. The World and the West*. L., 1953. P. 34). Ср. в несколько ином русском переводе: «Индия сама по себе – это целый мир; она представляет собой общество не меньшей величины, чем наше западное» (Тойнби А.Дж. Мир и Запад / Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. М., 1996. С. 170). Следует иметь в виду, что Тойнби употреблял слово «society» («общество») нередко почти в том же смысле, что и слово «цивилизация») [3].
- ⁶ Шри-Ланка (Цейлон) тесно примыкает к индийскому культурному миру (можно даже сказать, является его частью). В десятитомную «Историю индийской литературы», подготавливаемую коллективом европейских, американских и индийских ученых (см. далее), планируется включить и книгу, посвященную сингальской литературе. Однако в данной работе сингальская литература не рассматривается.
- ⁷ Ср. слова бывшего секретаря Литературной Академии Республики Индия, Кришны Крипалани: «Термин “индийская литература” может вводить в заблуждение, если не понимать его почти в столь же широком смысле, как “европейская литература”» (*Kripalani K. Modern Indian Literature*. Bombay, 1968. P. 12). Ср. во втором издании той же книги, вышедшей под иным названием: *Kripalani K. Literature of Modern India. A Panoramic Glimpse*. New Delhi, 1982. P. 2–3. [5].
- ⁸ См. ниже ссылку на статью С.С. Аверинцева.
- ⁹ См., например: Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит. М., 1960; Барроу Т. Санскрит / Пер. с англ. М., 1976.
- ¹⁰ См.: Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.
- ¹¹ Гимны «Ригведы» полностью перевела на русский язык Т.Я. Елизаренкова: Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова М., 1989 (Литературные памятники); Ригведа. Мандалы V–VIII / Изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова. М., 1995 (Литературные памятники); Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова. М., 1999 (Литературные памятники).

- ¹² Основные упанишады перевел на русский язык в 1960-е годы А.Я. Сыркин. См. недавнее переиздание: Упанишады / Пер. с санскрита, иссл. и коммент. А.Я. Сыркина. 2-е изд. доп. М., 2000.
- ¹³ Язык ведических гимнов во многом отличается от санскрита, см., например: *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982; *Елизаренкова Т.Я.* Язык и стиль ведийских риши. М., 1993; но позднейшие ведические тексты уже мало чем разнятся по языку от санскрита «классического». Язык «Рамаяны» и «Махабхараты» отличается от собственно санскрита тем, что не столь строго следует канонизированным грамматическим нормам (иногда говорят об «эпическом санскрите»). О «Рамаяне» и «Махабхарате» по-русски см.: *Гринцер П.А.* «Махабхарата» и «Рамаяна». М., 1970; *Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974; см. также: *Невелева С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991. К настоящему времени на русский язык переведена – петербургскими индологами – большая часть «книг» «Махабхараты». П.А. Гринцер работает над первым полным переводом «Рамаяны».
- ¹⁴ Понятие и термин «литературный комплекс» заимствованы у П.А. Гринцера. См.: *Гринцер П.А.* Древнеиндийская литература. Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973. С. 369–380 (Библиотека всемирной литературы).
- ¹⁵ См.: *Kripalani K.* Literature of Modern India. A Panoramic Glimpse. New Delhi, 1982. P. 5. В 1991-м эта цифра возросла до 49.736, хотя, разумеется, ее надо воспринимать критически.
- ¹⁶ О слове и понятии «индология» см. далее с. 205 наст. издания.
- ¹⁷ См., например: *Русанов М.А.* Поэтика средневековой махакавы. М., 2002.
- ¹⁸ См., например: *Raghavan V.* Sanskrit Literature / Contemporary Indian Literature. A Symposium. 2nd ed., rev. and enlarged. New Delhi, 1959. P. 227–229.
- ¹⁹ См., например: *Chatterji S.K.* Languages and Literatures of Modern India. Calcutta, 1963; *Зиграф Г.А.* Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960. См. теперь: *Зиграф Г.А.* Языки Южной Азии. М., 1990. В моем распоряжении были также следующие книги, содержащие общие обзоры литературных традиций на различных индийских языках: *Literatures in Modern Indian Languages. A Series of Broadcasts from All India Radio / Ed. by V.K. Gokak.* Delhi, 1957; *Contemporary Indian Literature. A Symposium. 2nd ed.* New Delhi, 1959; История индийских литератур / Под. ред. д-ра Нагандры. Пер. с англ. М., 1964 (перевод книги: *Indian Literature: Short Critical Surveys of 12 Major Indian Languages and Literatures / Ed. by Dr. Nagendra.* Agra, 1959). Критический анализ этих трех изданий см., например, в кн.: *Mukherjee S.* Towards a Literary History of India. Simla, 1975.

- ²⁰ См.: Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Язык пали. М., 1965. См. также: Norman K.R. Pāli Literature. Wiesbaden. 1983.
- ²¹ См., например: Бескровный В.М. Праkritы / Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. С. 947–949. См. также: Вертоградова В.В. Праkritы. М., 1978.
- ²² Некоторое подобие такому «движению вспять» случилось, например, и в истории литературы в Италии. После Данте и Петрарки, создавших шедевры поэзии на итальянском языке, в XV в. произошло как бы временное возвращение латыни на «командные высоты» и в прозе, и в поэзии (Поджо Браччолини, Анджело Полициано и др.).
- ²³ См. выше примеч. 19. См. также: Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание / Пер. с англ. М., 1977. Об отдельных языках см., например: Лингвистический энциклопедический словарь (далее ЛЭС). М., 1990. С. 52.
- ²⁴ См. выше примеч. 19, а также: Андронов М.С. Дравидийские языки. М., 1965.
- ²⁵ См., например: Zvelebil K.V. Tamil Literature. Wiesbaden, 1974. Теперь есть книга и на русском языке: Бычихина Л.Б., Дубянский А.М. Тамильская литература. Краткий очерк. М., 1987.
- ²⁶ См., например: Mugali R.S. History of Kannada Literature. New Delhi, 1975.
- ²⁷ См., например: Гуров Н.В., Петруничева З.Н. Литература телугу. Краткий очерк. М., 1967; Sitapati (Seethapathy) G.V. History of Telugu Literature. New Delhi, 1968.
- ²⁸ См., например: Parameswaran Nair P.K. History of Malayalam Literature / Tr. from Malayalam. New Delhi, 1967 (2nd ed. 1977); Джордж К.М. Литература малайалам. Краткий очерк / Сокр. пер. с англ. С.В. Трубниковой. М., 1972.
- ²⁹ См.: Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. М., 1968; Schimmel A. Islamic Literatures of India. Wiesbaden, 1973.
- ³⁰ См. о нем: Пригарина Н.И. Поэзия Мухаммада Икбала (1900–1924 гг.). М., 1972; Пригарина Н.И. Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М., 1978. См. также: Творчество Мухаммада Икбала: Сб. ст. М., 1982; Степанянц М.Т. Восточная философия: Вводный курс. Избранные тексты. 2-е изд. М., 2001. С. 490–506.
- ³¹ См., например: Глебов Н.В., Сухочёв А.С. Литература урду. Краткий очерк. М., 1967; Schimmel A. Classical Urdu Literature from the Beginning to Iqbal. Wiesbaden, 1975. См. также: Ali Jawad Zaidi. History of Urdu Literature. New Delhi, 1993.
- ³² См., например: Schimmel A. Sindhi Literature. Wiesbaden, 1974.
- ³³ См., например: Kachru B.B. Kashmiri Literature. Wiesbaden, 1981.

- ³⁴ См., например: *Enamul Huq*. Muslim Bengali Literature. Karachi, 1957.
- ³⁵ О слове «перестройка» см. с. 57, примеч. 66.
- ³⁶ См., например: «По мере консолидации британской власти в Индии в начале XIX в. общеиндийскую роль (the national role) языка, преодолевающего межи языков региональных (regional mother tongues), наряду с санскритом и персидским все в большей и большей степени брал на себя английский. У него был престиж языка новых правителей и почти единственного “пропуска” к государственной службе и профессиональной карьере. Более того, английский имел то историческое преимущество, что он пришел в Индию, когда санскрит и персидский уже давно исчерпали свою миссию как языки просвещения и стали всего лишь хранителями былой славы, святилищами ортодоксии» (*Kripalani K.* Literature of Modern India. New Delhi, 1982. P. 17). Ср. также: *Kachru B.* The Indianization of English. The English Language in India. Delhi, 1983.
- ³⁷ См., например: *Srinivasa Iyengar K.R.* Indo-Anglian Literature. Bombay, 1943; *Srinivasa Iyengar K.R.* Indian Writing in English. Bombay, 1962; *Калинникова Е.Я.* Англоязычная литература Индии. М., 1974. См. также: *Naik M.K.* History of Indian-English Literature. New Delhi, 1982 (Reprint: 1995); *Stilz G.* Indien (Grundlagen zur Literatur in englischer Sprache). München, 1982.
- ³⁸ См., например: *Derrett M.E.* The Modern Indian Novel in English: A Comparative Approach. Bruxelles, 1966; *Mukherjee M.* The Twice-Born Fiction. Themes and Techniques of the Indian Novel in English. New Delhi, 1971; *Steinvorth K.* The Indo-English Novel. The Impact of the West on Literature in a Developing Country. Wiesbaden, 1975. См. еще: *Ramamurti K.S.* Rise of the Indian Novel in English. New Delhi, 1987.
- ³⁹ Теория Сэпира-Уорфа, утверждающая, что структура языка во многом предопределяет структуру мышления, может быть справедлива не только для обыденного бытования языка, но и для научного его употребления. С другой стороны, проблема «языка описания» была и остается сложнейшей и важнейшей проблемой науки, особенно, может быть, наук гуманитарных. Историк или литературовед, вероятно, чаще, чем физик или химик, приходится бросать вызов известной истине: «Мысль изреченная есть ложь».
- ⁴⁰ См., например: *Неупокоева И.Г.* История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976. Эта книга – классический образец советской литературоведческой «схоластики» времен «застоя».
- ⁴¹ Цит. по: *Конелев Л.* Гёте: художественные переводы и «мировая литература». Мастерство перевода. М., 1973. С. 431. Иные переводы этой знаменитой фразы см. в изданиях: *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в

- последние годы его жизни / Пер. Е.Т. Рудневой. М.; Л., 1934. С. 348; *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1981. С. 219.
- ⁴² Там же. С. 432.
- ⁴³ См., например: *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. Сейчас эта книга, надо думать, во многом устарела, но в свое время она была, насколько я понимаю, попыткой высказать здравые мысли, не слишком «перенапрягая» «советскую парадигму».
- ⁴⁴ Сейчас бы я употребил здесь слово «цивилизация» – см. далее в тексте.
- ⁴⁵ Точнее, в том смысле, который применительно к Европе мы вкладываем теперь в русское слово «нация». О современном индийском употреблении английского слова *nation* см. в эссе «Россия и Индия» (с. 202, примеч. 1).
- ⁴⁶ См., например: *Челышев Е.П.* Литература хинди. Краткий очерк. М., 1968. См. еще: *McGregor R.S.* Hindi Literature from its Beginnings to the Nineteenth Century. Wiesbaden, 1984; *McGregor R.S.* Hindi Literature of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Wiesbaden, 1974; *Gaeffke P.* Hindi Literature in the Twentieth Century. Wiesbaden, 1978. См. также Приложение 2.
- ⁴⁷ См. выше примеч. 31.
- ⁴⁸ О соотношении языков хинди и урду см., например: *Kelkar A.R.* Studies in Hindi-Urdu. Poona, 1968.
- ⁴⁹ Сейчас бы я сказал «однолинейным», см. с. 32, примеч. 4.
- ⁵⁰ Ср.: «Между этими двумя словами нет принципиального различия: они обозначают лишь различимые степени одного и того же» (*Kroeber A.L.* A Roster of Civilizations and Culture. New York, 1962. P. 9).
- ⁵¹ Ср. «Стихи о разнице вкусов» (1928) В.В. Маяковского:
 Лошадь сказала, взглянув на верблюда:
 «Какая гигантская лошадь-ублюдок!»
 Верблюд же вскричал: «Да лошадь разве ты?
 Ты просто-напросто верблюд недоразвитый!»
 И знал лишь бог седобородый,
 что это животные разной породы.
- ⁵² См., например: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969; Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М., 1970; Универсалии и типологические исследования. М., 1974. См. также: *Николаева Т.Н.* Универсалии / ЛЭС. 1990. С. 535–536.
- ⁵³ См.: *Кожин В.В.* Литература / Краткая литературная энциклопедия (далее – КЛЭ). Т. 4. М., 1967. С. 219.
- ⁵⁴ Ср. далее в КЛЭ: «Л[итература] в точном и полном значении этого слова – сравнительно новое явление (сам термин “л[итература]” устанавли-

вается не ранее 18 в., а в России лишь в 19 в., хотя слово “литература” употреблял уже М.В. Ломоносов). ...И древность и средневековые еще не знают л[итературы] в совр[еменном] смысле – как принципиально письменного явления... С эпохи Возрождения худож[ественная] л[итература] формируется именно как иск[усств]о в собственном смысле слова и осознает себя как таковую, становится “литературой для себя”» (Там же. С. 220, 226) [17].

⁵⁵ *Аверинцев С.С.* Греческая «литература» и ближневосточная словесность» (Противостояние и встреча двух творческих принципов) / Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 208. Протестуя против того, что в данной работе названо «монолинейным» подходом к истории, С.С. Аверинцев задает риторический вопрос: «Не вернее ли сказать, что литературы древнего Ближнего востока, взятые как одно целое, и литература античной Греции, взятая опять-таки как целое, суть все же явления принципиально различного порядка, не соизмеримые между собой, не поддающиеся никакому сопоставлению в категориях “уровня” или “стадиальности” – что это не стадии одного пути, но, скорее, два разных пути, которые разошлись из одной точки в различных направлениях?» (Там же. С. 207–208). Эта статья Аверинцева переиздана в книге: *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. Приведенные цитаты см. на с. 14–15 названной книги.

⁵⁶ Там же. С. 232. (= *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 39).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См., например, статью о романе в четырнадцатом издании «Британской энциклопедии»: *Watt I. Novel* / *Enc. Britannica*. Vol. 16. Chicago, 1963. P. 571–580.

⁵⁹ *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) [1941] / *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 451. Эта мысль в несколько различных формулировках не раз появляется в данной статье Бахтина. Так, на с. 482 о романе сказано, что это «жанр, строящийся в зоне непосредственного контакта со становящейся действительностью». Подробнее см. с. 26–28 наст. издания.

⁶⁰ См., например: *Стороженко Н.* Роман / Энциклопедический словарь [Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона]. Т. 27. СПб., 1899. С. 69; *Бородин А.* Русский роман / Там же. С. 329–330.

⁶¹ Ср. : «Единой или особо распространенной дефиниции романа нет. Есть превеликое множество нередко взаимоисключающих дефиниций» (*Липатов А.В.* Формирование польского романа и европейская литература. М., 1977. С. 108). См. также с. 53–54 наст. издания.

- ⁶² См.: *Бахтин М.М. Эпос и роман / Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 467–468 и др.*
- ⁶³ См. об этом, например, в книгах: *Мелетинский Е.М. Средневековый роман. М., 1983 (С. 4, 9–27); Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986 (с. 131–139).*
- ⁶⁴ *Аверинцев С.С. Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фаза эволюции античного эпоса / Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1977. С. 212.*
- ⁶⁵ Имеются в виду слова Гегеля, назвавшего роман – «die moderne bürgerliche Eporöe» (см. выше с. 56, примеч. 29).
- ⁶⁶ См. об этом у М.М. Бахтина в той же статье «Эпос и роман» (особенно последние две страницы). Ср. выше с. 30–33.
- ⁶⁷ Ср.: «Противостояние (encounter) Мира и Запада может оказаться, при взгляде из будущего, самым важным событием в истории Нового времени» (*Toynbee A. The World and the West. L., 1953. P. v*).
- ⁶⁸ Напомню читателю, что эта работа предназначалась для «коллективного труда», т. е. сборника статей разных авторов, позже вышедшего под названием «Генезис романа в литературах Азии и Африки» (М., 1980).
- ⁶⁹ Ср.: «... [в литературах Азии и Африки] становление нового романа было связано с мощным воздействием уже развитого романа европейского, с которым восточная интеллигенция знакомилась и непосредственно на языках оригиналов, и в переводах, и в приспособленных к местным вкусам адаптациях» (*Гринцер П.А. Две эпохи романа (вводная статья) / Генезис романа в литературах Азии и Африки. М., 1980. С. 31*).
- ⁷⁰ *The Novel in Modern India / Ed. by Iqbal Bakhtiyar. Bombay, 1964.* Русское прилагательное «современный» не вполне точно передает значение слова «modern» в названии книги. По-русски «современный» можно понять как «относящийся ко времени написания и опубликования книги». Между тем под «modern» подразумевается тот период истории, который мы по-русски называем «Новое время» (вероятно, это перевод немецкого слова «die Neuzeit»). Но в русском языке нет соответствующего прилагательного («нововременной?»). Точнее (хоть менее складным) был бы перевод: «Роман в Индии Нового времени». Ср. проблемы перевода на русский язык «формулы» Гегеля о романе – «die moderne bürgerliche Eporöe» (см. с. 46, примеч. 29).
- ⁷¹ В Республике Индия принято называть «региональными» (regional) основные современные языки – в отличие от санскрита и английского, а также, в некоторых контекстах, от хинди, провозглашенного общендийским «официальным языком». Ср., например, выше, в примеч. 36, цитату из книги К. Крипалани.
- ⁷² См. выше примеч. 19 и 23.

- ⁷³ Характерно, что индийские языки перечислены в порядке английского алфавита (как и в Конституции Республики Индия).
- ⁷⁴ *The Novel in Modern India*. P. 1–2.
- ⁷⁵ Характерно, что в «Энциклопедии индийской литературы», изданной в 1990-е годы Литературной Академией Республики Индия, нет обобщающей статьи «Индийский роман», но есть отдельные статьи – общим числом 21! – о романах на разных языках. Показательно отсутствие в этом ряду статьи о романах на санскрите. См.: *Encyclopaedia of Indian Literature* / Chief editor M. Lal. Vol. 4. New Delhi, 1996 (1991). P. 2966–3004.
- ⁷⁶ В свою очередь пакистанские ученые заняты проблемами единства пакистанской литературы и ее отличия от литератур Республики Индия; бангладешские авторы расходятся во мнениях относительно того, существует ли единая бенгальская литература по обе стороны индийско-бангладешской границы или следует заботиться о собственной бангладешской самобытности, и т. д. и т. п.
- ⁷⁷ Вот характерное высказывание индийского автора на данную тему: «Индийская литература столь обширна и многообразна, что никакой индивидум не может претендовать на непосредственное знакомство с ней в полном объеме. Строго говоря, при современном состоянии наших знаний никакие сравнительные оценки невозможны» (*Mugali R.S. History of Kannada Literature*. New Delhi, 1975. P. 135).
- ⁷⁸ *Сухочёв А.С.* Индийский роман. Изученность и перспективы изучения. С. 11.
- ⁷⁹ Там же. С. 8.
- ⁸⁰ Там же. С. 9.
- ⁸¹ См. библиографию: Там же. С. 9.
- ⁸² *The Novel in Modern India* / Ed. by Iqbal Bakhtiyar. Bombay, 1964.
- ⁸³ Насколько я могу судить, это утверждение справедливо и поныне.
- ⁸⁴ См. библиографию: *Сухочёв А.С.* Индийский роман. Изученность и перспективы изучения. С. 17–18.
- ⁸⁵ *Сухочёв А.С.* От дастана к роману. Из истории художественной прозы урду XIX века. М., 1971.
- ⁸⁶ *Новикова В.А.* Бонкимчондро Чоттопаддхай. Жизнь и творчество. Л., 1969.
- ⁸⁷ *Ламиуков В.К.* Индийский просветитель и романист Х.Н. Апте. М., 1974.
- ⁸⁸ См., например: *Derrett M.E.* The Modern Indian Novel in English: A Comparative Approach. Bruxelles, 1966; *Mukherjee M.* The Twice-Born Fiction. Themes and Techniques of the Indian Novel in English. New Delhi, 1971; *Steinvorth K.* The Indo-English Novel. The Impact of the West on Literature in a Developing Country. Wiesbaden, 1975.

- ⁸⁹ The Novel in India. Its Birth and Development / Ed. and with an Introduction by T.W. Clark. L., 1970.
- ⁹⁰ См.: Сухочёв А.С. Индийский роман. Изученность и перспективы изучения. С. 11.
- ⁹¹ См., например: British Paramountcy and Indian Renaissance (The History and Culture of the Indian People. Vol. 9). Bombay, 1963; Studies in the Bengali Renaissance / Ed. by A.Ch. Gupta. Calcutta, 1958; Kopf D. British Orientalism and the Bengal Renaissance. The Dynamics of Indian Modernization. 1773–1835. Berkeley; Los Angeles, 1969; Asher R.E. The Tamil Renaissance and the Beginnings of the Tamil Novel / The Novel in India. Its Birth and Development. L., 1970.
- ⁹² По словам известного английского историка лорда Эктон (1834–1902), «плотная сеть судеб человеческих плетётся без пропех» («the dense web of the fortunes of man is woven without a void») (*Lord Acton. Lectures on Modern History*. L.; Glasgow, 1960. P. 17).
- ⁹³ Гулыга А.В. Н.И. Конрад как философ / Проблемы истории и теории мировой культуры. Сб. статей памяти академика Н.И. Конрада. М., 1974. С. 51.
- ⁹⁴ Chatterji S.K. Languages and Literatures of Modern India. Calcutta, 1963. P. 104. То же в статье: Chatterji S.K. Indian Literature / Literatures in Modern Indian Languages. A Series of Broadcasts from All India Radio / Ed. by V.K. Gokak. Delhi, 1957. P. 43.
Вот несколько подобных же высказываний индийских авторов об отдельных индийских литературах:
«Контакт с Западом и знакомство с западной литературой и культурой породили новое литературное возрождение на гуджарати» (*The Indian Literatures of Today: A Symposium* / Ed. by Bh. Kumarappa. Bombay, 1947. P. 29).
«Язык и литература малаялам претерпели революционные изменения за последний век, как и все другие литературы Индии, вследствие контакта с европейской литературой и мыслью» (*Ibid*. P. 88).
«Подобно литературам на других индийских языках, современная литература каннада возникла в результате мощного воздействия английского образования и нового образа мышления» (*Mugali R.S. History of Kannada Literature*. New Delhi, 1975. P. 97).
«Возрождение [в литературе телугу] началось под влиянием английской литературы, которую представители интеллигенции телугу изучали в университетах и колледжах в 1850–1900 гг.» (*Cumanam G.B. Литература телугу / История индийских литератур / Под ред. д-ра Нагендры. Пер. с англ. М., 1964. С. 153*).
- ⁹⁵ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 139.

- ⁹⁶ *Gokak V.K. Kannada Literature / Contemporary Indian Literature. A Symposium. 2nd ed. New Delhi, 1957. P. 101–102. Ср.: Gokak V.K. Kannada Literature / Literatures in Modern Indian Languages. A Series of Broadcasts from All India Radio / Ed. by V.K. Gokak. Delhi, 1957. P. 197–198.*
- ⁹⁷ См., например, характерные названия книг и статей: *Sen P. Western Influence in Bengali Literature. Calcutta, 1965; George K.M. Western Influence on Malayalam Language and Literature. New Delhi, 1972; Das K.B. The Impact of the West on Oriya Literature / Indian Literature. Proceedings of a Seminar. Simla, 1972; George K.M. Western Influence on Indian Literature / Ibidem.*
- ⁹⁸ См., например: *Zvelebil K.V. Tamil Literature. Wiesbaden, 1974. P. 7–50.* См. также: Стихи на пальмовых листьях. Классическая тамильская лирика / Пер. А. Наймана. Предисл. и коммент. А. Дубянского. М., 1979.
- ⁹⁹ См.: *Серебряный С.Д. Чарья-гити – поэтический жанр в литературах Индии и Центральной Азии / Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. М., 1985.*
- ¹⁰⁰ См., например: *Серебряный С.Д. Видьяпати. М., 1980. С. 15.*
- ¹⁰¹ *Пушкин А.С. [Наброски статьи о русской литературе] / Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 томах. 4-е изд. Т. 7. Критика и публицистика. Л., 1978. С. 156. Ср.: «...старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и “Слово о полку Игореве” возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» (незавершенная статья «О ничтожестве литературы русской» [1834], Там же. С. 211). В наброске Плана (ненаписанной) истории русской литературы (1835 г.) читаем: «Петр создал войско, флот, науки, законы, но не мог создать словесности, которая рождается сама собою, от своих собственных начал. Поколение, преобразованное, презрело безграмотную изустную народную словесность, и князь Кантемир, один из воспитанников Петра, в путеводители себе избрал Буало» (Там же. С. 368).*
- ¹⁰² *Белинский В.Г. Русская литература в 1843 году / Белинский В.Г. Полное собр. соч. Т. 8. М., 1955. С. 77 [43].*
- ¹⁰³ *Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы / «Изборник» (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 5–26 (Б-ка всемирной литературы. Серия первая. Т. 15). Переиздано в кн.: Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989. С. 107–127.*
- ¹⁰⁴ См., например: *Серебряный С.Д. Традиционное и новое в творчестве Рабиндраната Тагора / Художественные традиции литератур Востока и современность: ранние формы традиционализма. М., 1985. С. 117–*

143; *Серебряный С.Д.* (Рец. на кн.) *Ивбулис В.Я.* Литературно-художественное творчество Рабиндраната Тагора. Рига, 1981 / Народы Азии и Африки. 1983. № 4. С. 166–174.

¹⁰⁵ *The Novel in Modern India* / Ed. by Iqbal Bakhtiyar. Bombay, 1964. P. 1.

¹⁰⁶ Соответственно, индийские авторы, пишущие о литературах майтхили, каннада и некоторых других, прямо связывают более позднее становление романа в этих литературах с более поздним распространением английского образования (см., например: *Mishra J. Maithili* / *The Novel in Modern India*. P. 73; *Chatterji S.K.* Languages and Literatures of Modern India. p. 300).

¹⁰⁷ *Баруа Б.К.* Ассамская литература. Краткий очерк / Пер. с англ. [сокращенный]. М., 1968. С. 105.

¹⁰⁸ *Kanekar A. Marathi* / *The Novel in Modern India*. P. 93.

¹⁰⁹ *George K.M. Malayalam* / *The Novel in Modern India*. P. 82. Ср.: *Джордж К.М.* Литература малаялам. Краткий очерк / Пер. с англ. М., 1972. С. 150. Другой автор-малаяли, С. Кунхан Раджа, высказался (в конце 1940-х годов) о романе в своей литературе еще резче: «Эта литературная форма была введена в малаялам из английской литературы. Первые опыты были подражаниями английским романам, и до сих пор романы на малаялам остаются, по сути дела, не более чем подражаниями английским образцам» (*The Indian Literatures of Today: A Symposium* / Ed. by Bh. Kumarappa. Bombay, 1947. P. 98). См., однако, высокую оценку романов на малаялам, которую дает англичанин Р.Э. Эшер (*Asher R.E.* Three Novelists of Kerala / *The Novel in India*. P. 205–234).

¹¹⁰ *Murty P.S. Telugu* / *The Novel in Modern India*. P. 120.

¹¹¹ См., например: *Clark T.W.* Introduction / *The Novel in India*. L., 1970; *Derrett M.E.* The Modern Indian Novel in English: A Comparative Approach. Bruxelles, 1966. P. 13; *Steinvorth K.* The Indo-English Novel. The Impact of the West on Literature in a Developing Country. Wiesbaden, 1975. P. 28.

¹¹² *Сухочёв А.С.* От дастана к роману. С. 3.

¹¹³ *Сухочёв А.С.* К становлению романа-эпопеи в литературах Северной Индии и Пакистана / Проблемы индийского романа. С. 19.

¹¹⁴ П.К. Парамешваран Наир (р. 1903) – видный литературный критик и историк литературы на языке малаялам.

¹¹⁵ *Parameshvaran Nair P.K.* History of Malayalam Literature. New Delhi, 1967. P. 122.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Здесь уместно подчеркнуть, что традиционная раздробленность индийского общества в известной степени сохраняется до сих пор. Это создает условия для существования традиционных жанров и течений литературы наряду с «современными». Разные группы общества «производят

и потребляют» разную литературу. Объем нынешней «традиционной» литературы зависит от большей или меньшей «традиционности» той или иной части Индии. Так, например, Орисса – один из наиболее «традиционных» штатов Республики Индия, и Маядхар Мансинха писал еще в 1959 г.:

«Прошлое ... никогда не умирало в литературе ория – оно продолжает жить даже и в наше ультрамодернистское время; литературные наследники Упендрабханджа и Кависурьи Баладевы (средневековых поэтов Ориссы. – С.С.) в настоящее время не менее деятельны на литературной арене, чем Сачи Рутрой и Калинди Паниграхи (современные прозаики. – С.С.). Даже сейчас, когда я пишу эти строки, на моем столе лежат жниги – подарки от авторов из различных частей Ориссы, – написанные в стиле Упендрабхаджа, как писали более двухсот лет назад, будто совсем не было ни Шелли, ни Тагора, ни Уитмена» (Мансинха М. Литература ория / История индийских литератур. С. 556).

О Кависурье Баладэве см. также: с. 113.

¹¹⁸ На языке гуджарати роман называется или просто *nāval*, или двойным словом *nāval-kathā*, в котором первая часть – английская (= *novel*), а вторая – санскритская (слово *kathā* на санскрите обозначало различные виды повествований).

¹¹⁹ Согласно санскритско-английскому словарю М. Моньер-Уильямса (*Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary*. Oxford, 1899. P. 201), слово *upanyāsa* (приставки *upa* и *ni* – и глагольный корень *as*), засвидетельствованное в санскрите со времен «Махабхараты» и использовавшееся в ряде произведений «классической» (т. е. более поздней) санскритской литературы, имело значения: «(со)положение»; «принесение», «приношение»; «говорение», «утверждение», «упоминание»; «доказательство» и т. д.

¹²⁰ *The Novel in Modern India*. P. 50.

¹²¹ *Ibid.* P. 82.

¹²² Богданов В.А. Роман / КЛЭ. Т. 6. С. 352.

¹²³ *Srinivasa Iyengar K.R. A General Survey / The Novel in Modern India*. P. 2.

¹²⁴ *Gokak V.K. Introduction / Literatures in Modern Indian Languages*. P. 28.

¹²⁵ История русского романа. Т.1. М.; Л., 1962. С. 6.

¹²⁶ Там же. С. 23.

¹²⁷ Ср. в «Истории русского романа»: «История романа как жанра в мировой литературе свидетельствует о том, что наиболее благоприятные условия для его развития возникали в периоды крупных сдвигов, переломов, поворотов в общественном развитии» (Там же. С. 105).

¹²⁸ Например: «Проза очень редко культивировалась в большинстве новых индийских языков на ранних периодах их существования» (*Chat-*

terji S.K. Languages and Literatures of Modern India. P. 103). Правда, Ш.К. Чаттерджи тут же приводит довольно длинный список «исключений», т. е. сведений о существовании прозаических текстов на нескольких индийских языках – в основном в XVI–XVIII вв.; см. далее.

«Литературная проза практически зародилась в английский период и развилась с поразительной быстротой как основное орудие духовного возрождения и достижения политической независимости» (*Мансин-ха М. Литература ория / История индийских литератур / Под ред. д-ра Нагендры. С. 556).*

См. также: *Kripalani K. Literature of Modern India. A Panoramic Glimpse. New Delhi, 1982. P. 26–27.*

¹²⁹ *Гринцер П.А. Древнеиндийская проза. Обрамленная повесть. М., 1963. С. 3.*

¹³⁰ Точнее – в той санскритской прозе, которую мы теперь можем счесть более или менее «художественной». Была еще, например, проза комментаторская, которую в истории литературы обычно не рассматривают.

¹³¹ См.: *Гринцер П.А. Древнеиндийская проза. Обрамленная повесть. М., 1963.*

¹³² В известном смысле индийское понятие «кавья» сравнимо с нашим понятием «художественная литература» в целом. Заметим здесь же, кстати, что хотя в Индии было написано много сочинений по поэтике, содержащих тонкие наблюдения и изощренную терминологию, тем не менее не было создано ни одной сколько-нибудь цельной и всеобъемлющей теории литературы. См., например: *Mukherjee S. Towards a Literary History of India. Simla, 1975. P. 41.*

¹³³ Теперь об этом, как и о других идеях и методах традиционной индийской «теории поэзии», можно прочесть в книге: *Гринцер П.А. Основные категории классической индийской поэтики. М., 1987.*

¹³⁴ См. два русских перевода: *Дандин. Похождения десяти юношей (Древнеиндийский роман) / [Перевел с санскрита П.Г. Риттер.] Харьков, 1928; Дандин. Приключения десяти принцев / Пер. с санскрита акад. Ф.И. Щербатского. М., 1964.*

¹³⁵ См. русский перевод и исследование: *Бана. Кадамбари / Издание подготовил П.А. Гринцер. М., 1995 (Литературные памятники).* В книгу включена обширная статья, своего рода «книга в книге»: «"Кадамбари" Баны и поэтика санскритского романа».

¹³⁶ Новый подход к истории «санскритского романа» см. в книге: *Русанов М.А. Поэтика средневековой махакавы. М., 2002.*

¹³⁷ См.: *Гринцер П.А. Древнеиндийская проза. См. также: Серебряный С.Д. Видьяпати и его книга ... / Видьяпати. Испытание человека (Пуруша-парикша). М., 1999 (Литературные памятники). С. 162–175.*

- ¹³⁸ Сухочёв А.С. Индийский роман. Изученность и перспективы изучения. С. 3–4. Ср. также у П.А. Гринцера: «Санскритский роман – это не роман в европейском смысле слова. Развития действия, интриги в нем почти нет; центральное место занимают обширные и изысканные описания, которые изобилуют всевозможными тропами, риторическими фигурами, игрой слов, фразами, содержащими двойной смысл. Форма в романе часто имеет самодовлеющее значение... Санскритскому роману не были свойственны и какие-либо дидактические и познавательные цели; даже развлекательная задача понималась в нем очень узко, и читатель или слушатель романа наслаждался не богатым содержанием или искусной интригой, а прежде всего изысканным и элегантным стилем» (Гринцер П.А. Древнеиндийская проза. С. 15–16) [50]. Ср. также выше слова К.Р. Шринивасы Айангара.
- ¹³⁹ Брагинский И.С. [Роман] на Востоке / КЛЭ. Т. 6. С. 362.
- ¹⁴⁰ Ср.: «В литературной теории и творческой практике русского классицизма прозе вообще отводилось очень незначительное место... Сюжетная, повествовательная проза вообще для классицизма была за пределами собственно “литературы”» (История русского романа. Т. 1. С. 48).
- ¹⁴¹ Баруа Б.К., Госвами П. Ассамская литература / История индийских литератур. С. 493 (здесь явно по ошибке вместо Бхагавад-гиты названа поэма Джаядэвы «Гита-Говинда»); Баруа Б.К. Ассамская литература. Краткий очерк. М., 1968. С. 37. См. также: Sharma S.N. Assamese Literature. Wiesbaden, 1976. P. 62–63.
- ¹⁴² Слово «катха» (*kathā*) в данных случаях следует, по-видимому, понимать примерно как «прозаический пересказ».
- ¹⁴³ См., например: Sharma S.N. Assamese Literature. Wiesbaden, 1976. P. 66–67.
- ¹⁴⁴ О понятии «хиндиязычный ареал» см., например: Серебряный С.Д. Литературные искания эпохи Дживеди / Художественные направления в индийской литературе XX века. Поэзия хинди. М., 1977. См. также в Приложении 3 («Литература хинди»).
- ¹⁴⁵ Брэджд – один из основных литературных языков (диалектов) Северной Индии в XVI–XIX вв. С конца XIX в. оттеснен, хотя и не вполне вытеснен, современным литературным хинди. См., например: Липеровский В.П. Очерк грамматики современного брэджда. М., 1988.
- ¹⁴⁶ Chatterji S.K. Languages and Literatures of Modern India. P. 103.
- ¹⁴⁷ См., например: Хохлова Л.В., Захарьин Б.А. «Джанам сакхи» – памятник литературы раннего сикхизма / Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1991. № 4.
- ¹⁴⁸ Пешвами назывались правители маратхов в XVIII–начале XIX вв.
- ¹⁴⁹ Deushande K. Литература маратхи / История индийских литератур. С. 301–305; Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India. P. 75–76.

- ¹⁵⁰ См.: Джордж К.М. Литература малаялам / История индийских литератур. С. 272–273.
- ¹⁵¹ Сутанати Г.В. Литература телугу / История индийских литератур. С. 131.
- ¹⁵² Там же. С. 140.
- ¹⁵³ Дешипанде К. Литература маратхи / История индийских литератур. С. 289.
- ¹⁵⁴ Джордж К.М. Литература малаялам / История индийских литератур. С. 249.
- ¹⁵⁵ Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India. P. 75.
- ¹⁵⁶ Mansinha M. History of Oriya Literature. New Delhi, 1962. P. 156 («This is the one prose work in the whole of old Oriya literature that is original, planned and complete»). Г. Мишра (Mishra G. Oriya / The Novel in Modern India. P. 100), как бы перекликаясь с И.С. Брагинским, считает даже, что «Четыре забавы» можно назвать «первым романом на ория». Но, судя по имеющимся описаниям этого произведения, оно больше напоминает европейские сборники новелл эпохи Возрождения. Если даже «Четыре забавы» – «первый роман на ория», то следующие романы появились на этом языке только более чем через столетие.
- ¹⁵⁷ Mansinha M. History of Oriya Literature. New Delhi, 1962. P. 155.
- ¹⁵⁸ См. книгу о старой бенгальской прозе: Types of Early Bengali Prose / Comp. by S.R. Mitra. Calcutta, 1922.
- ¹⁵⁹ Например, О.Х.К. Спейт, автор классического труда по географии индийского субконтинента, пишет в предисловии к своей книге: «Я отдаю себе отчет в том, что изрядная часть этой книги – “не география”. Конечно, это без особой трудности можно было бы оспаривать, пустившись в дискуссию о подлинном содержании географии как науки или же прикрывшись тем неоспоримым фактом, что в Азии, где так многое в жизни народов подчинено древним традициям, совершенно неизвестным европейскому читателю, любое изложение географии человека было бы непонятно без освещения чисто социальных факторов. Однако я предпочитаю ответить короче: “Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо”» (Спейт О.Х.К. Индия и Пакистан. Общая и региональная география / Пер. с англ. М., 1957. С. 10).
- ¹⁶⁰ Впрочем, и в этом, как и в других отношениях, различие между Индией и Европой, может быть, лишь количественное, но не качественное. Ведь, например, и А.С. Пушкин не знал многого из древнерусской литературы. С другой стороны, впечатление раздробленности Индии, вероятно, усиливается дистанцией. То, что нам никогда бы не пришло в голову связывать в Европе, мы с легкостью связываем в Индии, а потом удивляемся, что на самом деле в Индии это никак не связано между собой.

- ¹⁶¹ Ср.: *Серебряный С.Д.* Понятие «особая литературная общность» с точки зрения индолога / Народы Азии и Африки. 1987. № 2.
- ¹⁶² Имеется в виду «великое трио»: Факирмохан Сенапати (1847–1918), Радханатх Рай (1848–1908) и Мадхусудан Рао (1853–1912) – эти авторы (первый – романист, два других – поэты) почитаются как «основоположники» современной литературы на языке ория.
- ¹⁶³ *Мансинха М.* Литература ория / История индийских литератур. С. 555–556.
- ¹⁶⁴ Впрочем, можно сказать, что в Индии до сих пор сосуществуют разные века – и в том, что касается словесности, и в других сферах культуры (общественной жизни). Так, новая литература создается и «потребляется» в основном теми слоями населения, которые так или иначе приобщены к современному образованию и по крайней мере грамотны (грамотных в сегодняшней Республике Индия – чуть больше 50). Традиционные же «массы» «окармливаются» традиционной же словесностью.
- ¹⁶⁵ Подробнее об этом романе – чуть далее.
- ¹⁶⁶ О тамильском романе см., например: *Варадараджан М.* Тамильская литература / История индийских литератур. М., 1964. С. 86; *Zvelebil K.V.* Tamil Literature. Wiesbaden. 1974. P. 267–293. См. также: *Бычихина Л.В., Дубянский А.М.* Тамильская литература. Краткий очерк. М., 1987. С. 150–158.
- ¹⁶⁷ См., например: *Mansinha M.* History of Oriya Literature. New Delhi, 1962. См. также: *Серебряный С.Д.* Предисловие / Люди земли. Современная проза Ориссы / Пер. с языка ория Б. Карпушкина. М., 1987.
- ¹⁶⁸ Например, историк ассамской литературы Б.К. Баруа пишет: «Трудно переоценить долг современной ассамской литературы перед миссионерами. Именно с их помощью ассамцы открыли для себя широкий мир западных идей и чувств. Именно через журнал “Орунодой” (“Восход”, основан миссионерами в 1846 г. – С.С.) современные ассамские писатели познали новые способы художественного выражения: лирику, эссе, биографию, историю (history), рассказ и роман» (*Barua B.K.* Assamese Literature / Literatures in Modern Indian Languages. P. 163–164).
- ¹⁶⁹ См.: *Zvelebil K.V.* Tamil Literature. P. 237–238.
- ¹⁷⁰ *Chatterji S.K.* Languages and Literatures of Modern India. P. 325.
- ¹⁷¹ *Mugali R.S.* History of Kannada Literature. New Delhi, 1975. P. 101.
- ¹⁷² *Goswami P.* Fiction in Assamese. An Outline. Gauhati, 1963. P. 1.
- ¹⁷³ См., например: *Дешпанде К.* Литература маратхи / История индийских литератур. С. 318. См. также: *Deshpande K., Rajadhyaksha M.V.* A History of marathi Literature. New Delhi, 1988. P. 52.
- ¹⁷⁴ См., например: *Zvelebil K.V.* Tamil Literature. P. 268.
- ¹⁷⁵ См., например: *Goswami P.* Fiction in Assamese. An Outline. Gauhati, 1963. P. 1. Ср.: *Sarma S.N.* Assamese Literature. Wiesbaden, 1976. P. 91.

- ¹⁷⁶ Deshpande K. Marathi Literature / Literatures in Modern Indian Languages. P. 223.
- ¹⁷⁷ Дешпанде К. Литература маратхи / История индийских литератур. С. 307.
- ¹⁷⁸ Как пишет И. Ризайд, «выражение “английская аватара” (“ingrajī avatār”), по-видимому, было создано Д.В. Потдаром (D.V. Potdar) в его книге *Английская аватара маратхской прозы (Marāṭhī gadyācā ingrajī avatār)*, Пуна, 1922» (*Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India*. P. 84, n. 1). Уже в 1937 г. в Бомбейском университете в общую программу по истории маратхской литературы была включена и ее «английская аватара» (см. там же). Ср.: Ламшуков В.К. Ранний маратхский роман и его уроки / Проблемы индийского романа. С. 170.
- ¹⁷⁹ Однако И. Ризайд в цитированной выше статье (P. 78, n. 1) высказывает мнение, что период этот длился дольше (вплоть до появления первых романов Х.Н. Апте в 1880-х).
- ¹⁸⁰ Ср.: «Проза и поэзия ... на новых индийских языках в начале (эпохи Индийского Возрождения. – С.С.) получались очень англизированными, и потребовалось некоторое время для того, чтобы английские “аватары” этих языков могли быть должным образом ассимилированы их исконной природой» (*Gokak V.K. Introduction / Literatures in Modern Indian Languages*. P. 28–29). Ср. также: Баруа Б.К. Ассамская литература. Краткий очерк. С. 52; Джордж К.М. Литература малаялам / История индийских литератур. С. 275.
- ¹⁸¹ Многими отмечено даже сходство внешних обликов Калькутты и Петербурга, что объясняется, очевидно, их застройкой примерно в одно и то же время и в похожем стиле. Ср. у Э. Реклю: «Несмотря на разность климатов и народов, Калькутта и Петербург походят друг на друга холодною правильностью и банальным, казарменным видом и расположением своих зданий» (*Реклю Э. Земля и люди*. Кн. 5. Т. 8. Индия и Индо-Китай / Пер. с франц. СПб., 1886. С. 289). См. также: Снейм О.Х.К. Индия и Пакистан. С. 561. Русский художник князь А.Д. Салтыков писал в одном из своих «Писем об Индии» (датированном 9.10.1841): «Мы бросили якорь перед Калькуттой. С первого взгляда город похож на Петербург: река, широкая, как Нева, ряды европейских зданий с большими промежутками, низменная местность и целый лес мачт. Ma che colora, che sudata [‘Но какая жара, какая духота’]» (*Салтыков А.Д. Письма об Индии*. М., 1985. С. 60). Ср. впечатления современного россиянина: Торчинский О. Я люблю тебя, Калькутта! М., 1992. С. 106–107; ср. также: Сараскина Л.И., Серебряный С.Д. Достоевский и Тагор. С. 129–130.
- ¹⁸² Ghosh J.C. Bengali Literature. Oxford, 1948. P. 98.
- ¹⁸³ См.: De S.K. History of Bengali Literature in the Nineteenth Century. P. 148; Ghosh J.C. Bengali Literature. P. 101–102; Clark T.W. Bengali Prose Fiction up to Bankimchandra / The Novel in India. P. 25–26.

- ¹⁸⁴ О Колледже Форты Уильяма см., например: *Kopf D. British Orientalism and the Bengal Renaissance. The Dynamics of Indian Modernization. 1773–1835. Berkeley; Los Angeles, 1969*; *Зюграф Г.А. Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв. М., 1961*. См. также: *Das S. Sahibs and Munshis: An Account of the College of Fort William. New Delhi, 1978*.
- ¹⁸⁵ О Раммохане Райе по-русски см., например: *Серебряный С.Д. Раммохан Рай: религия и разум / Рационалистическая традиция и современность. Индия. М., 1988*. О «Брахма-самадхе» см.: *Kopf D. The Brahmo Samaj and the Shaping of the Modern Indian Mind. Princeton, 1979*; *Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981. С. 10–58*.
- ¹⁸⁶ Литература о Тагорах весьма обширна; для краткости сошлюсь на свою недавнюю статью: *Серебряный С.Д. Рабиндранат Тагор – поэт и философ / Живая традиция. К 75-летию Индийского философского конгресса. М., 2000*.
- ¹⁸⁷ Род Неру – яркий пример «диалектики разрыва и преемственности» в истории индийской культуры XVIII–XX вв. Один из предков Джавахарлала Неру, Радж Кауль, кашмирский брахман, но уже приобщившийся к мусульманской культуре и хорошо знавший персидский язык, был приглашен в начале XVIII в. ко двору Великого Могола. Дед Дж. Неру, Гангадхар Неру, некоторое время был «котвалом» (т. е. как бы «полицейским комиссаром») Дели при последнем Великом Моголе в 1850-х годах (см.: *Неру Дж. Автобиография / Пер. с англ. М., 1955. С. 9–10*). Сын Гангадхара Неру, Мотилал Неру, стал видным адвокатом в Британской Индии, а затем одним из лидеров Индийского Национального Конгресса. Лидерство в партии «унаследовал» от отца и Дж. Неру, который позже стал первым премьер-министром независимой Индии. К сожалению, родство литературных произведений и жанров различных эпох редко можно проследить с такой же ясностью.
- ¹⁸⁸ См.: *De S.K. History of Bengali Literature in the Nineteenth Century. P. 144*.
- ¹⁸⁹ Ibid. P. 133.
- ¹⁹⁰ См.: *De S.K. History of Bengali Literature in the Nineteenth Century. P. 464–478*; *Kopf D. British Orientalism and the Bengal Renaissance. The Dynamics of Indian Modernization. 1773–1835. Berkeley; Los Angeles, 1969* (по указателю).
- ¹⁹¹ О нем см., например: *Chaudhuri N. Maharshi Devendranath Tagore. 2nd ed. New Delhi, 1982*.
- ¹⁹² См. о нем, например: *Sources of Indian Tradition / Compiled by Wm. Theodore de Bary, Stephen Hay a.o. Delhi etc., 1963. P. 565–571*. См. также: *Bradley-Birt F.B. Poems of Henry Louis Vivian Derozio, A Forgotten Anglo-Indian Poet. London; Oxford, 1923*.
- ¹⁹³ *Калиникова Е.Я. Англоязычная литература Индии. М., 1974. С. 23*.
- ¹⁹⁴ *De S.K. History. P. 489*.

- ¹⁹⁵ См.: Sources of Indian Tradition / Compiled by Wm. Theodore de Bary, Stephen Hay a.o. Delhi etc., 1963. P. 569–571.
- ¹⁹⁶ Один разгневанный отец писал: «Мой сын, ранее примерный мальчик, обрел волосы, носит европейские ботинки; принимает пищу, не совершив омовения». Другой отец жаловался, что его сын «мог назвать любую реку и гору в России, но не имел ни малейшего понятия о собственной стране; потерял уважение к касте и называет святых брахманов и пандитов ворами, лицемерами и глупцами» (Калинникова Е.Я. Англоязычная литература Индии. С. 19–20).
- ¹⁹⁷ Причудливое подобие судеб: в том же 1831 г. и тоже от холеры умер (в Берлине) Гегель.
- ¹⁹⁸ De S.K. History. P. 602–603.
- ¹⁹⁹ Ср. название одного из ранних русских романов: «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (ч. 1–2, СПб., 1799–1801). Об этом романе и его авторе, А.Е. Измайлове (1779–1831), см., например: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 405–408.
- ²⁰⁰ Под этим словом подразумевается обычай выдавать замуж (из соображений престижа или по экономическим мотивам) молодых девушек за пожилых брахманов (при том что у таких брахманов могло «накапливаться» по несколько фактически фиктивных жен).
- ²⁰¹ См.: Сухочёв А.С. От дастана к роману. С. 120–123.
- ²⁰² См., например: Mansinha M. Oriya Literature / Contemporary Indian Literature. P. 174.
- ²⁰³ См.: Ламиуков В.К. Индийский просветитель и романист Х.Н. Апте. М., 1974. С. 22–23 (В.К. Ламиуков перевел название романа как «Посредине»).
- ²⁰⁴ Этот роман Р. Тагора неоднократно издавался в русских переводах.
- ²⁰⁵ См., например: Новикова В.А. Бонкимчондро Чоттопаддхай. Л., 1969.
- ²⁰⁶ Ср. замечание В.В. Кожина: «Один из теоретиков XX века не без оснований говорил о духе “бесприютности” как характерной стихии жанра (романа. — С.С.)» (Кожин В.В. Происхождение романа. М., 1963. С. 115). Интересно, какого «теоретика» В.В. Кожин счел за лучшее не называть по имени в 1963 г.?
- ²⁰⁷ Банерджи С.К. Бенгальская литература / История индийских литератур. С. 464.
- ²⁰⁸ Сухочёв А.С. От дастана к роману. См. выше примеч. 85.
- ²⁰⁹ Личность Назира Ахмада может служить символом «диалектики разрыва и преемственности». Он получил и традиционное мусульманское, и новое английское образование; был и «хафизом», т. е. знатоком Корана, и доктором права Эдинбургского университета; переводил на урду и Коран, и английский уголовный кодекс, служил и в английской админи-

страции, и у низама Хайдарабада и т. д. Подобная «синкретичность» характерна – в разной степени – для многих деятелей индийской культуры XIX–XX вв.

²¹⁰ Ср.: Сухочёв А.С. От дастана к роману. С. 115.

²¹¹ Там же. С. 155.

²¹² Так, например, историки русской литературы видят в поэзии Ломоносова и Державина «этап в подготовке расцвета» классического русского романа (Пушкин, Гоголь и т. д.), в то время как связь между этим последним и русским романом XVIII в. проблематична (см.: История русского романа. С. 40). Подобным же образом В.К. Ламшуков справедливо связывает современный маратхский роман со старинными непрозаическими жанрами, но, к сожалению, не развивает этой мысли подробнее (см.: Ламшуков В.К. Ранний маратхский роман и его уроки / Проблемы индийского романа. С. 171).

²¹³ См., например: Новикова В.А. Очерки истории бенгальской литературы X–XVIII веков. Л., 1965. См. также: Товстых И.А. Стилистические особенности бенгальских средневековых поэм монголкаббо / Литературы Индии. М., 1979; Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди (Чондимонгол). Сказание об охотнике / Пер. с бенг. И.А. Товстых. М., 1980.

²¹⁴ См.: Clark T.W. Bengali Prose Fiction up to Bankimcandra / The Novel in India. P. 71–72; Товстых И.А. Бенгальская литература. С. 177–178. Ср. также замечание Ш. Шена о романе Р. Тагора «Песчинка» («Чокхер бали») (1902): «В этом романе впервые в индийской литературе сюжет движут не столько внешние события, сколько столкновения и взаимодействия характеров» (Sen S. History of Bengali Literature, p. 312).

²¹⁵ См.: Сухочёв А.С. От дастана к роману. С. 156–158.

²¹⁶ О перечислениях как характерном приеме эпической традиции см., например: Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974. С. 113–115.

²¹⁷ См., например: Банерджи С.К. Бенгальская литература / История индийских литератур. С. 463.

²¹⁸ Сухочёв А.С. От дастана к роману. Из истории художественной прозы урду XIX века. М., 1971.

²¹⁹ Санскритское слово *adbhuta* означает «чудесный», «необычный». *Kādambarī* – это название «санскритского романа» Баны (см. выше примеч. 135), собственное имя главной героини, ставшее в языке маратхи именем жанра (романа).

²²⁰ Цит. по: Ламшуков В.К. Ранний маратхский роман и его уроки / Проблемы индийского романа. С. 184. Другой автор, писавший в том же жанре, Н.С. Рисбуд, указывал в предисловии к своему роману «Манджугхоша» (1868): «Основная цель произведений, называемых романами, – пока-

зять, как в этом мире добродетельный человек достигает счастья, претерпев различные страдания от злодеев...» (Цит. по: *Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India*. P. 89–90). Ср. утверждение П.-Д. Гюэ в его «Трактате о происхождении романов» (1670): «Главная цель романов или, по крайней мере, то, что должно быть главной целью для их сочинителей, – это поучение читателям, коим надо всегда показывать добродетель вознагражденной, а порок наказанным» (Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 412).

²²¹ То есть Новое время, modernity.

²²² См.: *Ламиуков В.К.* Ранний маратхский роман и его уроки / Проблемы индийского романа. С. 185.

²²³ Там же. С. 190.

²²⁴ Там же. С. 182.

²²⁵ Романы типа *адбхут-кадамбари* можно сравнить, вероятно, с русскими романами Ф. Эмина.

²²⁶ *Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India*. P. 92.

²²⁷ Цит. по: *Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India*. P. 90.

²²⁸ *Raval A. Gujarati / The Novel in Modern India / Ed. by Iqbal Bakhtiyar*. Bombay, 1964. P. 49.

²²⁹ На хинди такие книги называются *айари упаньяс* (плутовские романы), *тилисми упаньяс* (колдовские или фантастические романы) или *джасуси упаньяс* (детективные романы). Список наиболее известных романов этого рода, созданных до конца XIX в., см. в книге: *Gaeffke P. Hindiromane in der ersten Hälfte des zwanzigsten Jahrhunderts*. Leiden; Köln, 1966. S. 145, n. 10.

²³⁰ См.: *McGregor R.S. The Rise of Standard Hindi, and Early Hindi Prose Fiction / The Novel in India*. P. 156.

²³¹ См., например: *Ajwani L.H. History of Sindhi Literature*. New Delhi, 1977. P. 190.

²³² См.: *Мирза Мухаммад Хади Русва*. Танцовщица. Повесть / Пер. с урду Г. Зографа. М., 1967.

²³³ *Сухочёв А.С.* От дастана к роману. С. 205.

²³⁴ Там же. С. 206.

²³⁵ Цит. по: *McGregor R.S. The Rise of Standard Hindi, and Early Hindi Prose Fiction / The Novel in India*. P. 159.

²³⁶ *Raeside I. Early Prose Fiction in Marathi / The Novel in India*. P. 91. N. 1.

²³⁷ *Sen S. History of Bengali Literature*. P. 232.

²³⁸ В московских библиотеках мне удалось найти лишь французский перевод одного из романов этого Рейнолдса – под названием «*Caroline*» («Кэролайн» или «Каролина» – по имени героини) из серии «Тайны лондонского двора» (Paris, 1869). Среди персонажей этого романа есть некто, цветом «черный», с явно индийским именем «Рао».

- ²³⁹ По свидетельству Е.Э. Бертельса, во второй половине XIX в. один «авантюрно-исторический роман» этого Рейнолдса был переведен в Иране с урду (хиндустани) на персидский. См.: *Бертельс Е.Э.* Персидский исторический роман XX века / Проблемы литературы Востока. I. Л., 1932. С. 114 (Труды Института востоковедения АН СССР).
- ²⁴⁰ Эту цитату я взял из книги: *Derrett M.E.* The Modern Indian Novel in English. Bruxelles, 1966, в которой дана отсылка (без указания страницы) на книгу: *Suhrawardy Sh.A.B.* A Critical Survey of the Development of the Urdu Novel and Short Story. London; New York; Toronto, 1945. Однако в названной книге мне данную цитату найти не удалось. Тем не менее я счел возможным использовать эту цитату, поскольку она несомненно представляет суждение некоего компетентного исследователя.
- ²⁴¹ *Петруничева З.Н.* Влияние английской прозы на роман телугу / Проблемы индийского романа. С. 197–198.
- ²⁴² *Сухочёв А.С.* От дастана к роману. С. 118–119.
- ²⁴³ Ср. замечание А.С. Сухочёва о герое «Повести о Мубтале» Назира Ахмада: «Образ Мубталы создан под непосредственным воздействием произведений английского писателя Джона Беньяна ... и особенно его аллегории “Жизнь и смерть мистера Бедмена”...» (*Сухочёв А.С.* От дастана к роману. С. 126).
- ²⁴⁴ См.: *Сутанати Г.В.* Литература телугу / История индийских литератур. С. 177.
- ²⁴⁵ Рассматривая явление «переводов-переделок» в плане «диалектики разрыва и преемственности», можно задать и такой вопрос: не было ли это в Индии своего рода продолжением индийских литературных традиций? Ведь в Индии не раз «адаптировали» на многие языки «Махабхарату», «Рамаяну», пураны и другую общеиндийскую классику. С другой стороны, такая интерпретация не исключает и того, что «переводы-переделки» – одна из «универсалий» в истории мировой литературы. Ведь и русский роман «вырос» из «переводов-переделок».
- ²⁴⁶ См.: *Джордж К.М.* Литература малаялам / История индийских литератур. С. 276. Как сказано в предисловии к переизданию английского перевода «Индюлекхи», с 1989 по 1956 г. роман выдержал пятьдесят три издания – см.: *Chandu Menon O.* Indulekha. A Novel from Malabar / Tr. into English by W. Dumergue. Calicut, 1965. P. iii.
- ²⁴⁷ Цит. по: *Asher R.E.* Three Novelists of Kerala / The Novel in India. P. 209–210. Ср.: *Chandu Menon O.* Indulekha. A Novel from Malabar / Tr. into English by W. Dumergue. Calicut, 1965. P. x.
- ²⁴⁸ Цит. по: *Asher R.E.* Three Novelists of Kerala / The Novel in India. P. 210. Ср.: *Chandu Menon O.* Indulekha. A Novel from Malabar / Tr. into English by W. Dumergue. Calicut, 1965. P. xi.
- ²⁴⁹ См.: *Asher R.E.* Three Novelists of Kerala. P. 209.

- ²⁵⁰ Подобным же образом первый роман маратхского классика Х.Н. Апте «восходит» к одному из романов Рейнолдса: «Свой первый роман Апте задумал вначале как переложение “Тайн старого Лондона”. Но, едва приступив к работе, он отбросил эту затею, хотя кое-какие элементы сюжетостроения и образной системы “Тайн старого Лондона” оставили свои следы в его романе» (Ламиуков В.К. Индийский просветитель и романист Х.Н. Апте. М., 1974. С. 21).
- ²⁵¹ См. переиздание: *Chandu Menon O. Indulekha. A Novel from Malabar / Tr. into English by W. Dumergue. Calicut, 1965.*
- ²⁵² Цит. по: *Asher R.E. Three Novelists of Kerala. P. 210. Cp.: Chandu Menon O. Indulekha... P. xvi.*
- ²⁵³ Чанду Менон вряд ли читал «Трактат о происхождении романов» П.-Д. Гюз, но как будто следовал данному там определению романа: «...ce que l'on appelle proprement Romans sont des fictions d'avantage amoureuses, écrites en Prose avec art, pour le plaisir et l'instruction des Lecteurs» (см. с. 51, примеч. 40).
- ²⁵⁴ Наяры – одна из высоких каст Кералы.
- ²⁵⁵ О *тараваде* у наяров см., например: *Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе / Пер. с англ. М., 2001. С. 48, 52.*
- ²⁵⁶ В опубликованной статье (см. Предисловие, с. 3 и 6, примеч. 2, а также ниже, с. 193, примеч. 1). Мадхаван был ошибочно назван «членом Индийского национального конгресса». Теперь использована более корректная формулировка Р. Эшера (см.: *Asher R.E. Three Novelists of Kerala. P. 214).*
- ²⁵⁷ Последние две страницы романа – это «отступление-заключение» о пользе современного (английского) образования для женщин всей Индии. Роман завершается такими словами («от автора»): «...and my most earnest prayer is that my compatriots may have their daughters, not less than their sons, educated in [the] English language» (*Chandu Menon O. Indulekha. A Novel from Malabar. P. 370).*
- ²⁵⁸ Ср. мысли М.М. Бахтина о «романной природе» сократических диалогов (*Бахтин М.М. Эпос и роман. С. 467–468*) и «формулу» Ф. Шлегеля «романы – сократовские диалоги нашего времени» (*Шлегель Ф. Критические фрагменты / Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 281, фрагмент 26*). Ср. в наст. издании с. 60–61, примеч. 83.
- ²⁵⁹ *Srinivasa Iyengar K.R. A General Survey / The Novel in Modern India. P. 10, 24.* Судя по всему, это суждение индийского критика справедливо и по сей день.

[1] Алексей Сергеевич Сухочёв (1928–2000) – индолог-литературовед, занимавшийся главным образом историей литературы урду. См. посвященный ему сборник индологических работ: На семи языках Индостана. Памяти А.С. Сухочёва. М., 2002. См. также: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. 2. М., 1995. С. 464–465.

[2] Теперь я думаю, что «общая типология мирового литературного процесса» – это идея-фантом советского литературоведения. Впрочем, и в 1978 г. я взял эти слова в кавычки как выражение из «чужого дискурса». Ср. далее Дополнение [20].

[3] Эта цитата взята из первого абзаца третьей главы («Индия и Запад») книги А. Тойнби «Мир и Запад». Стоит привести (перевести) этот абзац целиком:

«В противостоянии (encounter) Индии и Запада был такой опыт (one experience), который не пришлось испытать никакому другому, кроме Индии, обществу в мире. Индия – это целый мир сама по себе; это общество такого же масштаба, как наше Западное общество; и она – единственное крупное (great) не-Западное общество, которое ... было завоевано Западным оружием – и не только завоевано..., но после этого еще и управлялось Западной властью (ruled ... by Western administrators). В Бенгалии это Западное правление (this Western rule) длилось почти двести лет, а в Пенджабе – более ста лет. Индийский опыт общения с Западом был, таким образом, более болезненным и более унижительным, чем опыт Китая или Турции и, разумеется, чем опыт России или Японии; но именно поэтому он был и более близким (intimate). Личные контакты между индийцами и людьми Запада (Westerners) были более многочисленны, и наш Западный меч (our Western iron), вероятно, более глубоко проник в душу Индии» (*Toynbee A.J. The World and the West. London etc., 1953. P. 34*; ср. не вполне точный иной перевод: *Тойнби А.Дж. Мир и Запад / Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. М., 1996. С. 170*).

[4] Название Южная Азия вошло в обиход именно после 1947 г. Его особенно охотно употребляют представители «меньших» стран региона. Как и многие другие географические названия (например, Европа), вы-

ражение «Южная Азия» может пониматься по-разному. В «Южную Азию» иногда включали даже Афганистан и Тибет (теперь их, как правило, относят к Центральной Азии). Подобное расширительное толкование термина может быть оправдано с точки зрения истории (особенно истории культуры), но в наши дни оно «некорректно» политически. Это лишний пример того, как не совпадают исторические границы культур и современные политические границы.

[5] В другом месте К. Крипалани высказался так: «...мы не должны уклоняться от признания того, что индийская литература на самом деле менее однородна, чем даже литература Европы в целом» (*Kripalani K. Concept of Indian Literature As One Literature / Indian Literature. Proceedings of a Seminar. Simla, 1972. P. 19*). Проблема «что такое индийская литература» обсуждалась и обсуждается многими видными индийскими авторами. См. также, например: *Lal P. The Concept of an Indian Literature. Calcutta, 1968 (2nd ed.: Calcutta, 1987)*; *Mukherjee S. Towards a Literary History of India. Simla, 1975*; *Joshi U. Indian Literature. Personal Encounters. Calcutta, 1988*. (В кн.: *The Literatures of India. An Introduction. Chicago; London, 1978* – примерно та же проблема обсуждается в основном западными индологами.) В 1980-х годах я попытался рассмотреть эту проблему в статье (теперь уже отчасти устаревшей): *Серебряный С.Д. К анализу понятия «индийская литература» / Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987*.

[6] Сейчас я думаю, что выражение «абсолютная художественная ценность» следует употреблять с большими оговорками и, пожалуй, лишь как «чужое слово». Сейчас я думаю, что «ценность» того или иного произведения искусства определяется каждый раз в акте (процессе) его восприятия. Некоторые произведения имеют (имели) «ценность» лишь в «своей» (более или менее ограниченной) культурной среде (в своем «хронотопе»). Некоторые произведения обладают способностью преодолевать границы культур, не теряя своей «ценности», а то и увеличивая ее (ср. далее Дополнение [45]). Но существует ли (может ли быть «обретена» или «изобретена») некая абсолютная, всевременная и «всеместная» («панхронотопная») шкала для «оценки» «ценности» любого произведения искусства? (Ср. строки О. Мандельштама: «Есть ценностей незыблемая скала / Над скучными ошибками веков...».) Во всяком случае, история пока не завершена: и мы не можем точно предвидеть, как и кто в будущем будет «оценивать» те или иные произведения прошлого (включая в это понятие и наше время). Мы, разумеется, имеем право на собствен-

ные оценки, но должны сознавать их относительность, обусловленность нашей культурой, нашим «хронотопом».

Вот показательный пример: в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (Т. 27, 1899) в статье «Роман» (автор – Н. Стороженко) среди прочего читаем (на с. 70): «Итальянский роман XIX в., начавшись с подражания “Вертеру” Гёте (“Джакомо Ортис” Уго Фосколо) и романам Вальтера Скотта (“Обрученные” Манцони и “Осада Флоренции” Гверрацци), не дал до сих пор ни одного произведения, которое имело бы общечеловеческое значение». Отметим прежде всего наивную уверенность автора статьи, что он вправе выступать от имени «общечеловеческого». Что же касается оценок конкретных произведений, то по крайней мере «Обрученные» Алессандро Мандзони признаны теперь одним из выдающихся романов не только итальянской, но и всей европейской (стало быть, и «мировой») литературы. См. русский перевод: *Мандзони А. Обрученные* / Пер. с ит. Г.С. Смирнова. М., 1984.

[7] В XX в. было несколько незавершенных попыток создать серии книг о различных индийских литературах – выделенных по языковому принципу.

Одна из первых попыток была предпринята в 1940-е годы индийским отделением ПЭН-клуба. Было анонсировано пятнадцать книг, из которых реально появилось по крайней мере пять:

Barua B.K. Assamese Literature. Bombay, 1941;
Ray A., Ray L. Bengali Literature. Bombay, 1942(?);
Srinivasa Iyengar K.R. Indo-Anglian Literature. Bombay, 1943;
Raju P.T. Telugu Literature. Bombay, 1944;
Srikanthayya T.N. Kannada Literature. Bombay, 1946.

В независимой Индии Литературная Академия (Sahitya Akademi) также издает серию (еще не завершенную) книг по истории различных индийских литератур. Мне известны следующие книги в этой серии:

Sen S. History of Bengali Literature. New Delhi, 1960 (3rd ed. 1991);
Mansinha M. History of Oriya Literature. New Delhi, 1962;
Barua B.K. History of Assamese Literature. New Delhi, 1964 (2nd ed. 1978);
Parameswaran Nair P.K. History of Malayalam Literature / Tr. from Malayalam. New Delhi, 1967 (2nd ed. 1977);
Sitapati (Seethapathy) G.V. History of Telugu Literature. New Delhi, 1968;
Ajwani L.H. History of Sindhi Literature. New Delhi, 1970 (Reprint: 1995);

Mugali R.S. History of Kannada Literature. New Delhi, 1975;
Shivanath. History of Dogri Literature. New Delhi, 1976;
Mishra J. History of Maithili Literature. New Delhi, 1976;
Jhaveri M. History of Gujarati Literature. New Delhi, 1978;
Maheshwari H. History of Rajasthani Literature. New Delhi, 1980;
Naik M.K. History of Indian-English Literature. New Delhi, 1982 (Reprint: 1995);
Kumar Pradhan. A History of Nepali Literature. New Delhi, 1984;
Deshpande K., Rajadhyaksha M.V. A History of Marathi Literature. New Delhi, 1988;
Varadarajan M. History of Tamil Literature / Tr. from Tamil. New Delhi, 1988;
Ali Jawad Zaidi. History of Urdu Literature. New Delhi, 1993;
Manihar Singh Ch. History of Manipuri Literature. New Delhi, 1996;
Sant Singh Sekhon, Kartar Singh Duggal. History of Punjabi Literature. New Delhi, 1997 (?).

Кроме того, по истории большинства из вышеназванных литератур есть и книги (на английском) вне двух вышеназванных серий (написанные индийскими или западными авторами). Ценную библиографию (увы, отчасти устаревшую) см., например, в книгах Кришны Крипалани (*Kripalani K.* Literature of Modern India. A Panoramic Glimpse. New Delhi, 1982) и Шуджита Мукхерджи (*Mukherjee S.* Towards a Literary History of India. Simla, 1975).

С 1970-х годов издательство Otto Harrassowitz в г. Висбаден (ФРГ) начало издавать (на английском языке) серию под общим названием «A History of Indian Literature». Редактором серии и автором трех (самых увесистых) книг («Ведическая литература», 1975; «Ритуальные сутры», 1977; «Средневековая религиозная литература на санскрите», 1977) был известный голландский ученый Ян Гонда (Jan Gonda, 1905–1991). Слово «literature» понимается в данном случае максимально широко – включая и всю устную («фольклорную») словесность, с одной стороны, и практически все виды письменности (письменной словесности) – с другой. Серия разбита на десять «томов» («volumes»), а отдельные книги называются «выпусками» («fascicles»). Том I – «Веда и упанишадь», том II – «Эпос и санскритская религиозная литература», том III – «Классическая санскритская литература», тома IV–VI – «Научная и специальная литература», том VII – «Буддийская и джайнская литература», тома VIII и IX – «Новые индо-арийские литературы (Modern Indo-Aryan Literatures)», том X – «Дра-

видийские литературы». (Первоначально планировалось всего девять «томов», и нумерация «выпусков» утряслась не сразу, поэтому в библиографических описаниях могут быть расхождения.) К теме данной работы имеют отношение прежде всего последние три «тома». Вот какие «выпуски» этих «томов» успели «выпуститься» (насколько мне известно) в XX в.:

Volume VIII. Modern Indo-Aryan Literatures, Part I.

Fasc. 1: *Schimmel A.* Islamic Literatures of India. Wiesbaden, 1973.

Fasc. 2: *McGregor R.S.* Hindi Literature of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Wiesbaden, 1974.

Fasc. 3: *Schimmel A.* Classical Urdu Literature from the Beginning to Iqbāl. Wiesbaden, 1975.

Fasc. 4: *Kachru B.B.* Kashmiri Literature. Wiesbaden, 1981.

Fasc. 5: *Gaeffke P.* Hindi Literature in the Twentieth Century. Wiesbaden, 1978.

Fasc. 6: *McGregor R.S.* Hindi Literature from its Beginnings to the Nineteenth Century. Wiesbaden, 1984.

Volume IX. Modern Indo-Aryan Literatures, Part II.

Fasc. 1: *Schimmel A.* Sindhi Literature. Wiesbaden, 1974.

Fasc. 2: *Sharma S.N.* Assamese Literature. Wiesbaden, 1976.

Fasc. 3: *Zbavitel D.* Bengali Literature. Wiesbaden, 1976.

Fasc. 4: *Tulpule S.G.* Classical Marāthī Literature. Wiesbaden, 1979.

Volume X. Dravidian Literatures.

Fasc. 1: *Zvelebil K.V.* Tamil Literature. Wiesbaden, 1974.

Fasc. 2: *Hart G.L.* The Relations between Tamil and Classical Sanskrit Literature. Wiesbaden, 1976.

В 1960–1970-е годы Институт востоковедения АН СССР выпустил серию небольших (как правило) книжек под общим названием «Литература Востока». По литературам Южной Азии в этой серии вышли следующие книги:

Серебряков И.Д. Пенджабская литература. Краткий очерк. М., 1963.

Аганина Л.А. Непальская литература. Краткий очерк. М., 1964.

Товстых И.А. Бенгальская литература. Краткий очерк. М., 1964.

Глебов Н.В., Сухочёв А.С. Литература урду. Краткий очерк. М., 1967.

Гуров Н.В., Петруничева З.Н. Литература телугу. Краткий очерк. М., 1967.

Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. М., 1968.

Челышев Е.П. Литература хинди. Краткий очерк. М., 1968.

Баруа Б.К. Ассамская литература. Краткий очерк / Сокр. пер. с англ. В.Д. Бабакаева. М., 1964.

Выхухолев В.В. Сингальская литература. Краткий очерк. М., 1970.

Ламиуков В.К. Маратхская литература. Краткий очерк. М., 1970.

Джордж К.М. Литература малаялам. Краткий очерк / Сокр. пер. с англ. С.В. Трубниковой. М., 1972.

С похожим названием, но в другом формате и уже в несколько иное время вышла книга: Бычихина Л.В., Дубянский А.М. Тамильская литература. Краткий очерк. М., 1987.

[8] Здесь мы сталкиваемся с интересным примером того, как некое историческое событие почти *невозможно назвать*, не привнося в само название (в акт называния) некой *идеологии* и *оценки*. Наиболее нейтральное имя для событий 1857–1858 гг. в Индии – «сипайское восстание» или «восстание сипаев» («the sepoy revolt»). «Сипай» или «sepoy» – это различные искажения персидского слова *sipāhī* «солдат»: имеются в виду солдаты-индийцы, служившие в войсках, созданных британцами в Индии (ведь британцы устанавливали свою власть в Индии в основном с помощью самих же индийцев). «Восстание сипаев» – название едва ли не наиболее нейтральное, но не вполне верное. Хотя началось все, действительно, с восстания (бунта, мятежа) сипаев, потом к этому восстанию присоединились и некоторые индийские «князья». Поэтому столь же неверно и «официальное» британское название этих событий: the (Indian) Mutiny, т. е. «(индийский) военный мятеж». Но столь же (если не более) неверны и названия типа «национально-освободительное восстание индийского народа» или «первая война за независимость» и т. д. См., например, характерную книгу советских времен: К. Маркс и Ф. Энгельс о национально-освободительном восстании 1857–1859 в Индии. М., 1959. Беспристрастный историк не может не видеть, что хотя у восставших («мятежников») была «своя правда», представляли они в основном индийское прошлое («силы феодализма и реакции», как сказали бы наши «марксисты»). Характерно, что новая (европейски образованная) интеллигенция в больших городах, которая как раз в это время начала создавать первые индийские романы Нового времени, с восстанием сипаев вовсе не соли-

даризировалась. И еще интересное совпадение: именно в 1857 г. в Индии были учреждены первые университеты по европейскому образцу.

Аналогичная проблема в нашей истории: как называть события в Петрограде в конце 1917–начале 1918 гг.? «Великая Октябрьская Социалистическая Революция»? «Захват власти большевиками»? «Большевистско-левоэсеровский путч»? Еще в 1960-х годах один мой университетский преподаватель говорил только так: «известное недоразумение в октябре семнадцатого».

[9] Точнее сказать: Гёте создал сложное слово *Weltliteratur* или во всяком случае освятил его своим авторитетом. *Понятие* же вызревало в течение десятилетий. Еще точнее: речь должна идти не об одном (едином) *понятии*, в скорее о круге нескольких разных (хотя и родственных) *понятий* (идей, представлений и т. д.). Чуть подробнее см.: *Серебряный С.Д.* Видьяпати и его книга ... / Видьяпати. Испытание человека (Пуруша-парикша). М., 1999 (Литературные памятники). С. 126–127; *Серебряный С.Д.* Введение / История мировой культуры. Наследие Запада. Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций. М., 1998. С. 23.

[10] Здесь я коснулся мимоходом очень важной и сложной темы (*понятия*, скрывающиеся за *словами* «культура» и «цивилизация»), которой надеюсь посвятить специальную работу. См. чуть более подробно: *Серебряный С.Д.* Введение / История мировой культуры. Наследие Запада. Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций. М., 1998. С. 9–20.

[11] Ср.: там же. С. 26.

[12] По-видимому, одним из важных факторов «слома» многовековой нормативности греко-латинской грамматики было «открытие» европейцами санскрита и их ознакомление с индийской лингвистической традицией. Ср. у Э. Бенвениста:

«В течение веков, от досократиков до стоиков и александрийцев, и позднее, во время аристотелевского ренессанса, донесшего греческую мысль до конца латинского Средневековья, язык оставался объектом философского умозрения, а не объектом наблюдения. Ни у кого тогда не возникало намерения изучить и описать какой-либо язык ради него самого или проверить, всюду ли пригодны категории, основанные на греческой и латинской грамматике. Это положение не изменилось до XVIII века.

Новый этап ознаменовался открытием санскрита в начале XIX века» (*Бенвенист Э.* Взгляд на развитие лингвистики [1963] / *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974. С. 22).

Здесь возникает важная тема: Индия как «иное», Индия как «средство слома» привычных (европоцентристских) стереотипов.

[13] Ср. откровенное признание одного из «классиков» советского литературоведения, Г.Н. Пospelова (1899–1992). В одной из своих статей он выделяет «истории литературы шести больших европейских стран – Италии и Испании, Англии и Франции, ... Германии и России» – и далее пишет: «Народы этих стран за время с XIV до середины XIX века по очереди вошли – раньше других народов – на авансцену истории мировой художественной культуры и обогатили ее выдающимися творческими достижениями. Это обстоятельство вполне оправдывает “европоцентристский” подход к сравнительному изучению всех национальных литератур мира, выясняющий своеобразие каждой из них в сопоставлении ее с развитием больших литератур Европы» (*Пospelов Г.Н. Литературный процесс / Литературный процесс / Под ред. Г.Н. Пospelова. М. (Издательство МГУ!), 1981. С. 27*).

Поистине это *locus classicus* советского литературоведения! Сейчас уже почти не верится, что подобные высказывания сходили за «науку» всего лишь двадцать лет назад. Но на самом деле Г.Н. Пospelов (по наивности?) *эксплицитно* высказал то, что в текстах многих других, более искушенных литературоведов присутствовало *имплицитно*.

[14] Сейчас бы я написал «презумпцией инаковости», но в конце 1970-х годов это слово, по-видимому, еще не было столь популярно, как теперь (впрочем, мой компьютер и в 2002 г. подчеркнул слово «инаковость» красной волнистой чертой – как несуществующее).

[15] Различение двух «презумпций» я заимствовал из работ А.Я. Гуревича. См., например, «Предисловие» к его книге «”Эдда” и сага» (М., 1979. С. 3–6).

[16] Сейчас бы я употребил выражение «научное сообщество». См., например: [*Филатов В.П.*] Научное сообщество / Современная западная философия: Словарь. 2-е изд. М., 1998. С. 272. Как пишет В.П. Филатов, «научное сообщество – одно из основных понятий современной философии и социологии науки»; оно «обозначает совокупность исследователей со специализированной и сходной научной подготовкой, единых в понимании целей науки и придерживающихся сходных нормативно-ценностных установок» (там же). Это понятие «ввел в обиход» Майкл Полани (M. Polanyi, 1891–1976). О нем см. Там же. С. 320, и еще: *Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Пер. с англ. (сокр.). М., 1985 (и «пиратскую» перепечатку: Благовещенск, 1998)*.

[17] Статья «Литература» в КЛЭ – характерный образец «советского текста», написанного по канонам «советской парадигмы» (см. с. 39, примеч. 4). В приведенной цитате легко увидеть два свойства этой «парадигмы»: лингвистическую наивность (иначе «эссенциализм» или «реализм» в средневековом смысле) и однолинейный историзм (он же – европоцентризм, по-видимому, даже неосознаваемый). Так, за выражением «литература в точном и полном значении этого слова» кроется представление (опять-таки, может быть, даже неосознаваемое), что слова имеют (или могут иметь) некие определенные значения безотносительно ко времени и месту словоупотребления, а за этими значениями стоят некие «сущности» («*entia*») или «явления» – также вневременные, внеисторические (здесь – «литература»). В цитате (и статье в целом) речь идет почти исключительно о европейском культурном мире и России как его части (лишь к концу статьи к общему повествованию довольно неуклюже «пристегиваются» два абзаца о мирах неевропейских), но при этом делается вид, что охвачена и учтена вся «мировая литература».

[18] Сейчас мне кажется, что в этих словах была моя собственная уступка (вольная или невольная) той же «советской парадигме». Ведь и слово «наука», как и слово «литература», не стоит считать само собой понятным.

Сейчас мне стало ясно и другое: понятие «литература» (как, вероятно, и многие – если не все – другие понятия в гуманитарных науках) не следует считать «чисто научным», т. е. ценностно нейтральным. Это понятие «нагружено» некими (может быть, не всегда четко определяемыми и / или осознаваемыми) ценностными представлениями той – (ново)европейской – культуры, в которой это понятие сложилось.

В 1993 г. я участвовал в конференции (в Копенгагене), посвященной литературам Азии (по материалам этой конференции была издана книга: *Identity in Asian Literature / Ed. by Lisbeth Littrup. Richmond, 1996*). В ходе обсуждений одного из докладов литератор из Малайзии по имени Мухаммад Хаджи Саллах весьма эмоционально рассказал о том, как в колониальные времена британцы говаривали малайцам: «У нас есть великая литература – а что есть у вас?». С тех пор малайцы (не без помощи европейских востоковедов), конечно, «сконструировали» себе «литературу» как «национальное достояние» и, соответственно, «историю малайской литературы» (см., например, весьма толстую книгу: *Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983*).

Индийцам в этом отношении было проще. Европейские востоковеды открыли (для себя) индийскую (в основном санскритскую) словесность

еще задолго до того, как сами индийцы (познакомившись с европейскими идеями) осознали потребность в «национальной литературе» как факторе престижа. Но и здесь часто возникали и возникают проблемы ценностных суждений. Достаточно процитировать один из важнейших документов в истории Индии Нового времени – «Записку об образовании» («Minute on Education») Т.Б. Маколей (1835), документ, отразивший характерное мнение британца об индийской культуре. Маколей был назначен в 1834 г. председателем «Комитета общественного образования» (Committee on Public Instruction) в Калькутте, который должен был решить, какое образование финансировать: традиционное («восточное») или по европейскому образцу и на английском языке. «Записка» Маколей склонила чашу весов в пользу европейского образования для индийцев. В этой «Записке» среди прочего есть такой красноречивый абзац:

«Я не знаю ни санскрит, ни арабский. Но я сделал, что мог, чтобы составить верное суждение об их ценности (to form a correct estimate of their value). Я прочитал переводы самых знаменитых произведений на санскрите и арабском. Я беседовал, и здесь, и дома, с людьми, которые известны своими познаниями в восточных языках. Я вполне готов принять ту оценку восточной учености (oriental learning), которую ему дают сами востоковеды. Я никогда не встречал среди них человека, который смог бы отрицать, что одна полка хорошей европейской библиотеки стоит всей туземной литературы Индии и Аравии. Сущностное превосходство западной литературы (the intrinsic superiority of Western literature) на самом деле полностью признается теми членами нашего комитета, которые поддерживают востоковедный план образования (для индийцев. – С.С.)» (Цит. по: Sources of Indian Tradition / Compiled by Wm. Theodore de Bary, Stephen Hay a.o. Delhi etc., 1963. P. 596–597).

В наши дни тем более наивно тешить себя мыслью, что ученый-гуманитарий может оперировать «чисто научными» понятиями, полностью отстраняясь от «злобы дня». Уход в подобную «чистую науку» и «чистый академизм» может обернуться полной бессмыслицей. Проблема (задача) состоит именно в том, чтобы, учитывая «злобу дня», сохранять в то же время и стандарты «научности» (в чем они заключаются – особый вопрос).

[19] Ср. выражения «обратное проецирование» и «операция обратного проецирования» в «Тезисах» А.В. Михайлова:

«В пределах прежней инерции нашей науки... мы... совершаем то, что я... называю обратным проецированием, операцией обратного проецирования, при которой в чужой для нас истории и чужой для нас исто-

рической ситуации мы приписываем способность подчиняться нашим понятиям и представлениям.

В то время как наука, существующая в своей инерции, привыкла переносить на прошлую историю те понятия, которые она, по каким-то причинам, выбрала для себя в качестве основных, я думаю, что наука в нынешнем ее состоянии должна отдавать себе отчет всякий раз в том, что она делает при этом некоторую опасную и рискованную операцию, присваивая себе то, что ей не принадлежит, распространяя на не свое то, что привычно для нас сейчас, перенося на чужое то, что присуще своему» (Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы / Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 215).

[20] Теперь я бы поостерегся употреблять такие выражения. Теперь мне кажется, что «мировой литературный процесс» – понятие надуманное, слишком абстрактное, т. е. слишком отвлеченное (отдаленное) от исторической реальности, и поэтому непродуктивное. Соответственно «универсальная типология мирового литературного процесса» рискует быть бесплодной игрой ума. См. весьма поучительную в этом смысле книгу: Брагинский В.И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока (очерки культурологического изучения литературы). М., 1991.

[21] Статью о греческой «литературе» и ближневосточной «словесности» С.С. Аверинцев написал или в самом начале своей работы в ИМЛИ, или, может быть, даже *еще* до того, как поступил туда на работу. В последующих своих публикациях, насколько мне известно, Аверинцев не возвращался более к разработке данной темы. Он «принял правила» литературоведческой «игры» и писал вообще о «литературе» применительно ко всем культурам (см., например, написанные им главы «Древнееврейская литература» и «Истоки и развитие раннехристианской литературы» в книге: История мировой литературы. Т. 1. М., 1983). Но «Предисловие» 1995 г. (тогда Аверинцев *уже* не работал в ИМЛИ) к сборнику статей прежних лет начинается со своего рода приглушенного покаяния:

«В истории культуры есть границы между качественно различными феноменами, отчетливость которых (т. е. границ. – С.С.) в нашей рефлексии слишком часто затушевывается и размывается навыками упрощенно-эволюционистской мысли.

Навыки эти сказываются, между прочим, в расхожем употреблении простейших терминов. Всякое словесное искусство, плоды которого фиксируются в словесной форме, зовется “литературой”, начиная с иероглифических текстов Древнего Египта, вообще с самой что ни на есть ар-

хаичной архаики; просто, мол, эта литература, как всякая деятельность человека, “развивается”, по всей видимости сохраняя, однако, свою идентичность...» (Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 7). Ср. подобные же мотивы «покаяния литературоведа» в «Нескольких тезисах о теории литературы» А.В. Михайлова (см. выше с. 40, примеч. 6).

[22] Это выражение («роман становится ведущим жанром ... литературы») – расхожая «формула» литературоведения. Тогда я употребил ее, наверное, с легкостью, так как писал для коллег-литературоведов. Теперь я «споткнулся» об эту «формулу» и задал себе вопрос: «А что же именно она значит?». Боюсь, что ответ на этот вопрос занял бы очень много места (к тому же готового ответа у меня, разумеется, нет).

[23] См., например, очень интересную книгу (которую стоило бы перевести на русский язык): *Williams R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. London, 1988.

[24] Стоит напомнить, что в современном русском языке слово «сущность» имеет по крайней мере два разных значения, соответствующих двум разным латинским словам (и производным от них словам в новоевропейских языках): *essentia* (= англ. *essence*) и *ens* (= англ. *entity*). В данном случае имеется в виду, конечно, второе значение. В современных словарях русского языка при слове «сущность» дается обычно лишь первое значение, но в реальном языке второе также довольно употребительно, по крайней мере в гуманитарнонаучной литературе. Иногда эти два значения контаминируют, т. е. переплетаются между собой.

[25] Ср. термин «эссенциализм», предложенный К. Поппером. См., например: *Popper K.* Нищета историцизма. М., 1993. С. 36.

[26] С.С. Аверинцев употребил слово «парадигма», разумеется, не в том смысле, в каком оно употреблено в книге Т. Куна «Структура научных революций». Статья Аверинцева была написана году в 1974; книга Куна, его идеи и термины тогда еще не были у нас широко известны (перевод «Структуры научной революции» вышел в 1975-м). У Аверинцева слово «парадигма» имеет более традиционный, почти «грамматический» смысл – как, например, в сочетании «парадигма спряжения глагола».

[27] «Уникальное» – очень ответственное слово, как бы претендующее на всезнание, на знание всего остального «универсума», в котором данное явление (событие) оказывается «уникальным». Здесь нет возмож-

ности сколько-нибудь обстоятельно обсудить вопрос, насколько европейская (западная) культура действительно уникальна среди всех прочих. Чуть подробнее см.: *Серебряный С.Д.* Введение / История мировой культуры. Наследие Запада. Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций. М., 1998. С. 27–31.

[28] В 1978 г. я «постеснялся» развернуть эту краткую формулировку. Сейчас предоставляю сделать это читателю.

[29] «Советская парадигма» («советская идеология»), разумеется, не могла принять мысль об «уникальности» (употребляю здесь это слово для краткости) западноевропейской культуры. Ведь право «советской власти» на власть обосновывалось не ее умением «переносить» блага Запада на российскую (советскую) «почву», а «подлинно научным знанием общих законов исторического развития», каковые «законы» предполагались одними на всех. Можно сказать, что крах «советской власти» был предопределен, среди прочего, именно тем, что «законы» были сформулированы на материале западноевропейской истории, а прилагались (если действительно прилагались) к совсем другой культуре (цивилизации).

Иными словами, признание «уникальности», «неповторимости» опыта Запада было несовместимо с «коммунистическим проектом» в России, который осмысливался как «забегание вперед» по той же «столбовой дорожке истории (прогресса)», по которой якобы шел и Запад, и все остальное человечество.

[30] Теперь, однако, существует и такое понятие, как «альтернативная история». См., например: *Экштут С.А.* «Несбывшееся – воплотить!». Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории / Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 3. (Труды исторического факультета МГУ / Под. ред. С.П. Карпова /20/). М., 2000.

[31] Ср. понятие «*transferts culturels*» (буквально: «культурные переносы», «перенесения из культуры в культуру»), которое разрабатывают французские историки. См., например: *Espagne M.* *Les transferts culturels franco-allemands*. Paris, 1999.

[32] Официальная формулировка (придуманная, как говорят, еще С. Радхакришнаном) такова: «Индийская литература едина, хотя создается на многих языках». Эти слова во многом справедливы, хотя, как всякий лозунг, не только отражают реальность, но еще и формулируют некий идеал (говоря циничней, выдают желаемое за действительное). С не меньшим основанием можно сказать, что «европейская литература едина,

хотя и создается на многих языках». В то же время нам трудно не вспомнить отечественную формулу: «единая многонациональная советская литература» (каковая формула до известной степени отражала реальность).

[33] См., например, термин «индийский литературный ареал», предложенный чешским индологом К. Звелебилем (*Zvelebil K.V. The Smile of Murugan. On Tamil Literature of South India. Leiden, 1973. P. 9*). Подробнее см.: *Серебряный С.Д.* К анализу понятия «индийская литература» / Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987. С. 252–254.

[34] Показательна в этом плане книга Вальтера Рубена, индолога из бывшей ГДР: *Ruben W. Indische Romane. Eine ideologische Untersuchung. Bd. 1–3. Berlin, 1964*. В «ге-де-эровском» варианте «советская парадигма» иногда приобретала еще большую четкость и жесткость.

[35] Вера Александровна Новикова (1918–1972) – видный индолог советского времени, специалист по бенгальской литературе. См.: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. 2. М., 1995. С. 158.

[36] Владимир Калабекович Ламшуков (1932–1998) – специалист по литературе на языке маратхи. См.: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. 1. М., 1995. С. 658–659.

[37] Понятие «Индийское Возрождение» (с «подпонятиями» «Бенгальское Возрождение», «Тамильское Возрождение» и т. д.) может быть сопоставлено не только с самым известным понятием «(европейское) Возрождение (= Ренессанс)», но и с такими его более частными «производными» (относящимися именно к XIX – XX вв.), как, например, «Болгарское Возрождение (XIX в.)» или «Бурятское Возрождение» и т. д. О последнем см., например: *Богданов М.Н.* Бурятское «возрождение» / Сибирские вопросы, 1907, № 3; Очерки истории культуры Бурятии. Т. 1. Улан-Удэ, 1972. С. 475–478. Ср. также итальянское историческое понятие «Рисорджименто».

[38] Современные индийские историки подчеркивают, что британская власть, с одной стороны, действительно объединила субконтинент «имперской структурой», но, с другой стороны, эта «структура» сложным образом расчленила, раздробила субконтинент (отчасти сохранив и «законсервировав» его «феодальную раздробленность» в позднемогольские времена). Поэтому подлинное «объединение Индии», подобное объедине-

нию Италии или Германии в XIX в., произошло только после 1947 г.: сложная имперская структура (несколько «британских» провинций и около шестисот «вассальных княжеств») была преобразована всего в два крупных государства: Индию и Пакистан.

[39] Как пишет Анджей Валицкий (известный польский историк русской общественной мысли), «вопреки распространенному мнению, термин “интеллигенция” (по-польски “*inteligencja*”) был создан не в 1860-х годах в России, а в 1840-х годах в Польше» (*Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism / Tr. from the Polish by H. Andrews-Rusiecka. Stanford, 1979. P. XV, n. 3*). См. также: Этимологический словарь русского языка / Под. ред. Н.М. Шанского. Т. 2. Вып. 7. [Буква] «И». М., 1980. С. 94: «**Интеллигенция**. Заимствовано, вероятнее всего, из польского яз. в середине XIX в. ... В зап.-евр. яз. в собирательном знач. слово *интеллигенция* заимствовано из рус. яз.». Из недавней русской литературы о русской интеллигенции см., например: Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999; *Кнабе Г.С. Перевернутая страница*. М., 2002.

[40] Противопоставление «добродетельной», «духовной» и «культурной» Германии остальной (западной, но не только западной) Европе (разные части которой расценивались как «развращенные», «коварные», «дикие» и т. д.), наверное, внесло свою лепту в разжигание двух мировых войн в XX в.

[41] Так мне хотелось думать в 1978 г., в чем, возможно, сказывалось влияние «советской парадигмы», во многом искажавшей различия между Россией и Западом. Теперь, увы, реалистичней думать, что примерно по исторической границе между западным и незападным христианством проходит некая «линия разрыва континуальности». В частности, Германия находится по одну сторону этой линии, вместе с некогда столь нелюбимыми ею Францией и Британией (хотя исторический опыт Германии делает ее, наверное, все же чуть ближе к России), а Россия – по другую сторону, вместе со многими другими странами незападного мира (хотя, может быть, отличия России от прочего «не-Запада» делают ее положение в мире действительно уникальным).

[42] В качестве аналогии из нашей истории можно вспомнить постепенное (и все еще не довершенное) включение «допетровской» словесности в общий корпус «русской литературы» или, например, «открытие» русской иконописи как *явления искусства* (с конца XIX в.).

[43] Стоит привести эту цитату из статьи В.Г. Белинского в более развернутом виде: «Будем смотреть на то, что есть, смело, не прикрашивая действительности мечтами и призраками, но будем смотреть на нее без ненависти и страха. У нас есть немного, — это правда, но есть же; не будем преувеличивать того, что имеем, но не будем и отказываться от того, что есть у нас. Наша литература началась с 1739 года (от появления первой оды Ломоносова), и для каких-нибудь *ста четырех* лет мы имеем даже много, если не будем считаться, словно с ровнями, с европейскими литературами, которые развивались веками» (Там же).

[44] Сейчас подобное высказывание на «литературоведческом языке» кажется мне неудовлетворительным, некорректным. Оно предполагает существование «литературы» как некой культурно-исторической константы. Сейчас мне кажется более важным подчеркнуть, что в Индию было «перенесено» из Европы нечто принципиально новое: развитие новых родов и видов («жанров») словесности было все же не столько *продолжением* прошлого (пусть и в «перестроенном» облике), сколько *разрывом* с прошлым (хоть в этом *разрыве* можно усмотреть и моменты преемственности). Можно ли назвать, например, железные дороги результатом «коренной перестройки» ранее существовавших средств транспорта? Или представительное правление — результатом «коренной перестройки» традиционной автократии? Или книгопечатание — результатом «коренной перестройки» рукописного воспроизводства текстов? Ср. далее Дополнение [68].

[45] В своей книге «Гёте в русской литературе» (1937 г.) В.М. Жирмунский мимоходом предложил очень, на мой взгляд, ценное для истории литературы (и вообще для истории культуры) понятие *самообслуживания*. Говоря о немецкой литературе XVIII в., Жирмунский замечает, что до поры до времени она «не отличается еще сколько-нибудь значительным национальным своеобразием и следует образцам передовых литератур Запада, французской и английской» (*Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе*. Л., 1982. С. 30). И лишь «Вертер» Гёте (1774 г.) «вывел молодую немецкую буржуазную литературу из стадии провинциализма и самообслуживания на широкие пути “мировой литературы”» (Там же. С. 33). Иными словами, до «Вертера» немецкая литература была интересна и важна лишь для самих немцев и не воспринималась как нечто ценное французами и англичанами. Но Гёте своим «Вертером» и другими произведениями вывел родную словесность на «общеевропейский рынок», заставил французов и англичан читать себя (и, возможно, других немецких авторов).

В этом смысле русская проза (и вообще новая русская литература) вышла из «стадии самообслуживания» по крайней мере начиная с А.С. Пушкина, хотя на Западе это было осознано позже, уже в годы зрелости И.С. Тургенева, Ф.Д. Достоевского и Л.Н. Толстого (см., например: *Brewster D. East–West Passage. A Study of Literary Relationship. London, 1954*). Что же касается романа на индийских языках, то, по-видимому, можно сказать, что он до сих пор еще фактически не вышел из «стадии самообслуживания», а если даже и вышел, то остальному миру об этом пока не известно. На «мировом рынке» более или менее «котируются» лишь некоторые англоязычные индийские романы.

[46] Ср.: «Роман в средневековой (а отчасти и ренессансной) Польше – на том этапе, когда литература на национальном языке только складывалась, – был явлением прежде всего культурным. Его появление на польской почве было обусловлено факторами исключительно культурными, социально-историческими, духовными, что соответствовало пути развития польского общества после принятия западного образца христианства и постепенному – по мере этого развития – приобщению к западноевропейскому типу культуры, постепенному возникновению потребностей и запросов, свойственных этому новому для поляков типу цивилизации» (*Лунатов А.В. Формирование польского романа и европейская литература. М., 1977. С. 112*).

Эти стилистически корявые, но по-своему очень выразительные фразы отражают усилия литературоведа «выкарабкаться» из «литературоведческого языка» и заговорить на языке истории культуры. Сказанное здесь *mutatis mutandis* приложимо и к России, и к Индии.

[47] О Федоре Александровиче Эмине (ок. 1735–1770) см., например: БСЭ, 1-е изд. Т. 64. М., 1933. С. 177–178; История русского романа. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 50–52; КЛЭ. Т. 8. М., 1975. С. 892–893. Кто сейчас вспоминает о нем, кроме специалистов? Да и специалисты его, как видно, не слишком жалуют. Об этом авторе (писателе, переводчике, журналисте) не написано ни одной монографии. Между тем фигура эта явно неординарная, может быть, даже выдающаяся. Шутка ли: быть «первым русским романистом» (как сказано в БСЭ; там же он с трогательной прямо-той 1930-х годов назван «одним из первых пропагандистов буржуазных идей в России»)! А его биография могла бы послужить, наверное, основой для авантюрного романа (если только она не была придумана как роман): «Родился в Константинополе, образование получил в Италии. Служил в янычарах, через Алжир и Испанию попал в Лондон и крестился

в русском посольстве; в 1761 прибыл в Петербург. Зная латынь и несколько новых языков, преподавал в Сухопутном шляхетском корпусе...» (КЛЭ). Точно не говорится даже, кто он был по этнической принадлежности: южный славянин? турок? грек? армянин? еврей? Одно ясно – человек из полиэтничной Османской империи, «безродный космополит», легко прижившийся в другой, соседней, полиэтничной империи и «перенесший» в нее, «пересадивший» на ее «почву» новое для нее «растение» – роман. Примерно в те же годы Екатерина II укореняла в России картофель (впрочем, как и роман, картофель получил в России широкое распространение лишь в XIX в.).

Нельзя не вспомнить, что один из первых поэтов послепетровской России был тоже иностранец и тоже выходец из Османской империи – молдаванин Антиох Кантемир (1708–1744). Как и Ф.А. Эмин, он родился в Константинополе. Не намечается ли интересная тема: Османская империя как «кузница кадров» для империи Российской в XVIII в.?

[48] См., например: *Александров А.А.* Роман в стихах / КЛЭ. Т. 6. М., 1971. С. 363. Особенностью истории русской литературы можно считать то, что первым *великим романом* в ней (и читаемым до сих пор) был именно роман в стихах, «Евгений Онегин». В порядке «альтернативной истории» можно задаться таким вопросом: а мог бы Пушкин (или кто-либо из его современников) написать *равновеликий* большой роман в прозе?

Насколько мне известно, первый роман в стихах, созданный индийцем, – это произведение на английском языке, написанное автором по имени Викрам Сетх (род. в 1952 г. – в Калькутте!) «по образцу» «Евгения Онегина» (в частности – «онегинской строфой»): *Seth V. The Golden Gate. A Novel in Verse.* New York, 1986. Об этом (по-моему, очень искусном, чтоб не сказать больше) романе см.: *Серебряный С.Д.* Русская классика и англоязычная индийская литература («Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Золотые ворота» Викрама Сетха) / Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада. Вып. 1. М., 1992; *Serebriany S.D.* The «Golden Gate» by Vikram Seth as Read by a Russian Indologist / *Jadavpur Journal of Comparative Literature.* 1991–1992. 30.

[49] «В силу определенных условий развития (литературы)» – это одна из «академических» «формул уклонения»: вряд ли мы можем внятно и убедительно объяснить, почему проза получила сравнительно слабое развитие в «до-современной» (pre-modern) Индии; во всяком случае, мне не приходилось читать сколько-нибудь развернутых объяснений этого факта.

[50] Впоследствии П.А. Гринцер, когда он стал заниматься исследованием и переводом «Кадамбари» Баны, изменил свою точку зрения на «санскритский роман» и признал его вполне заслуживающим названия роман без кавычек. См.: *Гринцер П.А. «Кадамбари» Баны и поэтика санскритского романа / Бана. Кадамбари / Издание подготовил П.А. Гринцер. М., 1995.*

[51] «Трансформация литературного сознания» – это выражение из литературоведческого языка, которое мне теперь кажется весьма неудачным (ср. выше Дополнение [44]).

[52] Слова в кавычках – не точная цитата из Гегеля, а нечто вроде резюме разных советских текстов о его философии, которые приходилось читать моему поколению. Ведь мы Гегеля большей частью «учили не по Гегелю» (как, впрочем, и Маркса – не по Марксу и даже, отчасти, Ленина – не по Ленину). Тем не менее и в текстах самого Гегеля можно найти похожие фразы. Например: «...она (история. – С.С.) являлась разумным, необходимым обнаружением мирового духа», «...всемирная история есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образцах...», «...всемирная история есть вообще проявление духа во времени...» и т. д. (*Гегель [Г.В.Ф.] Философия истории / Пер. А.М. Водена / Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 11, 51, 69*). Разумеется, для современного российского читателя эти фразы (насыщенные своеобразной метафорикой) требуют специального и пространного комментария (и может быть, нового перевода). Не стоит делать вид, что, язык Гегеля нам вполне «внятен».

Для постсоветских читателей, пожалуй, имеет смысл пояснить, что тут я вспомнил строки В.В. Маяковского (из поэмы «Во весь голос», 1930): «Мы диалектику учили не по Гегелю, / Бряцанием боёв она врывается в стих...».

[53] С этой проблематикой я познакомился в 1969–1970 гг., работая в ИНИОНе и, в частности, прочитав книгу Гуннара Мюрдаля «Азиатская драма» (*Myrdal G. Asian Drama. An Inquiry into the Poverty of Nations. New York, 1968*). См.: *Серебряный С., Соломин Г. «Азиатская драма» Г. Мюрдаля в мировой прессе / Народы Азии и Африки, 1971, №2*. (Этот обзор откликов на книгу Г. Мюрдаля был написан в соавторстве с Григорием Соломоновичем Померанцем, который тогда тоже работал в ИНИОНе. Но поскольку Г.С. был *persona non grata*, он подписал наш совместный труд как «Г. Соломин». Разумеется, и редакция журнала, и, надо думать, «компетентные органы» знали, кто «скрывается» под этим прозрачным

псевдонимом. Время было еще относительно либеральное. Позже Г.С. не позволяли подписывать ни своей фамилией, ни псевдонимом даже рефераты в реферативных журналах ИНИОНа.)

Не будучи экономистом, беру, тем не менее, на себя смелость предположить, что скромные успехи наших «реформ» 1990-х годов были во многом обусловлены именно тем, что наши «реформаторы» не критически прилагали теории, почерпнутые ими в западных книгах, к нашей, незападной реальности. Ср. с. 63, примеч. 100.

[54] Теперь мне кажется, что выражение «литературный процесс» создано у нас в советское время – наряду с такими выражениями, как «исторический процесс», «(мировой) революционный процесс» и т. д. Ср. с. 41, примеч. 9.

[55] В статье, написанной в 1983–1985 гг., я выразился так: «Индологу тесно в рамках европейского литературоведения. Он может свободно дышать лишь на просторах общей филологии и общей культурологии» (*Серебряный С.Д.* К анализу понятия «индийская литература» / Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987. С. 245). Тогда слово «культурология» имело слегка нон-конформистский привкус, было (по известному выражению О. Мандельштама) «ворованным воздухом». Теперь бы я этого слова не употребил.

[56] Так, например, в постсоветское время было признано, что в XX в. существовало по крайней мере «две русские литературы»: та, что создавалась в пределах СССР, и та, что создавалась в «русском зарубежье» (постсоветский эвфемизм для того, что прежде называлось «эмиграцией»).

[57] Этот роман заслуживал бы специального исследования. Интересны обстоятельства его создания. Автор, Нандашанкар Мехта, судя по всему работал на ниве народного просвещения. Вышестоящий «чиновник», британец по фамилии Рассел (Russel), попросил его написать роман на языке гуджарати по образцу романов Вальтера Скотта. Н. Мехта так и сделал, избрав сюжет, разумеется, из истории родного Гуджарата (см.: *Jhaveri M.* History of Gujarati Literature. New Delhi, 1978. P. 85; *Mehta Ch.* Novel (Gujarati) / Encyclopaedia of Indian Literature. Vol. 4. New Delhi, 1996. P. 2971).

Согласно преданию, первый исторический роман на языке малаялам, «Мартанда Варма» (1891), был написан его автором, Раманом Пилле (C.V. Raman Pillai, 1858/59–1922/23), по просьбе раджи Траванкора, который хотел читать на родном языке романы о родной истории в духе

того же Вальтера Скотта. Роман «Мартанда Варма» (название – имя главного героя, принца) повествует о событиях из истории княжества Траванкор и о предках того раджи, по просьбе которого роман был написан. Так причудливо переплелись традиции придворной словесности и методы «современной» литературы. К 1979 г. роман «Мартанда Варма» выдержал девяносто два (!) издания. См. его перевод на английский язык: *Raman Pillai C.V. Marthanda Varma / Tr. by R. Leela Devi. New Delhi etc., 1979.*

[58] Интересно было бы сравнить истории восприятия произведений Дж. Беньяна в Индии и России. Как известно, по мотивам «Pilgrim's Progress» А.С. Пушкин написал стихотворение (фрагмент не продолженной поэмы?) «Странник» (1835): «Однажды, странствуя среди долины дикой...».

[59] Ричард Уэлсли (вернее – Уэлзли: Marquess of Wellesley, 1760–1842) был генерал-губернатором в Индии с 1798 по 1805 г. Более знаменит его брат Артур, известный у нас под именем Веллингтон (собственно – Duke of Wellington, герцог Веллингтонский, 1769–1852), победитель Наполеона под Ватерлоо. В 1796–1805 гг. он командовал британскими войсками в Индии. Два брата сыграли большую роль в утверждении британской власти в Индии.

[60] Интересное совпадение: примерно в то же время, в начале 1850-х годов, появился и первый роман на языке иврит: «Ахават Цион» («Любовь к Сиону»); автор – уроженец Литвы Авраам Мапу (1808–1867), «основоположник романа на языке иврит».

[61] В 1978 г. я не смог достать роман «Парикша – гуру» и судил о нем лишь по пересказам в различных «Историях литературы». Теперь об этом произведении написала кандидатскую диссертацию московский индолог Т.А. Дубянская, любезно предоставившая в мое распоряжение ксерокс переиздания романа (Дели, 1958). Характерная деталь: ксерокс был получен из Голландии, потому что в самой Индии достать какое-либо издание этой книги оказалось практически невозможным. Роман «Парикша – гуру», конечно, никогда не станет «достоянием мировой литературы» или «мировым бестселлером». Но для индолога, историка индийской культуры это захватывающее чтение. В романе неожиданным образом сочетаются традиции индийской словесности и европейской литературы Нового времени, идеи (понятия, слова) традиционно индийские – и новоевропейские. Иначе говоря, это текст на «стыке куль-

тур (цивилизаций)». Впрочем, примерно то же, наверное, можно сказать и о других ранних (только ли ранних?) индийских романах. Надеюсь, Т.А. Дубянская на основе своей диссертации напишет книгу о романе «Парикша – гуру» и о его авторе, которого звали Шринивас Дас (это обычнейшее индийское имя, нечто вроде Иван Петрович Сидоров или Петр Сидорович Иванов).

[62] Буквальный перевод названия этого романа: «Дочь начальника крепости». Русский читатель не может не вспомнить в этой связи повесть (индийцы бы сказали: «короткий роман») А.С. Пушкина «Капитанская дочка». И А.С. Пушкин, и Б. Чоттопадххай создавали свою историческую беллетристику, вдохновляясь романами Вальтера Скотта. Было бы интересно провести сравнительное исследование аккультурации В. Скотта в России и Индии.

[63] «Закономерность» – одно из ключевых слов «советского языка». Оно требует специального (и довольно обширного) исследования.

[64] Роман назывался «Кундалата» – по имени главной героини, принцессы, которую крадут, но потом находят и возводят на престол. Имя автора – Аппи Недунгади (1863–1933). См.: *Velayudhan S. Novel (Malayalam) / Encyclopaedia of Indian Literature. Vol. 4. New Delhi, 1996. P. 2981.*

[65] В 1978 г. я мог судить о романе «Индулекха» лишь на основании статьи Р. Эшера в книге «The Novel in India». Позже переиздание английского перевода этого романа (*Chandu Menon O. Indulekha. A Novel from Malabar / Tr. into English by W. Dumergue. [2nd ed.] Calicut, 1965*) достал мне по моей просьбе мой индийский друг Мадхаван К. Палат (профессор русской и европейской истории в Университете Дж. Неру, Дели). Примечательная деталь: профессор М.К. Палат был назван Мадхаваном в честь своего деда, а тот, в свою очередь, обязан этим именем как раз герою романа «Индулекха». Прадед моего друга, давший своему сыну имя Мадхаван, сам был писателем на языке малайалам (современником Чанду Менона). Его имя – Венгайил Кунхираман Наянар «Кесари» (ум. 1915).

Роман «Индулекха» заслуживает специального исследования (и, может быть, даже перевода на русский язык) – не просто как эпизод в «истории индийской литературы Нового времени», а как многогранный факт в истории индийской культуры «британского периода». Примечательно, среди прочего, то, что этот роман был переведен с малайалам на английский чиновником британской администрации (начальником Чанду Мено-

на), который предпослал этому переводу интересное «Предисловие переводчика» (См.: *Chandu Menon O. Indulekha. A Novel from Malabar / Tr. into English by W. Dumergue. Calicut, 1965. P. vii – ix*).

Иными словами, прежде чем быть включенным в то или иное «номотетическое», «генерализирующее» (= обобщающее) описание (или, как теперь модно говорить, «повествование»), ориентированное на установление «законов» и «закономерностей», роман «Индулекха» заслуживает «идиографического» исследования, которое воздало бы должное этому роману как «идиоме», т. е. явлению своеобразному (*sui generis*).

Ср. замечание Е.М. Мелетинского: «Что же касается “Дон Кихота”, то это – совершенно уникальное произведение, глубинным образом связанное с кризисом ренессансной культуры. Похожих на “Дон Кихота” произведений нет и в других странах...» (*Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 213*).

[66] См. в этой связи, например: *Сараскина Л.И., Серебряный С.Д. Ф.М. Достоевский и Р. Тагор (Историческая типология, литературные влияния) / Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985; Серебряный С.Д. Восприятие художественного творчества Льва Толстого в Индии (Южной Азии) / Лев Толстой и литературы Востока. М., 2000; Серебряный С.Д. Индийское перевоплощение Анны Карениной (роман «Сожжение дома» Ш. Чоттопадхья) / На семи языках Индостана. Памяти А.С. Сухочёва. М., 2002; Серебряный С.Д. Русская классика и англоязычная индийская литература («Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Золотые ворота» Викрама Сетха) / Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада. Вып. 1. М., 1992.*

[67] В одной из своих «неакадемических» работ я однажды попытался коснуться этой темы:

«Современная индийская проза не добила еще всемирного признания. Мы еще не знаем таких индийских прозаиков, имена которых можно было поставить рядом с именами Толстого или Достоевского, Фолкнера или Маркеса.

Что касается причин подобного положения, то, может быть, одна из главных состоит в том, что, как уже говорилось, современные индийские литературы имеют довольно ограниченную социокультурную базу в собственной стране и вынуждены сосуществовать с многовековыми пластами старинной литературы, служащей основной духовной пищей для массы народа. Другая возможная причина – отсутствие сколько-нибудь развитых традиций прозы в добританский период. Существенно также и то,

что современная индийская культура, современная индийская жизнь обладают огромной самобытностью, и поэтому литература, отражающая эту жизнь, не может не оставаться во многом чужой и малопонятной для представителей иных культур. Наконец, дело, быть может, еще и в том, что современную индийскую прозу просто недостаточно переводят на языки других народов.

Так или иначе, современная индийская... проза интенсивно развивается – и кто знает, какие открытия ожидают нас в ближайшие десятилетия?» (*Серебряный С.Д., Коровин В.Л.* Послесловие / Ночная птица. Современная проза Бенгалии / Пер. с бенг. М., 1984. С. 327).

[68] Эта формулировка подразумевает существование «литературы» как некой универсальной константы и, таким образом, несколько затушевывает масштабы сдвигов, произошедших в индийской культуре в XIX–XX вв. Сейчас я думаю, что вернее было бы говорить о «перенесении» (*transfert*) в Индию самой «литературы» как «культурного института», как продукта новоевропейской культуры (подобно тому, как были «перенесены» в Индию книгопечатание, железные дороги, идеи европейского права и т. д.; ср. выше Дополнение [44]). Далее следовало бы задаться, например, вопросом: в какой мере этот «институт» может успешно функционировать и развиваться в стране, где почти половина населения неграмотна – и поэтому предпочитает получать информацию в аудиовизуальной форме (отсюда – бурное развитие индийского кино)? Но подобные вопросы далеко выходят за рамки литературоведения и требуют для своей разработки междисциплинарного подхода.

[69] Здесь имеет смысл воспроизвести последние страницы опубликованного варианта статьи¹, поскольку на этих страницах обсуждается материал, отсутствующий в первоначальной версии.

...Преимственность с предшествующими традициями повествовательных жанров можно обнаружить и не только в столь явных случаях, как *адбхут кадамбари*, *тилисми упаньяс* или переводы-переложения из Рейнолдса. Рассмотрим с этой точки зрения, например, две книги Б. Чоттопаддхы: исторический роман «Раджсинх» и социально-бытовой роман (повесть) «Индира».

Б. Чоттопаддхай (1838—1894) по справедливости считается крупнейшим бенгальским и вообще индийским романистом XIX в. Именно он окончательно утвердил в бенгальской литературе жанр романа – как исторического, так и социально-бытового. Романы Чоттопаддхы переводят-

лись на многие индийские языки и способствовали развитию этого жанра в других индийских литературах (подробно о творчестве Чоттопаддхая см. книгу В.А. Новиковой²). Исторические романы Чоттопаддхая, посвященные прошлому Индии, принесли ему славу «бенгальского Вальтера Скотта». Бенгальский писатель получил солидное английское образование (он был одним из первых «бакалавров искусств» Калькуттского университета), разумеется, читал и романы В. Скотта, и не приходится сомневаться в том, что английский романист оказал немалое влияние на его творчество. Но столь же несомненны и собственно индийские истоки исторических романов Чоттопаддхая (мы имеем в виду не их индийскую тематику, а их художественную структуру).

Роман «Раджсинх», изданный в окончательной редакции в 1893 г., за год до смерти Б. Чоттопаддхая, считается лучшим из исторических романов писателя³. В его основе лежат подлинные события индийской истории XVII в. – война между Великим Моголом Аурангзебом и раджпутским князем Раджсинхом. В 1658 г. в битве с Аурангзебом погиб раджа мелкого раджпутского княжества Кришнагар. Аурангzeb по праву победителя собирался жениться на его старшей дочери. Но, как пишет В.А. Новикова, «гордая раджпутка попросила защиты у Раджсинха, предложив ему себя в жены. Раджсинх принял предложение, во главе своего войска явился в Кришнагар и пышно отпраздновал свадьбу с молодой княжной»⁴. Несомненно, этот эпизод не способствовал улучшению отношений между Раджсинхом и Аурангзебом. Но война между ними началась лишь почти через 20 лет, в 1679, г., когда Раджсинх отказался платить джизию, налог на неверных.

Б. Чоттопаддхай, претворяя историю в роман, сделал главной пружиной сюжета и главной причиной войны между Раджсинхом и Аурангзебом проблему замужества раджпутской принцессы, Чанчаль-кумари. Отец Чанчаль-кумари (который, в отличие от своего исторического прототипа, оставлен романистом в живых), повинувшись обычаю и политической необходимости, готов отдать свою дочь в жены Аурангзебу. Чанчаль-кумари пишет письмо Раджсинху с просьбой спасти ее. Раджсинх отбивает принцессу у могольского отряда, везущего ее в Дели. Разгневанный Аурангzeb идет войной на Раджсинха, но тот наносит Великому Моголу поражение и оставляет Чанчаль-кумари за собой. Такова основная сюжетная линия романа.

Можно заметить, что «любовный треугольник» в «Раджсинхе» (с четвертым, родительским «углом») подобен «любовному треугольнику» в социально-бытовом романе Чанду Менона «Индулекха». И там и тут мо-

лодную девушку собираются выдать замуж за недостойного (пожилого, «чужого» и т. д.) человека, но этой перспективе противопоставлена настоящая, «естественная» любовь, которая в конце концов торжествует. Истоки этой сюжетной структуры романа «Раджсинх» можно искать и у Вальтера Скотта, и у каких-либо других европейских романистов, но с равным правом – и во всей предшествующей повествовательной традиции, вплоть до фольклора, как в Индии, так и за ее пределами.

Некоторые элементы поэтики «Раджсинха» роднят его с традицией *дастанов*. Например, в *дастанах*, сюжет которых большей частью состоит в том, что герой ищет героиню, свою возлюбленную, сама любовь возникает в сердце героя при виде портрета героини. В «Раджсинхе» завязка сюжета также связана с портретами: Чанчаль-кумари влюбляется в Раджсинха по его миниатюрному изображению и одновременно топчет портрет Аурангзеба, что, собственно, и вызывает гнев Могола, который требует принцессу себе в жены с намерением наказать ее за дерзость. Как видим, здесь обычный дастанский мотив как бы перевернут: не герой влюбляется в героиню по портрету, а наоборот. Герой, Раджсинх, борется за героиню в ответ на ее просьбу, и героине, даже освобожденной от притязаний «отрицательного» претендента на ее руку, приходится еще завоевывать любовь своего избранника. Вероятно, и для такого «перевернутого» сюжета (или по крайней мере для отдельных «перевернутых» мотивов) можно отыскать прецеденты в Индии или за ее пределами. Так или иначе, мотив «героини, добывающей любви своего избранника», обладал, надо думать, особой притягательностью для Б. Чоттопадхя, что видно на примере его социально-бытовой повести «Индира».

Героиню повести, Индиру, выдают, по обычаю, замуж лет в двенадцать, но она остается жить в доме отца, так как он считает, что зять недостаточно богат, чтобы содержать жену. Обиженный зять уезжает на заработки в Пенджаб и через семь лет возвращается, разбогатев. Индиру в паланкине и в сопровождении слуг отправляют из родительской деревни в деревню мужа, но по дороге ее крадут разбойники. Их интересуют только драгоценности. Не беря большего греха на душу, разбойники оставляют девушку в лесу. Индира добирается до ближайшей деревни, а оттуда – в Калькутту, где поступает служанкой в дом одного адвоката. Добрые хозяева, узнав о ее злключениях, находят мужа Индиры, но она не может просто сказать ему, что она его пропавшая жена. Муж не принял бы ее, так как, побывав у разбойников, Индира не просто запятнала себя в глазах общества, но, по индусским представлениям, наверняка потеряла касту⁵. Девушка ставит перед собой задачу: завоевать любовь соб-

ственного мужа, не открываясь ему. Задача, связанная с определенным риском, успешно выполнена, очарованный муж готов жениться на служанке своего адвоката – и в конце концов узнает, что это и есть его жена.

Выражая общепринятое мнение, В.А. Новикова пишет, что в повести «Индира», как и в других повестях Б. Чоттопадхья, центральная проблема – «положение женщины в индийском обществе»⁶. «Героиня повести – Индира выступает носителем новой морали; она пренебрегает условностями и смело отстаивает свое право на счастье. Индира – это совершенно новый тип бенгальской женщины»⁷. Вместе с тем нельзя не заметить, что сюжет «Индиры» сложен из традиционных мотивов мирового фольклора. Центральный мотив – поиски потерянного мужа (возлюбленного) и завоевание его любви – мы находим, например, в русской сказке «Финист – ясный сокол» (№ 432 по указателю сказочных сюжетов Аарне–Андерсена), а также в том типе сказок, который в данном указателе назван – по своему наиболее знаменитому представителю – «Амур и Психея» (№ 425). Начальный мотив «Индиры» – «испытание зятя» – также весьма распространен в мировом фольклоре, что, разумеется, не исключает его «реалистичности» в контексте современной Чоттопадхья действительности.

Вообще две приведенные трактовки повести «Индира» – как произведения, посвященного определенным общественным проблемам Индии XIX в., с одной стороны, и как композиции из классических мотивов мировой повествовательной литературы, с другой, – отнюдь не противоречат друг другу, но находятся в отношении дополнительности. Исследователи долитературной словесности отмечают, что одни и те же сюжеты, мотивы и композиционные схемы «кочуют» из одного рода (жанра) словесности в другой: из мифа в сказку, из сказки в эпос и т. д.⁸ Но эти «кочующие» структурные элементы каждый раз включаются в функциональную систему соответствующего рода словесности и подчиняются его семантике и прагматике. Пример романов Чоттопадхья показывает, что сюжеты и мотивы из долитературной словесности могут «докочевывать» и до собственно литературы (по крайней мере до таких «стадиально ранних» ее образцов, как рассматриваемые произведения), подчиняясь соответственно ее семантике и прагматике. Так, мотив «завоевание женой любви собственного мужа» может быть сочтен одним из вечных мотивов мировой повествовательной литературы, но для индийских читателей «Индиры» он действительно мог служить примером преодоления современных им индусских предрассудков, примером «борьбы женщины за свои права». Точно так же, хотя «любовный треугольник», лежащий в

основе исторического романа «Раджсинх» и социально-бытового романа «Индулекха» (см. выше), вполне «архетипичен», повествования, созданные на этой основе, могли звучать как гимн индусской доблести в первом случае и как критика косных индусских обычаев – во втором. В терминах общей семиотики мы имеем здесь дело с полисемантичностью знака (или, иначе говоря, с произвольностью знака): один и тот же знак (в данных случаях – мотивы и сюжетные схемы) может иметь различные значения в зависимости от той контекстуальной системы, в которой он функционирует, и, наоборот, для выражения некоего значения (смысла) могут быть выбраны разные знаки.

Приведем еще один характерный пример, подобный примеру с повестью «Индира». Первыми романами на урду обычно называют дилогию Назира Ахмада (1836—1912) «Зеркало невесты» (1869) и «Созвездие Большой Медведицы» (1878). Как и автор «Индулекхи» Чанду Менон, Назир Ахмад служил в годы написания этих романов в британской администрации. Как и «Индулекха», эти романы затрагивали современные проблемы и своим появлением удовлетворили определенную общественную потребность. По утверждению Назира Ахмада, оба романа он написал для своих дочерей, чтобы в интересной форме внушить им идеи так называемого Алигархского движения, одним из деятелей которого был он сам. Будучи изданы, эти книги имели широкий успех и положили начало новой эпохе в истории литературы урду (и в этом сходство с «Индулекхой», которая была создана для узкого круга, а стала событием в литературе малаялам).

«Зеркало невесты» – это история двух сестер, старшей, Акбари, и младшей, Асгари. Акбари ведет себя неразумно и поэтому попадает в различные беды. Асгари, напротив, образец благоразумного поведения и преуспевает в жизни. Асгари организует школу для девочек, о которой повествует вторая часть дилогии – «Созвездие Большой Медведицы». Собственно, этот роман состоит из серии бесед, происходящих в школе между Асгари и ее ученицами. «Созвездие Большой Медведицы» написано Назиром Ахмадом, как уже упоминалось, в подражание книге английского писателя Томаса Дея «История Сандфорда и Мертона»⁹, которая также построена в виде нравоучительных бесед священника с детьми. В то же время очевидно, что сюжет о двух сестрах, «хорошей» и «плохой», лежащий в основе дилогии, – один из наиболее распространенных в мировой словесности. На этот традиционный сюжет Назир Ахмад создал в высшей степени злободневное произведение, затрагивавшее основные проблемы мусульманского общества Северной Индии второй половины

XIX в. Как видим, в диалогии Назира Ахмада переплелись различные элементы, различные «влияния».

История становления романа в новых индийских литературах – это история «укоренения», «аккультурации» нового жанра в условиях перестройки всего здания литературы, история «аккультурации» нового явления в культуре.

По ходу этого процесса «аккультурирующееся» явление приобретало черты и свойства той «среды», «почвы», в которую оно пересажено, т. е. черты и свойства повествовательных традиций, бытовавших в Индии до появления нового романа. Свойства этих традиций во многом определяли также избирательный характер восприятия внешних влияний. Однако особенности развития романа в Индии можно объяснять не только теми или иными внешними либо «автохтонными» влияниями. В некоторых случаях представляется оправданным предположить существование общих закономерностей складывания новых повествовательных форм. Одной из таких закономерностей может быть использование «стандартных» мотивов и сюжетных схем, широко распространенных в мировой словесности от фольклора до романа. При этом в каком-то смысле безразлично (а часто, вероятно, и неустановимо), откуда именно взяты эти «стандартные», «архетипические» элементы – из «собственной», индийской словесности, или из «чужой». «Свое» и «чужое» во многих случаях неразлично. Поэтому наряду с диалектикой разрыва и преемственности традиций можно говорить о диалектике универсального (мирового) и культурно-специфического как в самих традициях, так и в процессах их преобразования¹⁰.

Примечания

¹ *Серебряный С.Д.* «Свое» и «чужое» в новом индийском романе / Генезис романа в литературах Азии и Африки. М., 1980. С. 245–250. См. с. 3 наст. издания.

² *Новикова В.А.* Бонкимчондро Чоттопаддхай. Жизнь и творчество. Л., 1969.

³ См. там же. С. 161–166.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ На самом деле Б. Чоттопаддхай позаботился о том, чтобы его героиня касту не потеряла: разбойники к ней даже не прикоснулись, а в течение своих последующих скитаний Индира строго соблюдала все кастовые правила.

⁶Новикова В.А. Бонкимчондро Чоттопаддхай. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 250.

⁷Там же. С. 201.

⁸См.: Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 150.

⁹См.: Сухочёв А.С. От дастана к роману. С. 118—119.

¹⁰Ср. подобные же наблюдения и рассуждения на материале монгольской литературы в статье: Дамдинсурэн Ц., Серебряный С.Д. «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов / Литературные связи Монголии. М., 1981.

Россия и Индия:
Заметки по сравнительной истории двух стран

Среди признанных гуманитарных дисциплин у нас еще как будто не числится «сравнительная история», которая вполне могла бы получить права гражданства наряду, скажем, со сравнительным литературоведением или сравнительным языкознанием. Одна из проблем тут заключается, по-видимому, в том, что в двух последних случаях сравнительно легче выбирать и определять единицы сравнения: например, авторов и их произведения в сравнительном литературоведении или языки и их составные части в сравнительном языкознании. Когда сравнительный подход используется в исторических исследованиях, то в качестве единиц сравнения часто берут «цивилизации» или «культуры», но даже эти «единицы» обычно не имеют столь же просто определяемых внешних границ и внутренних структур, как, скажем, литературные тексты или литературные языки. В качестве единиц для сравнения можно выбирать также отдельные страны (две или больше), но и этот подход имеет свои очевидные трудности.

Но, как бы там ни было, для тех, кто, живя в России, изучает Индию (Южную Азию), всегда есть соблазн сравнивать истории этих двух стран (можно сказать – также «этих двух цивилизаций»), сколь бы натянутыми, парадоксальными и/или дилетантскими ни казались такие сравнения более трезвым умам.

Позволю себе сначала сравнить некоторые события в названных двух странах (или, скорее, исторические периоды, разграниченные определенными событиями), которые произошли на моем веку и запечатлены в моей собственной памяти. В последние десятилетия XX в. некоторые важнейшие события в Индии и в России (до 1991 г. – в СССР) странным образом как бы соединены во времени.

Джавахарлал Неру (1889–1964) и Никита Хрущев (1894–1971) – имена этих двух политиков тесно связаны между собой: именно они установили довольно дружеские отношения между двумя странами. Дж. Неру умер в мае 1964 г. В октябре того же года Н. Хрущев был свергнут и ушел из политической жизни.

Последующие два десятилетия в Индии прошли в основном под знаком Индиры Ганди (1917–1984). В СССР подобной ей фигурой был Лео-

нид Брежнев (1906–1982). В годы правления этих политиков истеблишменты двух стран хорошо ладили друг с другом. Пусть будущие историки рассудят, насколько сопоставимы политические, экономические и социальные процессы, происходившие в России и Индии в 1964–1984 гг., но уже сейчас нельзя не заметить, что в середине 1980-х годов и Индия, и СССР пересекли важные рубежи своей истории. Индира Ганди была убита в октябре 1984 г., Леонид Брежнев умер двумя годами раньше, в октябре 1982 г., но тот исторический период, который он символизирует (позже названный «периодом застоя»), длился до марта 1985 г., когда умер Константин Черненко (1911–1985), освободив место для Михаила Горбачева. Вновь, как и в 60-е годы, смена ключевой фигуры в Индии предшествовала сравнимым переменам в России (СССР).

К концу 1984 г. Раджив Ганди (1944–1991) возглавил правительство Индии. В начале 1985 г. Михаил Горбачев (р. 1931) возглавил руководство СССР. Эти два политических деятеля и лозунги, ими провозглашенные, имели между собой много общего. Оба обещали «новые подходы» к проблемам своих стран: «ускорение» экономического развития, компьютеризацию и т. д. В 1986 г. оба лидера подписали прекрасную «Делийскую декларацию» (ныне как будто совсем забытую), в которой были возведены великие принципы мира, демократии, прав человека и ненасилия.

Оглядываясь назад, мы теперь с сожалением понимаем, что и Раджив Ганди, и Михаил Горбачев были слишком наивными и неумелыми политиками, не соответствовавшими тем огромным задачам и тяжелым ношам, которые были возложены на них историей (или судьбой, или Богом – выбирайте, что хотите). Раджив Ганди заплатил своей жизнью за это несоответствие. Когда его убили в мае 1991 г., власть перешла к более искушенным и осторожным политикам, которые смогли управлять Индией вплоть до выборов 1996 г.

Смерть индийского лидера в очередной раз как бы предвосхитила судьбу его коллеги в России. Неудавшаяся попытка переворота в СССР в августе 1991-го и последующие события того «судьбоносного» года «убили» Горбачева как политическую фигуру. Все его попытки воскресить себя пока что были безуспешными.

Не буду продолжать эти рискованные сравнения. В самом деле, после 1991 г. как будто преобладают различия. В 1991 г. Раджив Ганди погиб, но его страна пережила его гибель. Михаил Горбачев выжил физически, но страна (точнее держава), которой он правил более шести лет, перестала существовать как таковая и распалась.

Распад Советского Союза (то, чего многие, наверное, желали, но мало кто ожидал в столь скором времени) и другие перемены границ в Европе (объединение Германии, разделение Чехии и Словакии, ужасный развал Югославии) не могли не возбудить интереса к старому вопросу о том, сколь прочны и неизменны нынешние политические границы в Южной Азии. Но поскольку до сих пор перемены в Индии предшествовали переменам в России (как бы превосходя их), а не наоборот, то мы можем быть уверенными в том, что Индия (как и Южная Азия в целом) сможет существовать и далее, не распадаясь на части.

Так я подошел к, возможно, самому деликатному и, несомненно, одному из наиболее важных моментов сравнения России и Индии. Обе страны складывались не как «национальные государства» (в западноевропейском смысле), но как полиэтнические¹ образования – как то, что называют «империями».

Становление обеих империй в XVIII–XIX вв. (ограничимся этими хронологическими рамками) можно рассматривать как часть того общемирового (глобального) процесса, который вкратце именуется «экспансией Запада». История Российской империи начинается с реформ Петра I, который стремился пересадить некоторые элементы западноевропейской цивилизации на незападную российскую почву. Деятельность Петра I и его преемников по созданию империи в России сопоставима с деятельностью британцев по созданию империи в Индии (Южной Азии): по ходу строительства своей империи британцы также – намеренно или ненамеренно – пересадили много элементов западной цивилизации на незападную индийскую почву. Истории этих двух империй заслуживают тщательного и детального сравнения по многим аспектам.

Обычно эти две истории рассказываются по-разному, в разных терминах: одна – как история преобразования России, предпринятая и осуществленная самими русскими, другая – как история чужеземной власти в «колонизированной» и «порабощенной» стране. Однако данное различие не столь абсолютно, как кажется. Преобразование Индии в XVIII–XIX вв. осуществлялось не только британцами, но и многими индийцами, которые так или иначе способствовали усилиям иноземных правителей и/или дополняли (порой и корректировали) эти усилия. С другой стороны, преобразование России было вдохновлено примером Западной Европы, и, более того, немало западноевропейцев в XVIII и даже в XIX в. приняло активное участие в этом процессе. Со второй половины XVIII в. даже монархи в России этнически были более западноевропейцами (в основном немцами), чем русскими. В результате «европеизации», начатой

Петром I, культурная дистанция в России между правящей и образованной элитой, с одной стороны, и традиционными массами народа, с другой, была ненамного меньшей, чем культурная дистанция в Индии между британцами (а также европеизированной элитой) и ее местным, традиционным населением. Российские идеологи «славянофильства» в XIX в. подчеркивали «иностранность» образованной элиты в России и иногда сравнивали ее именно с британцами в Индии. Одним из интересных аспектов сравнения России и Индии были бы компаративные исследования идеологических движений в этих двух странах в XIX–XX вв., а именно контрапунктных развитий «западнических» (универсалистских) и «этнофильских» (партикуляристских, «почвеннических») тенденций.

Петр I основал в 1703 г. столицу своей новой империи, Санкт-Петербург, в устье реки Невы, связывающей глубины материка с просторами морей и океанов. Примерно в то же время, в конце 1690-х годов, британцы основали будущую столицу их империи в Индии, Калькутту, в устье реки Ганги, которая связывала просторы морей и океанов с глубинами материка. Петр I стремился «прорубить окно в Европу». Британцы стремились «прорубить окно в Индию». В обоих случаях выбор места для столицы, продиктованный политическими и экономическими соображениями, был не очень удачен: жалобы на плохой климат Санкт-Петербурга и Калькутты – постоянные темы в России и Индии соответственно. Не раз отмечалось также подобие архитектурных обликов двух столиц.

Еще одно странное совпадение: оба города перестали быть столицами своих империй примерно в одно и то же время. Калькутта – официально в 1911 г., но реально – к началу двадцатых; Санкт-Петербург (тогда уже Петроград) – в 1918-м. В обоих случаях правители решили перенести столицу обратно на ее прежнее место в сердце материка: в Дели и в Москву. Интересно было бы провести сравнительное исследование причин и мотивов, побудивших британское правительство, с одной стороны, и большевистское правительство, с другой, предпринять столь сходные шаги.

В обеих странах начало XX в. было временем беспокойным. В России 1905–1907 гг. – это годы «первой революции». В Индии те же годы отмечены «первым разделом Бенгалии» и последовавшими за ним волнениями. В России «первая революция» вынудила самодержавие преобразоваться в конституционную монархию. В Индии за периодом волнений последовали реформы Морли-Минто (1909). История конституционных реформ (конституционализма) в Индии и России – еще одна увлекательная тема для возможных сравнительных исследований.

К сожалению, в России эволюция в сторону конституционного режима и парламентской демократии была остановлена Первой мировой войной и революцией 1917 г. Первая мировая война разрушила несколько империй в Евразии: Османскую, Австро-Венгерскую, Германскую – и Российскую. Британская империя в целом и Индийская империя в частности в той войне выжили. Потребовалась еще одна мировая война, чтобы положить конец британской империи в Индии и положить начало дезинтеграции Британской империи в целом.

Российская империя в XX в. пережила две дезинтеграции. Первая началась в 1917 г. После самоубийственной гражданской войны империя была воссоздана вновь в 1922 г., хотя и в несколько уменьшенном виде (частично восполненном в 1939–1940 гг.) и под другим именем (Союз Советских Социалистических Республик). Начала конституционализма и парламентской демократии были подавлены, и была восстановлена самодержавная форма правления (хотя, разумеется, с иным идеологическим основанием), еще менее совестливая и менее цивилизованная, чем *ancien régime*.

В Индии в те годы также не было недостатка в экстраординарных событиях. Достаточно вспомнить расстрел в Джаллианвала Баг в 1919 г. и движение «несотрудничества» (вместе с «халифатистским движением») 1920–1921 гг. Однако в то же самое время происходили и события менее яркие, но, может быть, более значимые. В 1917 г. было официально объявлено, что конечная цель «правительства Его Величества» – «поступательное утверждение ответственного правительства в Индии как неотъемлемой части Британской Империи». Важным шагом в этом направлении был Закон об управлении Индии 1919 г. (известный под именем «реформы Монтэгу-Челмсфорда»). В то время как Россия истребляла себя в гражданской войне, приведшей всего лишь к установлению новой формы самодержавия, Индия двигалась, хоть и спотыкаясь, к более цивилизованным формам правления.

События 1917–1922 гг. в России вынесли на поверхность прежде малоизвестного деятеля по имени Владимир Ульянов (1870–1924), ставшего всемирно знаменитым как В.И. Ленин. В те же годы в Индии крупнейшей политической фигурой стал Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948), которого ныне больше знают как Махатму Ганди. Политические карьеры этих двух людей (почти ровесников) – и, помимо прочего, посмертные судьбы их идейных наследий – обнаруживают как поразительные черты сходства, так и весьма красноречивые различия, которые бросают яркий свет на сходства и различия политических и идеологических процес-

сов в России и Индии в XX в. Сравнение В.И. Ульянова-Ленина и М.К. Ганди – как политиков и идеологов, как живых людей и как символов – еще одна увлекательная тема для возможных исследований, которые, вероятно, имело бы смысл проводить совместно российским и индийским ученым.

К счастью для Индии, в XX в. там не возникло фигуры, подобной Иосифу Джугашвили-Сталину (1879–1953). Это чудовище скорее можно сравнить с некоторыми правителями из индийского «средневековья», например, с Ала-уд-дином Хальджи (правил в 1296–1316 гг.) или с Мухаммадом Туглуком (правил в 1325–1351 гг.), прозванного «хуни» («кровавый»).

Среди прочего, Сталин был большой мастер лицемерия и обмана². В 1936 г. была обнародована новая конституция СССР, которую обычно называли «Сталинской конституцией» (хотя, как мы теперь знаем, она была написана в основном Н. Бухариным, осужденным и расстрелянным в 1938 г. как «враг народа»). Эта конституция содержала прекрасные слова о правах человека и демократии, но вовсе не была предназначена для воплощения в жизнь. Было бы поучительно сравнить «Сталинскую конституцию» 1936 г. с Законом об управлении Индией 1935 г., который также не был полностью воплощен в жизнь, но по крайней мере, я полагаю, был задуман вполне всерьез – и стал своего рода черновиком для будущей конституции независимой Индии³.

В 1947 г. британская империя в Индии прекратила свое существование и была преобразована в два независимых государства: Индию (с 1950 г. – Республика Индия) и Пакистан (который в 1971 г. в свою очередь был разделен на Пакистан и Бангладеш). Многие индийцы (а также пакистанцы и бангладешцы) вспоминают те события прежде всего как «Раздел» (the Partition). Советские историки также обычно подчеркивали то обстоятельство, что в 1947 г. прежде единая (с каких пор?) «страна» была поделена на две части. Но если вспомнить, что британская империя в Индии состояла из нескольких «британских» провинций и нескольких сотен (!) «туземных» княжеств, то тогда «раздел» этой сложной структуры (созданной британцами в XVIII–XIX вв.) *всего лишь на два* государства окажется похожим скорее на объединение Германии или Италии в прошлом веке.

Тем не менее, для Бенгалии и Пенджаба это был действительно раздел единого целого на две части, раздел, сопровождавшийся немалыми человеческими жертвами (причем не только в самих Бенгалии и Пенджабе, но почти по всей Северной Индии). Поэтому события 1947 г. в Юж-

ной Азии могут быть по праву описаны как одновременно и трансформация, и дезинтеграция, и в этом плане (а также в плане человеческих жертв) их можно сравнить с первой дезинтеграцией Российской империи в 1917–1918 гг. Некоторые эпизоды истории Южной Азии конца 1940-х годов можно вполне сравнить с событиями гражданской войны в России 1917–1921 гг. (например, «Калькуттскую резню» 1946 г. или «полицейскую акцию» по включению Хайдерабада в Индийский Союз в 1948 г.).

В 1991 г. Российская империя распалась во второй раз за одно столетие, но теперь уже процесс, кажется, необратим. Этот распад Российской империи обычно (и в целом, как мне кажется, справедливо) сравнивают с процессами распада других европейских колониальных империй в XX в.: британской, голландской, французской, португальской. Но те россияне, кто изучали историю Индии, не могли не вспомнить в данной связи именно «Раздел» Южной Азии в 1947 г. То, что для нескольких поколений было одной огромной территорией (которую с гордостью называли «шестой частью Земли»), охваченной единой политической властью (хоть и не любимой или даже ненавидимой многими), неожиданно было разделено на более дюжины отдельных государств, большинство из которых не имеет никаких прецедентов в прошлом. Человеческие страдания, порожденные самим разделом и особенно местными войнами, которые этот раздел спровоцировал, также вызывают в памяти «Раздел» Южной Азии в 1947-м – и еще первый крах Российской империи в 1917-м и в последующие годы.

Однако события в России (и в бывшем СССР в целом) после 1991 г. – это еще слишком недавняя история (или, может быть, вообще еще не *история*, а *настоящее*), чтобы стать предметом исторического исследования, сравнительного или какого-либо иного...

В заключение замечу лишь, что и Российская Федерация, возникшая в результате распада СССР в 1991 г., и Республика Индия, возникшая в результате Раздела Южной Азии в 1947 г., – это также отнюдь не «национальные государства» (в западноевропейском смысле), но полиэтнические образования, т. е. по-прежнему в известном смысле «империи», и, как таковые, также представляют собой перспективные объекты для сравнительных исследований.

Я здесь лишь бегло коснулся некоторых возможных точек сравнения Индии и России. Но я надеюсь, что мне удалось показать, что сравнительное изучение истории этих двух стран может быть вполне правомерной и очень интересной областью научных усилий.

Примечания

- ¹ По-русски здесь вполне можно было бы употребить слово «многонациональный», но буквальный перевод этого слова на английский как «multinational» может привести к недоразумению. В русском языке слово «нация» означает прежде всего некую общность людей и не подразумевает непременно, что данная общность живет в своем собственном отдельном государстве. Но в английском языке (особенно в индийском английском) у слова «nation» сильна коннотация «независимое политическое целое». Поэтому, если назвать Индию «многонациональной» страной (что звучит вполне осмысленно по-русски), то в случае буквального перевода на английский это вступит в противоречие с нынешними политическими установками в самой Индии. С другой стороны, если по-русски сказать, например: «Индийцы – одна нация», то это будет выглядеть как слишком буквальный перевод с английского («Indians are one nation» – на индийском английском это звучит вполне нормально). Многих недоразумений между индийскими и российскими учеными можно было бы избежать, если бы они всегда помнили об этих семантических различиях между как будто идентичными словами «нация» и «nation».
- ² Конечно, такие товары имелись и на индийском политическом рынке в XX в. Но если бы было возможно объективное измерение их количества (а также качества?), то Россия, как мне кажется, значительно преувозшла бы Индию изобилием этого добра, одним из главных поставщиков которого был у нас Сталин.
- ³ Интересно было бы также сравнить выборы в Индии в 1937 г. с выборами в СССР в том же 1937 г.

Индийская литература¹

Термин *индийская литература*² сложился в XIX веке в рамках *индологии*³, а затем получил развитие и в связи с расширением этой области знания, и в связи с развитием самой индийской культуры. В настоящее время термин *индийская литература* употребляется в несколько различных смыслах в зависимости от того, о какой эпохе идет речь. Применительно ко времени до XIX в. под *индийской литературой* большей частью понимают все множество дошедших до нас памятников словесности и письменности, созданных на территории Индии (Южной Азии) и/или на индийских языках. Применительно же к XIX–XX вв. термин *индийская литература* приобретает более узкий смысл, подразумевая в основном ту часть индийской словесности, которую можно отнести к художественной литературе. Если речь идет о времени до 1947 г., то под *индийской литературой* понимается литература всего южноазиатского субконтинента (иногда включая даже и Непал, и Шри Ланку). Применительно же ко второй половине XX в. под *индийской литературой* понимают уже литературу, создаваемую в Республике Индии. В это время возникают термины *пакистанская литература* и – позже – *бангладешская литература*.

При делении *индийской литературы* на составные части используются различные критерии (часто так или иначе пересекающиеся): языковые, этнические, религиозные, хронологические, жанровые и др. Древнейшие памятники письменности на территории Южной Азии – надписи цивилизации долины Инда. Но, поскольку они до сих пор практически не расшифрованы, их можно отнести лишь к предыстории «индийской литературы». Древнейшие памятники индийской словесности, язык которых не был забыт, – это *Веды*. В индологии принято выделять комплекс *ведийской* (или *ведической*) *литературы* (*самхиты*, *брахманы*, *араньяки*, *упанишады*, а также тексты вспомогательные – *веданги*). Позже начали формироваться три других комплекса: *эпический*, *джайнский* и *буддийский*. К первому относятся прежде всего *Махабхарата* и *Рамаяна*, а также многочисленные *пураны*. Понятие *джайнская литература* в узком смысле означает тексты *джайнского канона*, а в более широком смысле может означать все множество произведений, созданных авторами-джайнами на различных индийских языках (*санскрите*, *пракритах*, *апабхраниша*, *новоиндоарийских* и *дравидийских*). Понятие *буддийская литература* лишь

частично пересекается с понятием *индийская литература*, поскольку буддизм широко распространился за пределами Индии и понятие *буддийская литература* в широком смысле включает в себя тексты, созданные на многих языках не только Южной, но и Центральной, Восточной, а также Юго-Восточной Азии. Из этого огромного комплекса к собственно *индийской литературе* можно отнести древнейшие пласты *палийской литературы*, произведения, созданные авторами-буддистами на *санскрите* (в том числе и на так называемом *буддийском санскрите*), а также на *апабххраниа* (см. *сиддхи*) и в отдельных случаях на *новоиндоарийских языках* (см., например, *чарья-гити*⁴). С начала нашей эры прослеживаются истории *санскритской литературы* и *тамильской литературы*. По языковому признаку можно выделить литературу на нескольких *праkritах* (*праkritскую литературу*), в значительной своей части охватываемую понятием *джайнская литература*. Выделяемый также по языковому признаку комплекс литературы на *апабххраниа* в значительной своей части пересекается с комплексами литератур *джайнской* и *буддийской*.

Во втором тысячелетии н. э. *индийская литература* становится еще более многообразной. Формируются литературы на нескольких (в основном *новоиндоарийских*) языках Северной Индии (литературы *ассамская*, *бенгальская*, *гуджаратская*, *кашмири*, *маратхская*, *ория*, *панджабская*, *синдхи*, *урду*, *хинди* и др.), а также еще на трех *дравидийских языках* Южной Индии (литературы *телугу*, *каннада*, *малаялам*). В связи с укоренением ислама на индийской почве развивается *фарсиязычная индийская литература* (и в меньшей степени – литература *арабоязычная*, а также литература на *тюрки*). В XIX в. возникает *англоязычная индийская литература*. В XIX–XX вв. получают письменность многие прежде бесписьменные малые народы Южной Азии, что способствует становлению литератур на этих языках (см., например, *сантальская литература*). В XIX и особенно в XX в. наряду со становлением современной *литературы хинди* предпринимаются более или менее успешные попытки развивать самостоятельные литературы на ряде языков (диалектов) *хиндиязычного ареала* (см. литературы *авадхи*, *браджа*, *бунделькхандская*, *бходжпурская*, *гархвальская*, *догри*, *магахская*, *майтхильская*, *раджастханская*). В настоящее время Литературная Академия Республики Индия (Сахитья Академи) официально признает литературы на двадцати двух языках, которые обычно перечисляются в порядке английского алфавита: *ассамский*, *бенгальский*, *догри*, *английский*, *гуджарати*, *хинди*, *каннада*, *кашмири*, *конкани*, *майтхили*, *малаялам*, *манипури*, *маратхи*, *непали*, *ория*, *панджаби*, *раджастхани*, *санскрит*, *синдхи*, *тамильский*, *телугу* и *урду*.

Возможно, что в будущем будут признаны и еще несколько литературных языков, которые добиваются подобного признания. Литература на нескольких из вышеназванных языков развивается не только в Республике Индия, но и в соседних странах: в Пакистане (на урду, панджаби, синдхи, гуджарати), Бангладеш (на бенгальском), Шри Ланке (на тамильском), Непале (на непали и майтхили), Малайзии и Сингапуре (на тамильском).

Индийская литература издревле оказывала влияние на литературы других стран Азии, а со второй половины второго тысячелетия н. э. — и на литературы стран европейской культуры (сначала преимущественно через посредничество мира ислама, а с конца XVIII в. — непосредственно).

Примечания 2002 г.

¹ Поскольку эта статья было написана, как уже сказано, для несостоявшейся «Энциклопедии Азии», курсивом в ней отмечены слова, которые должны были отсылать к другим статьям той же энциклопедии. Теперь большую часть этих закурсивленных слов можно рассматривать как отсылки к статьям другого энциклопедического издания: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987 (далее — ЛЭС).

² Ср.: *Серебряков И.Д.* Индийская древняя литература / ЛЭС. С. 122–124; *Серебряков И.Д.* Индийская новая литература / ЛЭС. С. 124–126.

³ Слово «индология» заслуживает специального исследования. У нас оно вполне прижилось как название той отрасли востоковедения, которая занимается Индией. Однако многозначность слова «Индия» и еще бо́льшая неопределенность понятия «востоковедение» обусловили и нынешнюю неопределенность слова «индология». См.: *Б[аранников]. А., Ш[ор]. Р.* Индология / БСЭ (1-е изд.). Т. 28. М., 1937. С. 424–426; *Зограф Г.А.* Индология / БСЭ (3-е изд.). Т. 10. М., 1972. С. 236–237. См. также: *Einführung in die Indologie. Stand. Methoden. Aufgaben* / Herausgegeben von H. Bechert und G. von Simson. Darmstadt, 1979 (2. Ausgabe, Darmstadt, 1993).

⁴ См.: с. 149, примеч. 99.

Литература хинди¹

Хинди литература – одна из составных частей многообразного мира индийских литератур, сама представляющая собой довольно многообразный и сложный комплекс, границы которого к тому же не всегда поддаются объективному определению. Термин «литература хинди», как и термин «язык хинди», многозначен, т. е. в зависимости от контекста может приобретать разные значения. В узком смысле (применительно к нашим дням) под «литературой хинди» имеют в виду литературу на современном литературном хинди (кхари боли), сформировавшуюся в XIX–начале XX в. Эта литература, одна из важнейших в современной Индии, стала как бы главной наследницей разнообразных литературных традиций всего так называемого хиндиязычного ареала, т. е. тех областей Северной Индии, в которых теперь в качестве литературного (и официального) языка принят современный хинди. Поэтому применительно к эпохе до XIX в. (включительно) под «литературой хинди» подразумевают все те традиции новоиндоарийской словесности, которые могут быть сочтены наследием современной литературы хинди (а границы этого наследия в силу ряда объективных причин невозможно определить однозначно). Наконец, в наиболее широком толковании термин «литература хинди» содержит в себе оба вышеназванных смысла.

В первые века второго тысячелетия н. э. в Северной Индии в сфере словесно-художественного творчества начали постепенно утверждаться новоиндоарийские формы речи, наследницы и соперницы санскрита, пракритов и апабхрانشа. Примерно к середине тысячелетия здесь оформилось несколько литературных наречий, ныне известных под именами: брадж, авадхи, раджастхани, майтхили и др. Однако в Северной Индии не сложилось ни такого доминирующего этноса, ни такого центра культуры и власти, которые могли бы утвердить в данном ареале господство какого-либо одного новоиндоарийского языка. Словесность развивалась здесь в течение веков как комплекс «голосов» различных человеческих общностей: этнических, политических, религиозных, – пользовавшихся несколькими литературными языками (диалектами). Классическим языком индусов (и джайнов) был и остается по сей день санскрит. По крайней мере до XV в. создавалась литература на различных формах апабхрانشа. С XIII в. важнейшим политическим и культурным центром Северной Индии был г. Дели, столица мусульманских правителей. Класси-

ческими литературными языками мусульман в Индии были фарси и арабский. С начала XVIII века в Северной Индии развивалась литература на языке урду (в основе которого лежал диалект Дели, так называемый кхари боли). С начала XIX в. здесь властно зазвучал и английский язык. Словесность на новоиндийских языках формировалась и развивалась в условиях этого культурного и языкового «многоголосья», порой «перепевая» словесности на языках классических, господствующих, порой противопоставляя им свои «голоса», – и лишь в XIX–XX веках приобрела господствующее положение в литературной культуре.

Историю «литературы хинди» (во втором из вышеназванных смыслов) начали изучать в XIX в. европейские исследователи, а в XX в. огромный вклад в ее изучение внесли индийские ученые. Однако и по сей день это богатое литературное наследие исследовано еще довольно выборочно, и в распоряжении науки имеется, по сути дела, лишь весьма фрагментарная картина. Изучение старинной «литературы хинди» связано с рядом специфических трудностей. Прежде всего, как уже сказано, невозможно очертить точно пределы этой литературы: границы культурных явлений прошлого не всегда совпадают с современными демаркациями, да и эти последние порой неоднозначны. Так, некоторые старинные авторы или тексты могут быть с равным правом отнесены и к «литературе хинди» (в широком смысле), и к соседним с ней литературам (пенджабской, гуджаратской, маратхской, бенгальской) или к литературам, отстаивающим ныне свою самостоятельность от хинди (прежде всего к литературам на раджастхани и майтхили). Довольно условна и граница между литературами хинди и урду, как в прошлом, так и настоящем (см. Амир Хусро Дехлеви, Назир Акбарабади, Инша, Премчанд и др.). Еще одна трудность изучения старинных индийских литератур заключается в скудости и/или неопределенности сведений, сохранных традицией об авторах, даже самых знаменитых, о времени и обстоятельствах их жизни, о корпусе их произведений. Нередко имя «автора» оказывается не более чем «знаком», которым помечается та или иная совокупность текстов (см. Горакхнатх, Кабир, Сурдас, Мира-баи и др.)².

Становление словесности на новоиндоарийских языках в Северной Индии было связано, очевидно, с рядом социокультурных и политических сдвигов, происходивших здесь в конце первого и начале второго тысячелетия н. э.: эволюцией местных религий (индуизма, буддизма, джайнизма), приходом и укоренением ислама (в частности, суфизма), кризисом индусской государственности и утверждением власти мусульман. Уже ранняя история этой словесности (насколько она поддается ре-

конструкции) обнаруживает несколько течений, которые, сосуществуя и переплетаясь, сохранились вплоть до XIX–XX вв.

Возможно, одними из первых обратились к проповеди на живых языках северной Индии приверженцы учения «натхов», секты, соединившей в своих воззрениях и практике элементы индуизма и буддийского тантризма. Поэтические тексты, приписываемые легендарному основателю секты, Горакхнатху (предположительно XII в.), дошли до нас в поздних рукописях и в языковой форме, которую лингвисты датируют XIV в.

Дошли до нас и поэтические тексты на «хинди», приписываемые индийским суфиям XIII в., хотя трудно сказать, насколько эти тексты аутентичны. В ту же эпоху творил и знаменитый индо-мусульманский поэт Амир Хусро Дехлеви (1253–1325), который, создавая свои шедевры на фарси, иногда пробовал сочинять стихи и на языке Дели.

Первое крупное и бесспорно датированное произведение литературы хинди – это суфийская аллегорическая поэма на авадхи «Чандаян» (1379 г.; автор – Маулана Дауд), написанная в традиции фарсиязычных маснави, но на сюжет, взятый, очевидно, из индийского фольклора.

Особый жанр – эпическо-панегирические поэмы расо (расау), традиционно относимые к числу старейших памятников литературы хинди. Поэмы этого жанра (архаичный язык которых – брадж с элементами раджастанского и «пережитками» апабханша) повествуют о ратных и любовных подвигах различных индуистских раджей (раджпуты) и нередко – об их столкновениях с мусульманскими владыками. Поэмы-расо дошли до нас в сравнительно поздних версиях (обработках). Так, самая знаменитая (и, возможно, самая ранняя) из этих поэм, «Притхвирадх-расау» («Расау о Притхвирадхе»), приписывается поэту по имени Чанд Бардаи, якобы придворному поэту Притхвирадха, последнего индуистского владетеля Дели (XII в.). Однако версии, дошедшие до нас, вероятно не старше XIV в. (и скорее всего – плод коллективного эпического творчества).

В XIV в., очевидно, жил и Намдэв, поэт-проповедник из Махараштры, которому традиция приписывает, помимо гимнов (абхангов) на маратхи, и поэтические тексты на «хинди» (смеси кхари боли, раджастанского и панджаби), включенные, в частности, в священную книгу сикхов «Адигрантх». Намдэв – первый поэт в традиции поэтов-сантов, воспевавших и проповедовавших в своих стихах преданность безатрибутному Абсолюту (так называемый ниргуна-бхакти). Это была своего рода попытка преодолеть, «снять» и традиционный индуизм, и ортодоксальный ислам, создав некий новый религиозный синтез. Крупнейший поэт в традиции сантов – Кабир (XV в.).

К началу XV в. относится и творчество Видьяпати, придворного поэта раджей Митхилы (совр. Северный Бихар), творившего на санскрите, апабхрانشа и майтхили. Поэзия Видьяпати на майтхили предвосхитила развитие последующей кришнаитской лирики, с одной стороны, и придворной светской поэзии – с другой. Придворный поэт раджей Гвалиора, Вишнудас, в первой половине XV в. переложил на брадже сюжеты «Махабхараты» и «Рамаяны».

Шестнадцатое столетие (точнее – период с конца XV в. по начало XVII в.) называют «золотым веком» литературы хинди. Именно к данной эпохе относится большинство величайших имен этой литературы, большая часть ее классических памятников. Вряд ли случайно, что в политической истории Индии на это время приходится становление империи Великих Моголов и ее расцвет при Акбаре (правил с 1556 по 1605 гг.). Акбар и его ближайшие преемники покровительствовали литературе и искусствам, в их эпоху сложились благоприятные условия для взаимосближения и взаимовлияния классических индийских и исламских традиций. При дворе Акбара (и его преемников) ученые и поэты творили на фарси, санскрите и брадже (несколько стихотворений на брадже приписывается даже самому Акбару). Крупнейшие из придворных поэтов Акбара, писавших на браджа, – мусульманин Абд-ур-Рахим Хан-ханан (1556–1627) и индус Ганг (ок. 1538 – казнен после 1605 г.), наследие которых состоит из гномической, панегирической и любовной (кришнаитской) поэзии.

С начала XVI в. в Северной Индии получают широкое распространение реформаторские индуские вероучения, объединяемые под общим именем бхакти (преданность, приверженность божеству), точнее – сагуна-бхакти (преданность божеству, представляемому в виде личности). По объекту почитания эти вероучения делятся на кришнаитские (поклонение Кришне) и рамаитские (поклонение Раме). Оба направления, особенно первое, породили богатую литературу, преимущественно поэзию. Кришнаиты использовали главным образом брадж, рамаиты – авадхи наряду с браджем. Крупнейшие имена в традиции кришнаитской поэзии – Мира-баи (первая половина XVI в.), Сурдас (XVI в.), а также мусульманин Расхан (XVI–XVII вв.). К рамаитской традиции принадлежит Тулсидас (XVI–нач. XVII в.), автор поэмы «Рам(а)-чарит(а)-манас(а)» («Священное озеро деяний Рамы»), своеобразного переложения «Рамаяны». Поэма Тулсидаса – едва ли не самое знаменитое произведение старинной литературы хинди.

Одновременно развивалась и традиция суфийских аллегорических поэм на авадхи (которая, вероятно, повлияла и на Тулсидаса). Крупнейший

поэт в этой традиции – Малик Мухаммад Джаяси, автор поэмы «Падмавати» (ок. 1540 г.).

Традиции поэтов-сантов развивали Нанак (1469–1539), почитаемый как первый гуру (наставник, учитель) сикхов, и его преемники. Пятый гуру, Арджан (1563–1606), составил священное писание сикхов «Ади-грантх» («Изначальная книга», 1604 г.), в которую включил произведения сантов – начиная с Намдэва и Кабира. Крупнейший поэт-санти традиции сикхизма – Даду (предположительно 1544–1603).

Придворная поэзия развивалась не только в столицах Великих Моголов (Дели и Агре), но и в различных индусских княжествах, входивших в сферу влияния империи Моголов. Один из крупнейших поэтов на брадж – Кешавдас (ок. 1555 – после 1612), придворный поэт в княжестве Орча. Среди его произведений – и своеобразные поэмы-трактаты по поэтике, и изощренное переложение «Рамаяны», и поэма-панегирик в честь могольского императора Джахангира, который восхваляется как «владыка двух вер» (т. е. ислама и индуизма).

Империя Великих Моголов, достигнув в XVII в. вершины могущества и блеска, в XVIII в. постепенно деградировала и распадалась. В истории «литературы хинди» обычно противопоставляют XVII–XVIII века предшествующему «золотому веку» как период, хоть по-своему и блестящий, но отличающийся более эпигонством и в лучшем случае – изощренностью, нежели оригинальностью и величием. Так или иначе, литературное наследие этих веков весьма богато (и мало изучено). Традиции «золотого века» продолжались и развивались, переплетаясь и взаимодействуя между собой. Поэты-бхакты слагали гимны и поэмы в честь Кришны и Рамы; поэты-санты (Радджаб, Сундардас, Малукдас и др.) сочиняли свои поэтические проповеди; поэты-суфии продолжали создавать аллегорические поэмы на авадхи.

К этой же эпохе относится и творчество последних (девятого и десятого) сикхских гуру: Тегбахадура (1621–1675) и Говинда (1664–1708). Оригинальным поэтом и мыслителем был Праннатх (1618–1694), пытавшийся по-своему примирить и объединить индуизм и ислам.

В результате распада империи Великих Моголов появилось много независимых и полунезависимых властителей, при дворах которых подвизалось много поэтов, среди них – немало выдающихся, например:

Бихарилал (родился ок. 1600 г.), автор знаменитого сборника «Сат-саи» («Семь сотен строк»);

Бхушан (XVII в.), воспевший своими изощренными стихами вождя маратхов Шиваджи;

махараджа Яшвантсинх (ок. 1640–ок. 1680), властитель Джодхпура, автор поэмы-трактата по поэтике «Бхаша-бхушан» («Украшение языка»);

Гханананд (первая половина XVIII в.), соединивший в своем творчестве традиции «ученой»-придворной и религиозно-кришнаитской поэзии;

Падмакар (ок. 1750–1833), один из последних классиков поэзии на брадже, который уже с опасением отмечал в своих стихах усиление в Индии власти британцев.

В «хиндиязычном ареале» британская власть утвердилась в первой половине XIX в. Началась медленная, но кардинальная трансформация общества. Традиционная культура Индии стала испытывать на себе мощное влияние новой и динамичной культуры Европы. В XIX в. литература хинди, как и другие индийские литературы, вступила в качественно новый период своей истории. Литература традиционная постепенно стала превращаться в литературу современную: распространялось книгопечатание, начала развиваться проза (до XIX в. на большинстве новых индийских языков прозы было крайней мало), усваивались жанры, формы и идеи европейской литературы.

Примечания 2002 г.

¹ В этой энциклопедической статье повествование было доведено только до XIX в. Предполагалось, что о литературе хинди в XIX и XX вв. напишет другой автор.

² Подробнее об этом см.: *Серебряный С.Д.* О некоторых аспектах понятий «автор» и «авторство» в истории индийских литератур / Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979.

Литература

Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание / Пер. с англ. В.П. Липеровского. М., 1977 (Оригинальное название: *Chatterji S.K.* Indo-Aryan and Hindi. 2nd ed. Calcutta, 1960).

Чельшев Е.П. Литература хинди. Краткий очерк. М., 1968.

McGregor R.S. Hindi Literature from its Beginnings to the Nineteenth Century. Wiesbaden, 1984.

Научное издание
Сергей Дмитриевич Серебряный
Роман
в индийской культуре
Нового времени

Редактор серии Е.П.Шумилова
Редактор Т.Ю.Журавлева
Верстка О.Б.Малаховой

Оригинал-макет подготовлен
в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ

ИД № 05992 от 05.10.2001
Подписано в печать 20.03.2003.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 500 экз.
Заказ №